

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

УДК 81-119(476)(08)+(476)(092)Карпов
ББК 81.1(4Бел)

Рекомендовано
Ученым советом филологического факультета
Белорусского государственного университета
(протокол № 9 от 28 мая 2009 г.)

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор И.С. Скоропанова;
кандидат педагогических наук, доцент Т.В. Игнатович

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук, доцент А.И. Головня
(ответственный редактор);
кандидат филологических наук, доцент А.В. Лавренко
(заместитель редактора);
доктор филологических наук, профессор Л.Н. Чумак;
кандидат филологических наук, доцент Д.Н. Гомон

ТРЕТЬИ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. А. КАРПОВА

Сборник научных статей

Третьи чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова (Минск, БГУ, 13–14 марта 2009 г.): Сборник научных статей / Редколл.: А.И. Головня и др. – Минск: БГУ, 2009. – 180 с.
ISBN

В сборнике представлены материалы Третьих чтений, посвященных памяти профессора В. А. Карпова, — ученого, философа, поэта, оставившего заметный след в отечественной культуре.

Рассчитан на филологов, философов, системологов, специалистов по прикладной лингвистике, по компьютерной лингвистике, а также на студентов, интересующихся рассматриваемыми проблемами.

УДК 81-119(476)(08)+(476)(092)Карпов
ББК 81.1(4Бел)

Минск
2009

ISBN

© БГУ, 2009

КАРПОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 16 марта 1940 г. в городе Вологде.

Отец: Карпов Александр Иванович — главный инженер треста "Вологдолес", погиб на фронте в 1943 г.

Мать: Карпова Галина Ивановна работала в типографии "Красный Север" калькулятором.

В 1947 г. поступил в начальную школу № 20.

После ее окончания (в 1951 г.) поступил в школу № 1.

Закончил ее в 1957 г. и поступил работать фрезеровщиком на завод "Северный Коммунар".

В 1959 г. был призван в ряды Советской Армии. Был курсантом, начальником радиостанции.

В 1962 г. поступил на болгарское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова.

Закончил его в 1967 г. и поступил в аспирантуру при кафедре общего и славянского языкознания Белорусского государственного университета им В.И. Ленина, где был оставлен на работу преподавателем с 1970 г.

В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию "Лексическая сочетаемость в болгарском литературном языке" под руководством проф. А.Е. Супруна.

В 1992 г. защитил докторскую диссертацию "Язык как система".

С 1995 г. — профессор кафедры прикладной лингвистики Белгосуниверситета.

С 1988 по 2003 г. заведовал научной лабораторией теоретической и прикладной лингвистики. Созданы компьютерные учебники русского, белорусского и английского языков.

Работал в целинных строительных отрядах (1963 г. — боец, 1968 г. — командир, 1973 г. — комиссар Республиканского строительного отряда).

В 1982 г. за успехи в болгаристике (многолетнее преподавание, диссертация, цикл статей о болгарском языке, подготовку переводчиков для Интуриста) указом Совета Министров Болгарской Народной Республики был награжден медалью "1300 години България".

Выпущены сборники стихов "Амальгама" (Мн., 2000), "Дао" (Мн., 2008).

Основные направления работы:

1. Системная лингвистика — русистика, славистика (польский, болгарский), японский язык.

2. Системная генетика (лингвистические аспекты генетического кода и белков как текстов без пробелов, синонимия в белках).

3. Системная кристаллография (языковые проблемы омонимии кристаллов, генетика кристаллов).

4. Системная физика (языковые аналоги тяжелых частиц и типов взаимодействий).

5. Философия языка (17 законов системной философии, доказанные для языка-системы).

6. Системная химия (разработка языковой изомерии и построение периодической системы предельных и непредельных углеводородов на основе симметро-асимметрии).

Основные научные труды:

1. Язык как система. Мн., 1992. Переиздание. М., 2003.

2. Болгарский язык. Мн., 1983. Переиздание. М., 2004.

3. Русско-французский, французско-русский учебный словарь. Мн., 1995. (В соавторстве).

4. Ангел Бонов. Мифы и легенды о созвездиях. (Перевод с болгарского). Мн., 1982.

Имею свыше 100 опубликованных статей. Важнейшие из них:

1. Теория симметрии и периодическая система многогранников: Материалы Международной конференции и симпозиума "Симметрия в современной кристаллографии". Л.; М., 1991.

2. Изоморфизм двух систем (междисциплинарный синтез на базе системного подхода) // Веснік БДУ, Сер. 3. 1994. № 3, где на лингвистических принципах антонимии и синонимии построены периодические системы генетического и барионного кодов.

3. Формульное представление лексики // Материалы научно-практической конференции. Личность, слово, социум. Мн., 2001.

4. Типология языковых гомологий. Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология. 2005.

Т.И. Адамович (Минск, БГУ)

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТАЛАНТА В ВИДЕ ОБЪЕКТА-СИСТЕМЫ
В СВЕТЕ СИСТЕМНОЙ ФИЛОСОФИИ**

Кто ищет, тот обрящет,
Кто обрящет, тот будет изумлен,
Кто будет изумлен, тот умалится,
Кто умалится, тот прозрит,
Кто прозрит, тот станет
Светом для окружающих.
"Кумранские рукописи"

Теоретическое наследие профессора В.А. Карпова, в основе которого находится научный труд "Язык как система", имеет огромное значение для развития творческой мысли не только в лингвистике, но и в других науках. В.А. Карпову удалось решить сложнейшую проблему представления языка в виде системы благодаря тому, что в своем творческом поиске он использовал новейшую методологию — Общую теорию систем Урманцева (ОТСУ). Позднее, где-то в 1999 году, ОТСУ было названо самим Ю.А. Урманцевым системной философией.

Объектом системной философии может выступать любой предмет мысли. И в этой отчаянной схватке предмета мысли (языка) с системной методологией заискрил, вспыхнул, засверкал недюжинный талант Владимира Александровича.

Давайте возьмем в качестве предмета мысли талант, столкнем его с системной методологией познания и попытаемся "набросать" эскиз структуры таланта. Согласно первому закону системной философии "любой объект есть объект-система". Это значит, что любой объект познания должен быть представлен в виде объекта системы. Для этого необходимо указать: 1) "первичные" элементы, 2) отношения единства, 3) законы композиции, то есть законы построения объекта системы из его "первичных" элементов.

"Первичными" элементами, образующими талант как систему, являются: информация, знание, умение, навык.

Отношениями единства выступают связи информации, знаний, умений и навыков в структуре таланта.

Законами композиции (условиями, ограничивающими отношения единства) являются строгая направленность преобразований информации в знание, знания — в умение, умения — в навык, навыка — в старую информацию, в случае тривиального преобразования или навыка — в новую информацию в случае нетривиального его преобразования.

Итак, в процессе творческой деятельности существует множество состояний ее субъекта, то есть творца. Эти состояния постоянно подвергаются изменениям. Изменения состояний выступают как их преобразования. Состояние (а) из пары состояний [а, б], подвергаемое преобразованию, называется первичным состоянием. Состояние (б) из той же пары состояний [а, б], которое получается

в результате преобразования первичного состояния (а) той же пары состояний [а, б] называется вторичным состоянием. Преобразование, в результате которого вторичное состояние (б) из пары состояний [а, б] ничем не отличается от первичного состояния (а) той же пары состояний [а, б], называется тривиальным преобразованием. Преобразование, в результате которого вторичное состояние (б) из пары состояний [а, б] отлично от первичного состояния (а) той же пары состояний [а, б], называется нетривиальным преобразованием [2, с.32–59].

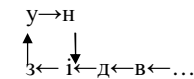
В процессе становления и саморазвития таланта имеют место как тривиальные преобразования (выполняющие функцию сохранения уровня таланта), так и нетривиальные преобразования (выполняющие функцию его самосовершенствования и развития). Преобразование состояний сопровождается сообщением творцу об акте данного преобразования. Посылаемое творцу сообщение есть весть (в). Принятая творцом весть является для него данной, или просто данными (д).

Имеющиеся в распоряжении творца данные подвергаются им оценке с точки зрения пригодности этих данных для решения волнующей его проблемы. Если данные получают отрицательную оценку, они остаются для творца данными, если положительную — данные становятся для него информацией (и). При этом, те данные, которые пригодны для решения теперешней проблемы, называются актуальной информацией. Данные, которые пригодны для решения проблемы, которая возникнет в ближайшем будущем, становятся для творца потенциальной информацией. Все данные, которые никогда не пригодятся творцу для решения возникающих проблем, представляют для него информационный шум [1, с. 49].

Полученная информация подвергается творцом осмыслению. Осмысление информации завершается пониманием ее. Понятая информация есть знание (з). Знание необходимо творцу не само по себе. Оно необходимо ему для совершенствования практической (творческой) деятельности. Практически (творчески) реализованное знание есть умение (у). Умение — это уже операция. Выработка умения не прекращает творческий процесс. Он возобновляется снова и снова, умение все более и более совершенствуется и, в конце концов, автоматизируется. Теперь уже мышление творца высвобождается из-под жесткого контроля со стороны его сознания. Автоматизированное умение есть навык (н).

Таким образом, мы получили четыре "первичных" элемента таланта как системы: информацию, знание, умение, навык. Причем простейшим "первичным" элементом является информация. Знание включает в себя информацию. Умение — знание вместе с информацией. Навык содержит в себе умение вместе со знанием и включенной в знание информацией, по типу матрешки.

Рассмотренные преобразования первичных элементов (i→з, з→у, у→н, н→i) образуют замкнутый цикл:

Впервые эти четыре "первичных" элемента в жизнедеятельности людей были выработаны эмпирическим путем. Люди, выработавшие их, не знали законов получения информации, знания, умения, навыка. Сознание творца на этом эмпирическом уровне имеет еще узкий кругозор и обладает большой ин-

формативной емкостью. Поэтому первый эмпирический уровень становления таланта назовем уровнем информативности (См. Рис. 1). Здесь необходимо заметить, что выработка эмпирической информации осуществляется на базе врожденных навыков (H_0).

На втором, более высоком уровне развития таланта, — уровне осознанности, — творец уже познал законы выработки информации, знания, умения, навыка, на первом, эмпирическом уровне и осознал суть эмпирической формы таланта.

На уровне осознанности творец еще не умеет соединять теорию с практикой. Восхождение его на третий уровень — уровень умелости — свидетельствует о том, что он уже является умелым в соединении теории с практикой в каком-либо одном виде творческой деятельности. Но он еще остается неумелым в соединении теории с практикой во всех видах творческой деятельности.

Восхождение творца на четвертый уровень развития таланта — на уровень навычности — говорит нам о том, что он уже является не только умелым, но и навыкшим в соединении теории с практикой во всех видах творческой деятельности благодаря знанию ее всеобщих принципов и законов.

Уровень навычности, включающий в себя все предыдущие уровни (умелость, осознанность, информативность) является всего лишь завершением формирования интеллекта. Интеллект является основой носителя таланта. И талант творца тем выше, тем сильнее, чем мощнее его интеллект.

На первых четырех уровнях формирования интеллекта (таланта) "весть", "данные" и "информация" получают творцом при помощи пяти органов чувств своего физического тела.

Следующие четыре уровня (информационность, просветленность, сотворимость, святость) являются уровнями развития духовности. И чем выше ступень духовного развития творца, тем выше могущество таланта, тем больше возможностей превращения таланта в гениальность. Здесь уже для получения "вести" требуется расширение индивидуального сознания творца, то есть выход его за пределы пяти телесных органов чувств (зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса).

Преобразования "первичных" элементов осуществляется и далее по тем же законам композиции. На пятом уровне развития таланта — уровне информационности — творец как бы говорит: "Знаю, чего не знаю". Он уже расширил свое сознание. На шестом уровне развития таланта — уровне просветленности — творец сообщает: "Вижу, что знаю", то есть видит картину решения проблемы в виде потока символов или схем. На седьмом уровне развития таланта — уровне сотворимости — творец говорит: "Делаю, что знаю". И, наконец, на восьмом уровне — уровне святости — творец обладает Полным Знанием, состоянием непосредственного чувствования Бога.. Примерами являются Будда, Христос и другие пророки.

На каждом уровне формирования и развития таланта творец получает от Бога (Абсолюта, Сознания Вселенной, Высшего Разума, Информационного поля Вселенной) весть такого уровня сложности, на котором находится творец и на котором он способен воспринять ее.

Такова вкратце структура таланта как объекта системы, подвергаемого постижению. Схематично она представлена в виде "лестницы", ведущей вверх.

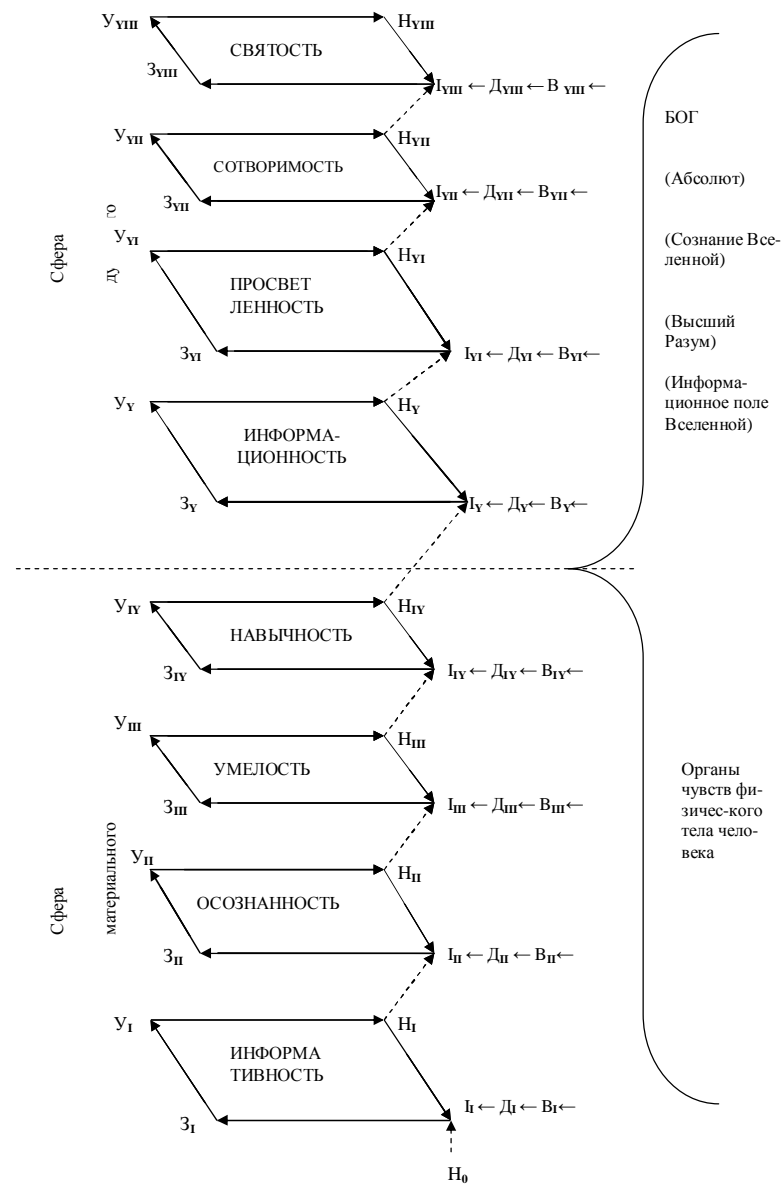

Рис. 1. Эскиз структуры таланта

1. Качир, К. Информационная система промышленного предприятия / К. Качир. — М., 1977.
2. Мазур, М. Качественная теория информации / М. Мазур. — М., 1974.

С.А. Важнік (Мінск, БДУ)

ШАНОЎНЫЯ БРАТЫ І СЯБРЫ, КАБ ВАС ВОЎК ПАЕЎ!, або ПРАЦЯГ НАШАНІЎСКАЙ ЛІСТОЎНАЙ ТРАДЫЦЫІ Ў ЭПІСТАЛЯРНАЙ СПАДЧЫНЕ ЯКУБА КОЛАСА

У сваіх лістах Якуб Колас не менш цікавы, чым у паэтычных і пражаных творах. А можа нават і больш цікавы, бо перад намі паўстае сам Творца: жывы, сапраўдны, які не толькі *разважае, радзіць і смяецца* (гл. [2]), але яшчэ пшчотна *кахае*, усеабдымна *любіць*, моцна-моцна *цалуе, радуецца* як дзіця, горка *плача, сумуе, крыўдзіцца* — адным словам, *жыве*. Усяму гэтаму ў дзядзькі Якуба можна толькі павучыцца. Якраз лісты песняра дазваляюць правесці больш дакладнае "вымярэнне" ўзроўню Асобы паэта. Адным словам, вучымся ў Класіка!

Відавочна, Колас — ад зямлі, ад народа, а таму нічога дзіўнага, што ў Коласа на першае месца пры ліставанні выходзяць **уласна беларускія народныя ветлівыя звароты. Перадусім** гэтыя кампаненты **дзядзька, браце (брацік, браток, браты)**. Гэтая асаблівасць прасочваецца на працягу ўсяго лістапісання паэта: *Мне ўспомнілася запіска, паданая дзядзьку Язэпу на яго лекцыі ў універсітэце: Якое практычнае значэнне мае беларуская мова?* (да М.Д. Міцкевіч; 1923); *Шчырае прывітанне дзядзьку Максіму* (да Чарняўскай, 1927); *Дарагі Максіме! За тваё пісьмо, за памяць аб старым дзядзьку Якубе шчыра дзякую табе* (да Лужаніна; 1948).

Да самога паэта яго выхаванцы інакш як *бацька Якуб* ці *дзядзька Якуб* не звярталіся. Параўн. лісты да Коласа "ташкенцкага перыяду" 1941-1943 гг. [1, с. 94-114.]: *Паважаны і любы бацька Якуб!* (ад Лынькова; 1942); *Любы наш дзядзька Якуб!*; *Дарагі дзядзька Якуб!* (ад Броўкі; 1941-1943).

Адметнае месца ў эпістэлярным ідыястылі паэта займаюць сяброўскія звароты з кампанентам **брат** і вытворныя ад яго. Дастаткова прыгадаць хаця б формулу, што стала назвай артыкула: *Шаноўныя браты і сябры, каб вас воўк паеў!* (да супрацоўнікаў "Нашай Нівы"; 1912). Параўн. таксама: *Дык так, мілы брацік...* (да Лынькова, 1942); *Бывай, браток, здаровы* (да Броўкі; 1942); *Цалую цябе і ўсіх вас, браты мае* (да Броўкі; 1942); *Эх, браткі мае родныя! Пішы ж, Петрусёк. Мне не дужа весела* (да Броўкі; 1942); *Як жывеш, браток? Як маюцца нашы сябры?* (да Лынькова; 1942); *Ты, браце, адгадаў: сапраўды я знаходжуся ў Каралішчавічах...* (да Лужаніна; 1955).

Адзнакай нашаніўскай лістоўнай традыцыі з'яўляюцца таксама "інтэлігенцкія" *паночку / пане*-формулы: *Мілы пане Грыневіч!* (да Грыневіча; 1911). У асноўным яны выкарыстоўваюцца паэтам пры звароце да супрацоўнікаў газеты "Наша Ніва": *Мілы Пане!* (1912); *Шаноўны Пане!* (1912 г.); *Дарогенькі Паночку!* (1912 г.).

Пры афіцыйным ліставанні Якуб Колас часам выкарыстоўваў і ветлівыя звароты з вакатывам **таварыш** (такія канструкцыі ўпершыню зафіксавана ў лісце паэта 1934 г.): *Тав. Зарамбоўскі!* (да К. Зарамбоўскага; 1934). На думку праф. А.Я. Супруна, гэты выраз падчас і пасля Вялікай Айчыннай вайны перайшоў са стылістычна-маркіраваных у разрад нейтральных [3, с. 176], што адлюстроўвае і эпістэлярная практыка Якуба Коласа: *Прывет знаёмым і ўсім таварышам. Ад усяго сэрца жадаю хутчэйшай пагібелі Гітлеру* (да Лынькова; 1941); *Перадайце маё сардэчнае прывітанне ўсім нашым таварышам* (да Гарбунова; 1942).

З 1912 г. (у Купалы — з 1930 г.!) Якуб Колас выкарыстоўвае і афіцыйныя формулы з *і мем і мем на бацьку*, якія, аднак, з'яўляюцца ў ідыястылі паэта малапрадуктыўнымі. Параўн.: *Дарагі Аляксандр Мікіціч!* (да Уласава, 1912); *Глыбокаважаная Ляонія Вусцінаўна!* (да Чарняўскай, 1927); *Дарагі Цімох Сазонавіч!* (да Гарбунова; 1942); *Дарагі Іван Ануфрыевіч!* (да Крупені; 1942); *Дарагі Максім Тадэвіч!* (да Рыльскага; 1945).

Развітальны комплекс у лістах Якуба Коласа, нягледзячы на шаблоннасць і цырыманыльнасць гэтай структурнай часткі, таксама працягвае народную нашаніўскую традыцыю. Паэт актыўна карыстаецца ў сваёй эпістэлярнай практыцы гэтымамай *Бывайце здаровы!* і яе мадыфікацыямі: *А покі што бывайце здаровенькі і шчаслівы!*; *Бывайце шчаслівыя і вясёлыя!* Дастаткова прадуктыўныя афіцыйныя развітальныя этыкемы: *Моцна цісну Вашу руку!*; *Усяго добрага!*; *Усяго найлепшага!*; *Моцна абдымаю Вас, дарагі дружа!*; *Жадаю Вам поспехаў, здароўя, радасці!*; *З пашанаю!*; *Жадаю Вам спору!*. Адзначаюцца і арыгінальныя формулы: *Дай божа Вам добра!*; *З пашанотай!*; *Шчасця, здароўя, творчай маладосці Вам!*; *Жывіце здаровыя!*.

У сяброўскіх лістах Колас яшчэ больш адыходзіць ад этыкетнага шаблону. Разам са стандартнымі стылістычна нейтральнымі канструкцыямі тыпу *Бывай!* актыўна выкарыстоўваюцца асобна-арыентаваныя і сяброўска-гутарковыя этыкемы: *Моцна-моцна цалую цябе, дружа!*; *Цалую вас моцна-моцна, мае мілыя сакалы-сябры!*; *Цалую цябе вусцяцкім і беразянскім пацалункам!*; *Цалую тваю мілую пасівелую галаву!*; *Прывітанне твайму дому і ўсяму таварыству!*; *Перадай прывітанне ўсяму твайму дому і сваёй дынастыі!*; *Перадай маё вялікае прывітанне Жэні, адміралу Міхалу, нарачанскаму патрыёту Максіму і іх сем'ям!*; *Мілы мой, дарагі Пятрусь! Пішы, не забывай. Люблю ж я цябе і вас усіх.*

Інтымны і пшчотны характар маюць развітальныя канструкцыі ў лістах да жонкі: *Моцна цябе цалую і прагну бачыць цябе хутчэй. Божа мой! Колькі я цяпер жыву з табою! і як аб табе думаю!*; *Цалую цябе, Марусечка, і мілыя сынкі!*; *Пацалуй за мяне Міхалёчка майго мілага!*; *Бывай здаровенькая. Цалую дзетка!*; *Бывай жа здаровенька, Марусенька, мая слаўная, дарагая.*

Самаподпіс паэта, як правіла, падкрэслівае афіцыйны або неафіцыйны характар ліста. Так, у прыватным афіцыйным ліставанні Коласа маюць месца наступныя варыянты самаподпісу. Параўн.: *Ваш К. Міцкевіч!*; *Ваш Якуб Колас!*; *Ваш Я.К.*; *Якуб Колас — Твой Я. Колас!*; *Якуб!*; *Твой Якуб!*; *Твой стары Якуб Колас!*; *Твой Костусь!*; *Твой Якуб Салок* (Колас наадварот! — С.В.).

Подпісы ў лістах да сяброў арыентаваны на знакавыя падзеі ў жыцці паэта: смерць Купалы, пастаянныя хваробы і г.д. Параўн.: *Твой Якуб-сірата; Ваш Якуб Колас, інвалід да канца свайго жыцця; Інвалід Якуб Колас; Твой Якуб-інвалід.*

У лістах да жонкі пераважае варыянт *Твой Костусь*. Персаналізуюць эпістальную камунікацыю паэта варыянты тыпу: *Увесь твой Костусь; Твой і толькі твой Костусь; Твой лысы стары Костусь*. Лісты, адрасаваныя сынкам, у асноўным падпісваюцца: *Твой тата; Ваш Костусь; Ваш К., бацька.*

Па словах меншага сына Коласа, Міхася Міцкевіча, прыгажосць і абаяльнасць жанчыны паэт уносіў да нябёсаў. Можна таму ў яго творах адмоўных жаночых вобразаў і не было. Гэтая цеплыня і спагада паэта чытаецца ў ветлівых зваротах да Марыі Дзмітрыеўны Міцкевіч, жонкі паэта, *"вернага, мілага друга": Мілая, слаўная Марусечка і сынкі!; Мілая, дарагая Маруся і слаўныя хлопчыкі!; Дарагенечкі Марусёк!; Маруська!; Мой дарагі дружок!; Мае мілыя дзеткі і слаўная жоначка!; Як жа маешся ты, мая мілая старэнькая?; Мой лепшы прыцель!; Мая мілая заточніца!; Мая ластаўка!; Мой самы блізкі ў жыцці чалавек, мой самы шчыры друг!*

Кожны ад'езд Коласа з дому (або на настаўніцкія курсы, або на лячэнне, або ў Ташкент падчас эвакуацыі і г.д.) суправаджаецца літаральна паводкай лістоў у родныя мясціны з пытаннямі і просьбамі тыпу: *Ну, як жывеш, Марусечка, роднёнькая? Я ўсё чакаю ад цябе пісьма... Як маюцца мае мілыя хлопчыкі?.. (1926); Што ж у цябе новага? Пішы мне многа і падрабна (1926).* Паэт па сутнасці лічыць гадзіны да спаткання са сваёй жонкай: *Сёння ўжо 12/VII, дзён праз 10 я буду мець ічасце бачыць цябе, а калі ты будзеш чытаць мой гэты ліст, то не 10 дзён, 5 — 4 будуць раздзяляць час нашага спаткання... (1924).* Якуб Колас вельмі крыўдзіўся, калі ад жонкі доўга не было вестак, што выклікала ў паэта занепакоенасць станам здароўя сямейнікаў. Параўн.: *Вось ужо і другі тыдзень пайшоў, а я ўсё яшчэ нічога не ведаю аб табе. Мяне пачынаюць апаноўваць розныя думкі аб тым, ці здарова ты, ці ўсё там у цябе добра... (1923); Я ўсё чакаю ад цябе пісем, а іх няма... і мне смутна робіцца на душы... Часамі я адчуваю моцную маркоту і нейкі смутак, і не хочацца мне быць тут, каб ты ведала як. Я часта ўсё думаю аб табе, многа думаю, і мяне бярэ неспакой, чаму ты нічога не пішаеш мне... Каб ты ведала, Маруська, як мне без цябе цяжка (1924).*

Зразумелая трыюга асабліва апаноўвае Коласам падчас Вялікай Айчыннай вайны: *Мне, Маруська, маркотна без цябе, без Міхаські і Даніка. Я ўвесь час сяджу ў купэ і або пазіраю ў акно, або ляжу і думаю пра цябе, пра наш побыт...; Ох, мілая Маруська, не выходзіце вы з маіх думак. Як хочацца мне зноў апынуцца сярод вас (1942).*

І калі побач з паэтам зноў апыналіся жонка і сынкі, усё адразу ж становілася на свае месцы і ён з поўным правам пераключаўся на ліставанне з сябрамі, па якіх таксама вельмі сумаваў, асабліва тады, калі яны падоўгу не пісалі. Вось як у гэтым паэце прызнаецца свайму сябру М. Лынькову: *Дык так, мілы брацік: я дома, я сярод свае сям'і, без якой мне так цяжка жыць і з якой так трудна разлучацца. Дома ўсё ішчасліва. Усе здаровы. Толькі ўсё ж*

мая "подруга дней моих суровых" выглядыць не зусім так, як бы мне гэтага хацелася: пахудзела яна, памізарнела. У абстаноўцы сям'і да мяне вярнуўся адносны спакой, і я патроху наганяю сон, якога бракавала мне ў часе паездак, у жыцці па-за межамі свайго стойбішча... (1942).

Такога — "сямейнага" — Коласа, на жаль, зараз ведаюць мала.

У 1945 г. жонка моцна захварэла: *Як жа тваё самапачуванне, мой добры, верны друг? Цалую цябе моцна-моцна. Ад усяго сэрца і ад усяе душы жадаю табе сілы, здароўя і перамагчы сваю хваробу. Змагайся, мая ластаўка... (1945).* Колас глыбока перажываў страту вернага сябра: *Адчуваю сябе так, як бы мне адсеклі правую руку і адабралі палавіну душы. Цяжка мне і пуста (да І.Ю. Міцкевіча; 1945).* Светлы вобраз *мілай, слаўнай Марусечкі* паэт пранёс у сэрцы праз усё сваё жыццё.

Кожны ліст Коласа да жонкі ўключаў і персанальныя звароты да "мілых сынкаў" — Юрася, Даніка і Міхалёчка: *Ах, мой мілы Юрачка! Дай пацалую твае чорненькія вочкі, твой лабок, твае губкі, што выказалі такую мілую, такую слаўную і шчырую прамову! "Няхай тату бог пацалуе!"... (1923); Сыночкі мае родныя! Як вы здаровы?.. Жывіце дружна, бо калі вы будзеце сварыцца ці вясці сябе кепска, то мне будзе кепска спацца і будуць сніцца дрэнныя сны. Бывайце здаровенькія. Усіх вас цалую. Як здароўе мамы? (1924); Мой дарагі сынок Данілачка! Мне надта хочацца ведаць, як ты жывеш дома, што робіш, як тваё здароўе. Напішы мне пра ўсё гэта. Мне будзе так прыемна прачытаць тое, што ты мне напішаеш (1926); Як жа гадуешся, мой Міха-лючок? (1926).*

Вялікі пісьменніцкі аўтарытэт, жыццёвая мудрасць, мяккае, чулае сэрца і шчодрая душа, чалавечыя дабрны і спагада — гэтыя якасці дазволілі Якубу Коласу стаць цэнтрам духоўнага прыцягнення творчай беларускай інтэлігенцыі, што засведчана ліставаннем ваеннага і пасляваеннага перыядаў. Карэспандэнтамі паэта былі пісьменнікі-франтавікі П. Броўка, П. Глебка, М. Лынькоў, М. Лужанін, К. Чорны і інш. Кожнага паэт імкнуўся ўсяляк падтрымаць і для кожнага знаходзілася добрае слоўка: *Петрусёк!; Пятруська!; Мой мілы, мой добры вусаты Пятрусь!; Мой дарагі Пятро-Пятрусь!; Дарагі Пятрусь Падбярэжскі! (да П. Глебкі); Пятрусік!; Мілы, любы, харошы, дарагі Пятрусь! (да П. Броўкі); Мілы, слаўны, дарагі Міхал!; Міхалок!; Дарагі мой дружка Міхале!; Вялікі Нарачанскі флотавадзіцель!; Дарагія Зося і Міхал-адмірал!; Прывітанне Глебусімусу (да М.Ц. Лынькова); Дарагі дружка Максіме!; Дарагія Максім і Жэня, або — шыншах і шахіня! (Люблю спалучэнне гэтых слоў — яны нагадваюць замілаванае слова маладнякоўцаў — "шыпшына"). Ішага ээнсу не шукайце ў іх); Адміралу Міхалу, як найбольшаму аптымісту сярод вас, жадаю пасяховага плавання каля беразу прыгажуні-Нарачы (да М. Лужаніна); Дарагі Антось!; Мой мілы, мой любы Антоні!; Дарагі Антоні-Антуан! (да А. Уса); Дарагі Янка! ... Яшчэ болей асірацеў я з тваім выездам; Дарагі Ванька-Іван-Ваня! (да І. Клімава).*

Колас вельмі радаваўся лістам сваіх вучняў, а калі часам карэспандэнцыя затрымлівалася ў дарозе, адчуваў сябе адзінокім чалавекам і пытаўся: *Чаму не пішуць мае хлопцы?* Такія лісты паэта вызначаюцца сталатальна-

эмацыянальнай дамінантай: *Мае дарагія браты-землякі, таварышы! О, як бы я хацеў сягоння быць сярод вас, абняць кожнага з вас паасобку, а потым усіх разам і прытуліць к сэрцу! Стамілася сэрца на вас, цяжка разлука з вамі і адарванасць ад свае зямлі і народа. Маё жыццё тут* (г. Ташкент, Саюз пісьменнікаў, Першамайская, 20 — С.В.) — *гэта змушанае сядзенне пад чужым плотам. Усе ж мае мыслі, імкненні з вамі, мае дарагія сябры* (да Броўкі; 1941); *Нявесела мне без вас, дарагія мае* (да Броўкі; 1942); *Пішыце мне, бо я жыю ў вялікай адзіноце, і на маёй душы ляжыць цяжкі камень — я наярэдадні свайго змяркання* (да Лынькова; 1943); *Занудзіўся я на сваіх Петрусях, на Міхалу, Кандрату і на ўсіх добрых чалавеках, не кажу ўжо аб чалавечыцах* (да Глебкі; 1951); *Як гэта добра, што ты надумаўся напісаць мне пісьмяк!* *Мне адразу стала весялей* (да Глебкі; 1942).

У найбольшай ступені матыў адзіноты гучыць у лісце да П. Глебкі: *Скажу табе проста: не песьціць мяне Барвіха пісьмамі прыцяляў... Тут можна думаць дваяка: нашто яму (г.зн. мне, Коласу) пісаць, калі ён і так неўзабаве вернецца ў Мінск?.. Божжа мой, божжа! Ужо калі так думаюць людзі, а тым болей блізкія сябры, дык нашто тады на свеце жыць? Вешай на плечы торбу і вандруй у свет, покі яшчэ сяк-так перастаўляеш ногі... Здавалася б, наадварот. Вось прыедзе дзядзька Якуб, давай падиштурхнем яго пісьмом — не забывайся, гад, што ёсць родны беларускі край — хутчэй варочайся. Гэта так гавораць і так кажуць, калі чалавека сапраўды памятаюць, любяць і чакаюць. А я ж табе, Петрусёк, напісаў з Барвіхі цеперся. Можна было б за гэты час і напісаць хоць маленькую старонку... Ну, але калі вы саграшылі перада мною, дык няхай вам бог даруе грахі... Цалую цябе, а ў твайёй асобе ўсіх, хто мяне памятае і трошкі любіць* (1951).

Лейтматывам ваеннага ліставання паэта сталіся пакуты роднай Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны, вера ў перамогу і жаданне сустрэцца "*на нашым даўнейшым котлішчы*": *Ах, Петрусёк, як хочацца ступіць на родную зямлю, абняць яе і пацалаваць за яе пакуты! Не ўбераглі мы яе. І будзем выкупляць сваю віну работаю, працаю* (да Глебкі; 1942); *Дарагі Петрусёк!.. Кланяйся ўсім сябрам. Можна ў недалёкім часе сойдземся і разам падамося на сваю святую, спакутаную зямлю, пацалуем яе, як добрыя дзеці, ды закасаем рукавы разам з нашымі братамі і возьмемся за працу. Залечым раны* (да Броўкі; 1943); *...Радуюся нашым поспехам на Харкаўскім кірунку... Ты ведаеш, што я новен веры ў нашу перамогу... Эх, Петрусёк, як хочацца мне вярнуцца ў свой край! Дзень і ноч думаю аб гэтым...* (да Глебкі; 1942).

У сяброўскім дыскурсе песняра асобнае месца займае эмацыянальная рэакцыя паэта на смерць **Янкі Купалы**, выказаная ў лістах да беларускіх пісьменнікаў: *Часта ўспамінаю Янку. Няма яго. Няма з кім палаяцца і па шчырасці пагаманіць* (да Броўкі; 1942); *Проста не верыцца, што ўжо не сяду з ім радам за сталом, што кончыўся "спор славян между собою". Як бы там ні было, а мы прайшлі вялікую дарогу ў жыцці... Вець аб яго смерці вострым нажом прайшлася на маім сэрцы. Я пісаў у ТАСС аб гэтым журботным здарэнні і не бачыў ні літараў, ні паперы за слязамі. Мне і зараз цяжка, вельмі*

цяжка, мой дарагі Міхаська (да Лынькова; 1942). *Эх, Петрусёк, як баліць мая душа!* І подпіс пад лістом да П. Броўкі: *Твой Якуб-сірата* (да Броўкі; 1942).

3 году ў год Колас моцна хварэў. 26 запаленняў лёгкіх за апошнія 10 гадоў жыцця: *Хвароба не праходзіць. Ёсць нейкае палепшанне — магу трымаць ручку з пяром. А што мае рукі хворыя, ты можаш пераканацца па гэтай пісьму: калі рукі былі здаровыя, пісаў лепей. Хвароба рук цягнецца другі месяц. Апошняе захворванне на запаленне лёгкіх было 26-м за апошнія 10 гадоў. Адгэтуль ты можаш судзіць, што становішча маё дужа цяжкае. Я ўжо страціў надзею сустрэць 1 Мая 1956 г. На гэтым дазволь і кончыць — баляць рукі* (да Уса; 1956); *Захрыпелі лёгкія, ды ізноў калолі маю бедную казённую часць, шпігавалі пеніцылінам... А горш за ўсё — няладна было з сэрцам... Зараз трохі акрыяў* (да Лужаніна; 1953); *Я еле волюку ногі. У меня головокружение, более чем усталое сердце. Словом, я — инвалид физического труда...* (да Ганчаровай; 1955).

Якуб Колас іранічна ставіўся да сваёй хваробы. Дасціпнасць, бліскачае пацуццё гумару — новыя фарбы эпістальнай карціны жыцця паэта: *Мая доктарка знайшла непарадак у лёгкіх... "Хрыпы" — самая горшая катэгорыя. За імі ідуць "хрыпкі". Гэта ўжо лепей. За "хрыпкі" ідуць "хрыпкі", а самая ніжэйшая ступень — "хрыпчкі". Ніяк не навучу сваю доктарку гэтай градацыі і тэрміналогіі. Але часу яшчэ няма, і я не трачу надзеі навучыць яе элементарнай медыцынскай граматыцы...* (да Глебкі; 1950); *Суставы мае балелі, баляць і будуць балець, як некалі казаў Якуб Колас: "Не паможа падшыванка, не паможа рэмень..."* (да Лужаніна; 1956).

Колас прадчуваў свой хуткі зыход: *Аб сабе магу сказаць: "Быў конь, ды з'ездзіўся". Жыць асталося не доўга, работы ж заўсёды хапае... Дужа рады, што [ты] направиўся, падправіў здароўе. Я ж ужо не напраўлюся. Цяжка хадзіць. Сон няважны. Няма нават і сілы і жадання перамагачь свой заняпад. Мне трэба адно — спакой. А спакою няма. Людзі не лічацца з маім здароўем, а просьба, пісьмамі дакучаюць кожны дзень. У мяне няма ніводнага здаровага нерва, а таму і бяссонніца адольвае мяне* (да Уса; 1954). І своеасаблівае прароцтва літаральна за некалькі дзён да смерці: *Цалую Вас Якуб, якому сыходзіць тэрмін жыць на гэтым свеце* (да Лужаніна; 08.08.1956).

А на беларускую зямлю вылілася некалькі нарачанскіх азёр... (з ліста да М. Лужаніна; 1956).

Вось такая эпістальная карціна жыцця Паэта: *Якуб Колас кахаў, любіў, сябраваў...*

Літаратура

- Мазанік, Л. *"Ёсць на свеце чалавек, любі і дарагі..."*: 3 ташкенцкай пошты Якуба Коласа 1941-1943 гадоў / Л. Мазанік // Шляхам гадоў: Гісторыка-літаратурны зборнік. Мінск, 1990.
- Міхневіч, А.Я. Якуб Колас разважае, радзіць, смяецца... (Выбраныя выслоўі народнага песняра) / А.Я. Міхневіч. Мінск, 2002.
- Супрун, А.Е. Лекцыі по теории речевой деятельности / А.Е. Супрун. Минск, 1996. С. 176.
- Якуб, Колас. Збор твораў. Т. XII. Пісьмы. Дзённікі. Летапіс жыцця і творчасці / Якуб Колас. Мінск, 1964.

БАЗОВЫЕ СРЕДСТВА ФОРМАЛЬНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛОЖНОСТРУКТУРИРОВАННЫХ ЗНАНИЙ

Унифицированный способ кодирования различных видов знаний необходим для обеспечения совместимости различных видов знаний и различных языков представления знаний, что, в свою очередь, необходимо для интеграции знаний, а также для интеграции различных языков представления знаний. Без приведения интегрируемых знаний к одинаковой (общей, унифицированной) форме интеграция невозможна.

В качестве такой унифицированной формы записи всевозможных знаний предлагается *SC-код* (Semantic Code) [1-3]. Информационные конструкции представленные в *SC*-коде, будем называть *sc-конструкциями*. Элементарные фрагменты *sc-конструкций* будем называть *sc-элементами*.

Алфавит *SC*-кода представляет собой базовое синтаксическое разбиение множества *sc*-элементов на следующие виды (синтаксически задаваемые классы):

- *sc-узел*
- *sc-ребро*
- *sc-дуга общего вида*
- *sc-дуга основного вида*

Кроме алфавита *sc*-элементов (алфавита *SC*-кода) структура *sc*-конструкций задаётся двумя бинарными ориентированными отношениями инцидентности, которые связывают *sc*-элементы между собой:

- инцидентность *sc*-коннектора с его компонентом
- инцидентность *sc*-коннектора с его 2-м компонентом

Второе из этих отношений является строгим подмножеством (частным случаем) первого отношения. Инцидентность *sc*-коннектора с его компонентом связывает либо *sc*-дугу с её 1-м компонентом, т.е. с *sc*-элементом, из которого эта *sc*-дуга выходит, либо *sc*-ребро с его обоими компонентами.

Приведем синтаксические правила *SC*-кода, описывающие свойства его алфавита и свойства отношений инцидентности.

1. Оба отношения инцидентности *sc*-элементов являются бинарными и ориентированными.
2. Первым компонентом каждой пары отношения либо *sc*- инцидентности *sc*-коннектора с его компонентом является дуга основного вида, либо *sc*-дуга общего вида, либо *sc*-ребро.
3. Первым компонентом каждой пары отношения инцидентности *sc*-коннектора с его 2-м компонентом является либо *sc*-дуга основного вида, либо *sc*-дуга общего вида
4. В обоих отношениях инцидентности не существует пар-петель (т.е. пар, оба компонента которых совпадают) – *sc*-дуги и *sc*-ребра не могут быть инцидентными сами себе (*sc*-дуга не может выходить из самой себя

и не может входить в саму себя). Это означает, что отношения инцидентности являются антирефлексивными.

5. В обоих отношениях инцидентности не существует кратных пар, кроме пар инцидентности петлевых *sc*-ребер с их компонентами
 6. В отношениях инцидентности встречные пары в принципе возможны, т.е. *sc*-дуга (*sc*-ребро) может быть инцидентна *sc*-дуге (*sc*-ребру), которая, в свою очередь, инцидентна ей, т.е. отношения инцидентности частично симметричны.
 7. Оба отношения инцидентности антитранзитивны.
 8. Вторым компонентом каждой пары каждого отношения инцидентности может быть *sc*-элемент любого вида. В частности, *sc*-дуги могут выходить из других *sc*-дуг, а также из *sc*-ребер. Кроме того, *sc*-дуги могут входить в *sc*-ребра и в другие *sc*-дуги. Аналогично этому *sc*-ребро может соединять:
 - (1) два *sc*-узла
 - (2) *sc*-узел с *sc*-дугой
 - (3) *sc*-узел с другим *sc*-ребром
 - (4) *sc*-дугу с *sc*-дугой
 - (5) *sc*-дугу с *sc*-ребром
 - (6) *sc*-ребро с *sc*-ребром
 9. Для каждой *sc*-дуги существует одна и только одна пара инцидентности, связывающая эту *sc*-дугу её 1-м компонентом
 10. Для каждой *sc*-дуги существует одна и только одна пара инцидентности, связывающая эту *sc*-дугу с её 2-м компонентом
 11. Для каждого *sc*-ребра существует две и только две пары инцидентности, связывающие это *sc*-ребро с его компонентами
 12. Существуют петлевые *sc*-дуги основного и общего вида (т. е. *sc*-дуги, которые выходят и входят в один и тот же *sc*-элемент)
 13. Существуют петлевые *sc*-ребра
 14. Множество всевозможных *sc*-дуг 1-го вида является частично транзитивным.
 15. Множество всех *sc*-дуг 2-го вида является частично транзитивным.
 16. Множество всех *sc*-ребер является частично транзитивным.
 17. Существуют кратные и встречные *sc*-дуги основного вида.
 18. Существуют кратные и встречные *sc*-дуги общего вида.
 19. Существуют кратные и встречные *sc*-дуги разных видов.
 20. Существуют кратные *sc*-ребра.
- Базовая семантическая типология *sc*-элементов, обусловленная характером обозначаемых объектов, осуществляется по следующим признакам:
- 1) Конкретность (фиксированность) обозначаемого объекта;
 - 2) Структурный тип объекта, обозначаемого *sc*-элементом;
 - 3) Постоянство существования или несуществования обозначаемого объекта;
 - 4) Существование обозначаемого объекта.

РЕЗУЛЬТАТ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР РЕЧЕВОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Заметим, что данная классификация не является ситуативной, т. е. носит не зависящий от времени характер.

Каждый указанный вид *sc*-элементов имеет вполне определенную семантическую трактовку:

- *sc-узел* трактуется либо как *sc*-элемент неизвестного семантического типа, либо как *sc*-элемент, семантика которого дополнительно уточняется явно средствами *SC*-кода (т. е. с помощью специальных *sc*-конструкций, специфицирующих этот *sc*-элемент);
- *sc-ребро* трактуется либо как обозначение неориентированной пары *sc*-элементов, семантика которой дополнительно уточняется явно средствами *SC*-кода, либо как ориентированной пары *sc*-элементов, ориентация которой в текущий момент не известна;
- *sc-дуга общего вида* трактуется как обозначение ориентированной пары *sc*-элементов, семантика которой дополнительно уточняется явно средствами *SC*-кода;
- *sc-дуга основного вида* трактуется как знак конкретной (фиксированной) пары принадлежности, которая является постоянной (т. е. не зависящей от времени), существующей и связывающей *sc*-элемент, являющийся знаком какого-либо конкретного и постоянного множества *sc*-элементов, с *sc*-элементом, являющимся одним из элементов указанного множества.

Под уточнением семантической типологии *sc*-элементов понимается переход от явного указания (средствами *SC*-кода) более общего класса *sc*-элементов, которому принадлежит рассматриваемый специфицируемый *sc*-элемент, к явному указанию частного класса, которому этот *sc*-элемент принадлежит.

SC-код позволяет описывать структуру любой информационной конструкции, не принадлежащей *SC*-коду, на любом этапе синтаксического и семантического анализа. *SC*-код хорошо приспособлен к использованию в условиях так называемых не-факторов: нестационарности, неточности, противоречивости, неактуальности, неполноты знаний. Основное достоинство *SC*-кода заключается в том, что он создает основу для конструктивного, четкого решения проблемы интеграции баз знаний и языков представления знаний.

Литература

1. Голенков, В.В. Графодинамические методы и средства параллельной асинхронной переработки информации в интеллектуальных системах / В.В. Голенков. Минск, 1996.
2. Представление и обработка знаний в графодинамических ассоциативных машинах / В.В. Голенков, О.Е. Елисеева, В.П. Ивашенко и др.; Под ред. В.В. Голенкова. Минск, 2001.
3. Семантическая модель сложноструктурированных баз данных и баз знаний / В.В. Голенков, Н.А. Гулякина, О.Е. Елисеева и др. Минск, 2004.

С Владимиром Александровичем Карповым я имела удовольствие познакомиться в 2000 году во время подготовки к защите моей, по моим опасениям, могло быть не принято лингвистами: развиваемой в моей работе концепции целостности функциональных систем в их постоянной направленности на получение результата, прослеживаемой по линии Сеченов — Павлов — Ухтомский — Анохин. И тем не менее именно это Владимир Александрович выделил с большим удовлетворением, давая оценку лингвистическому труду. Ему импонировало то, что в исследовании, направленном на разработку концепции формирования перцептивной базы языка, развивались акцепторные идеи П.К. Анохина.

Мне действительно повезло иметь в качестве оппонента В.А. Карпова — ученого таких широких взглядов на системные явления.

1. Согласно теории П.К. Анохина, любая функциональная система представляет собой не простую совокупность элементов, а целостное интегрированное образование, нацеленное на единый полезный *результат* [П.К. Анохин, 1973, 25].

Как ведущий фактор системы результат обеспечивает ее целостность, опираясь на признак своей достаточности или недостаточности. Именно этот признак определяет поведение системы. В случае достаточности организм переходит на включение другой функциональной системы с иным полезным результатом [П.К. Анохин, 1970]. В случае недостаточности полученного результата происходит стимулирование активирующих механизмов, возникает активный подбор новых компонентов, создается перемена степеней свободы их функционирования и, наконец, путем "проб и ошибок" находится вполне достаточный приспособительный результат. Являясь детерминирующим фактором и регулируя работу функциональной системы, результат использует все ее возможности.

Рассмотрение результата как детерминирующего фактора разработанного нами понятия речевой функциональной системы обязывает конкретизировать представление о его основном содержании. Для этого потребуется проанализировать ряд следующих вопросов:

- 1) Какой должен быть получен результат?
- 2) Когда именно должен быть получен результат?
- 3) Какими механизмами должен быть получен результат?
- 4) Как система убеждается в достаточности полученного результата?

Ответы на поставленные вопросы можно получить после того, как будет определен *состав речевой функциональной системы*, выяснена *роль отдельных ее компонентов* в получении результата и проведен *экспериментальный анализ ее деятельности* в условиях развивающейся речи.

2. Речевая функциональная система представляет собой суперсистему речевосприятия и речепродуцирования, состоящую из подсистем, деятельность

которых мотивирована обеспечением понимания лингвистической информации. Центральным моментом, организующим работу каждой из них, является именно данный результат, и поэтому для его достижения подсистемы действуют по одной и той же архитектуре, координируемой смыслом передаваемого и воспринимаемого сообщения. Рассмотрим составляющие речевой функциональной системы и определим результаты их функционирования.

При речепродуцировании в речевой функциональной системе одновременно включаются три эффекторные системы: *энергетическая* — дыхательная, *генераторная* — голосовая и *резонаторная* — носоглоточно-ротовая [Н.И.Жинкин, 1958, 350]. Речевые сигналы в виде нервных импульсов передаются по определенным кодам, преобразующим импульсы в мышечные движения, соответствующие каждой из систем. К каждому мышечному волокну подается особый, раздельный нервный импульс. Этим и определяется необходимость распада сложного речевого звука на дробные импульсы с тем, чтобы любая из эффекторных систем смогла быть включена или выключена в точно определенный момент.

Из этих трех эффекторных систем исходной, основной является энергетическая. Отвечая за организацию дыхания при актуализации речевой функции, данная система обеспечивает энергетический расчет при произнесении слогов в речевом потоке. Именно благодаря этому результату обеспечиваются всевозможные комбинации в соотношениях скорости потока воздуха для регулировки подсвязочного и надсвязочного давления в гортани.

Звукообразование осуществляется функционированием двух других систем: генераторной и резонаторной. Речевое звучание представляет собой последовательность дискретных элементов (сегментов) — реализаций той или иной фонемы языка. Результатом действия генераторной системы является дифференцировка звуков на гласные и согласные.

Генераторная система участвует не только в образовании звукового потока сегментного ряда. Результатом ее функционирования является создание просодических (супрасегментных) характеристик речи в виде тонких переходов во всевозможных комбинациях тона и шума. Сам процесс генерации просодических характеристик произвольно не контролируется говорящим по месту и способу производства, а регулируется только через слуховой образ. Это в значительной мере объясняет трудность обучения просодии иностранного языка.

Резонаторная система образует над собственно голосовым как бы второй уровень акустического сигнала. Результатом ее действия является одновременное обеспечение статики и динамики речи. Статика речи выражается в виде набора формант сегментов в звуковом спектре, а динамика передается через их слоговое квантование в речевом потоке.

Взаимная связь между результатами, раскрывающими соотношение в работе трех эффекторных систем речи, позволяет установить общность управления, контроля и системность в устройстве приобретаемых условных связей речедвигательного анализатора. Описывая данные закономерности, Н.И.Жинкин поясняет, что движения диафрагмы в процессе речи кажутся загадочными и парадоксальными до тех пор, пока они не сопоставлены с модуляциями глоточ-

ной трубки. То же можно сказать и о "бронхиальной перистальтике", пока ее деятельность не увязана с ротовой артикуляцией, которой она вторит постоянно. Вместе взятые, эти движения совпадают с глоточными модуляциями и работой гортанного сфинктора. Являясь конечным результатом при формировании произносительной единицы, глоточные модуляции заставляют приспосабливаться к себе многочисленные речедвижения, именно этим и обеспечивается саморегулировка речедвижений. На формирование кода речедвижений и направлена деятельность трех эффекторных систем речи.

Установлено, что в основе приспособительного поведения любого организма лежит способность к обучению, которая выражается в умении запоминать последствия своих действий. Развив идею прижизненного формирования познавательных функций, И.М.Сеченов выдвинул принципиально важное положение о том, что решающая роль в их образовании принадлежит двигательным звеньям, т.е. не самим ощущениям и образам, а их "двигательным последствиям" [И.М.Сеченов, 1947, 258—259, 274—275]. Можно сказать, что изучение разумного поведения, в том числе и речевого — это в значительной мере исследование способности приобретать знания о связях в окружающем мире. Исследование обучения было бы невозможно, если бы не существовало некоторого элементарного и вместе с тем универсального действия, из многократных повторений которого складываются все самые сложные и разнообразные формы разумного поведения. Таким элементарным шагом является наблюдение последствий, т.е. результата, к которому приводят повторяющиеся действия.

Выражаясь словами одного из выдающихся исследователей умственного развития Ж. Пиаже [1994], организм обучается путем построения сенсомоторных схем: он извлекает из своего опыта соотношение между информацией, воспринимаемой его сенсорными системами, и своими действиями — моторной активностью. Сенсомоторная схема — это план выполнения организованной последовательности действий, составляющих определенную форму поведения. Эта схема соотносит перцептуальную информацию с необходимыми моторными (мышечными) движениями. Речевая форма поведения, выделяясь среди других своей оригинальной неповторимостью в каждом языке, требует особой сложной сенсомоторной схемы.

На международном коллоквиуме в Руайомонте Ж.Пиаже, задав Н.Хомскому прямой вопрос о связи лингвистических систем с сенсомоторным интеллектом, получил отрицательный ответ. Согласно Н.Хомскому, между речью в том виде, как ее понимает ученый, и сенсомоторным развитием нет ничего общего. Тем не менее известно, что среди существующих в настоящее время теорий когнитивная лингвистика отвечает на этот основополагающий вопрос положительно. Согласно теории когнитивной лингвистики, нейролингвистические системы являются изоморфным повтором структуризации сенсомоторного познания индивида. Таким образом, четко переходя от генетической эпистемологии, развитой Ж.Пиаже, к эпистемологии общей, включающей лингвистические процессы, *аналитическая нейролингвистика* определяется как *лингвистика когнитивная* [M.Toussaint, 1991, 51—94].

Какие же когнитивные и моторные структуры нужны, чтобы умелый певец смог исполнить сложный и трудный музыкальный пассаж? Можно было бы предположить, что в этом процессе суммируются простые связи, так что каждая нота служит стимулом для соответствующей моторной реакции. С практикой и приобретением опыта и мастерства S–R петля связей (где S — стимул, R — реакция) может быстро замыкаться, давая в результате исключительно мастерское и прекрасное исполнение.

Идея о том, что моторное поведение не есть просто замкнутая S–R петля, но есть *продукт препрограммированных когнитивных структур*, обсуждалась в работах знаменитого психофизиолога К.Лэшли [K.S.Lashley, 1951]. В статье по проблеме упорядоченной последовательности он утверждал, что быстрые интегрированные во времени моторные реакции (например, те, что составляют речь, печатание на машинке или игру на пианино) основаны не на ряде дискретных условных S–R связей, а являются следствием работы ранее сложившихся механизмов мозга. Но К.Лэшли предполагает, что для выполнения таких движений требуется активность, не основанная на проприоцептивной обратной связи: нервная система работает слишком медленно, чтобы можно было замкнуть эту цепь. Новые реакции должны инициироваться до того, как сможет быть обработан сигнал обратной связи, идущий от прежней реакции. Специальными экспериментами было продемонстрировано, что обратная связь в нервных процессах происходит быстрее, чем полагал К.Лэшли.

Проблема построения движений, их основной принцип, каковым является *целесообразность*, была разработана известным отечественным физиологом Н.А.Бернштейном [1947] задолго до возникновения сходных идей в зарубежной науке. Применительно к построению движений он высказал ряд фундаментальных положений. Во-первых, это простая, но замечательная мысль о том, что основная задача координации движений — это преодоление избыточного числа степеней свободы, т.е. уменьшение числа независимых переменных, управляющих движением для достижения его конкретизации. В этой связи Н.А.Бернштейн выдвинул понятие *уровня нервной системы*, с тем отличием от вышеизложенной уровневой концепции, что одно и то же движение одновременно представлено на *разных функциональных уровнях*, но только в *разной степени обобщенности* и соответственно в *разной степени конкретизированности*.

Запрограммированное полностью на каждом уровне речевое высказывание конкретизируется с учетом подведомственных данному уровню коррекций. Например, на одном уровне осуществляется программирование последовательностей фоном как амодальных, абстрактных единиц топологической природы, на других, более низких уровнях, последовательности перекодируются в цепочки аллофонов, что естественно связано с самостоятельным программированием.

По представлениям Н.А.Бернштейна, преодоление избыточности степеней свободы движущегося органа, прямо пропорционально связанное с *координацией движений* [Н.А.Бернштейн, 1947, 191], возможно на разных уровнях, из которых один является *ведущим*. На нем принимается решение о коррекции

возникающего движения в зависимости от содержания и смысловой структуры выполняемого действия. В начале формирования нового индивидуального двигательного навыка почти все коррекции ведутся уровнем-инициатором, но вскоре, по мере тренировки, положение меняется. Каждая из деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди нижележащих уровней наиболее адекватный по качеству обеспечиваемых сенсорных коррекций. Так постепенно, в результате ряда последовательных переключений и скачков образуется сложная многоуровневая постройка, возглавляемая ведущим уровнем, соответствующим смысловой структуре двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие коррекции. Под его дирижированием в выполнении движения участвует ряд фоновых уровней, процесс переключения на которые называется обычно *автоматизацией движения*. Во всяком движении *осознается только один его ведущий уровень* и выполняемые на нем *коррекции* [Н.А.Бернштейн, 1947, 36–37].

3. Синтез данных, полученных в нашем экспериментальном исследовании [Н.С.Евчик, 2000], позволяет дать ответы на выше поставленные вопросы о результате речевой функциональной системы.

- Какой результат должен быть получен? — Должна быть достигнута цель, которой мотивирована речевая функциональная система в каждом выполняемом ею цикле: *п о н и м а н и е* лингвистической информации, послужившей стимулом в пусковой афферентации. Понимание соответствует уровню лингвистического (когнитивного) развития личности, связанному с работой зон речевой функциональной системы:

- При работе *проекционных зон мозга* результат речевой функциональной системы выражается в достижении дифференцировки воспринимаемых речевых признаков на акустические, зрительные и тактильные, а также в соотношении их друг с другом.

- На *гностико-праксическом уровне* полезный результат системы состоит в понимании индивидом ситуативно обусловленных смысловых единиц и их последовательностей, объединяемых просодией во фразы.

- Результатом речевой функциональной системы *на уровне третичных (языковых) зон мозга* является понимание смысловых единиц коммуникации любой размерности, предъявленных в любой форме, любым голосом, непосредственно или опосредованно, как связанных, так и не связанных с предметной обстановочной афферентацией.

Одновременно понимание включает *освоение* воспринимаемой лингвистической информации в форме, доступной на данном уровне лингвистического развития индивида.

- Когда именно должен быть получен результат? — По мере формирования *фонологических обобщений перцептивной базы языка* (эталонных), соответствующих каждому из вышеназванных уровней речевой функциональной системы. Фонологические обобщения первичных проекционных зон первого этапа формирования перцептивной базы языка представлены сегментами восходящей звучности, псевдословами и псевдосинтагмами, второго этапа — коррелирую-

щими с ними артикуляторно-акустическими слоговыми акцентно-ритмическими и ритмико-мелодическими обобщениями, третьего этапа — высшими языковыми обобщениями символического уровня — просодемами и фонемами трех степеней абстракции.

- Какими механизмами должен быть получен результат? — Путем создания *афферентной модели будущего результата действия* с использованием уже сформированных фонологических обобщений перцептивной базы языка, затем при работе первичных проекционных зон — неосознанным (рефлекторным), а на гностико-практическом уровне — реальным неоднократным выполнением циклов перцептивно-артикуляционных действий в соответствии с созданной афферентной программой до соответствия сличаемых результатов с заложенными в акцепторе действия. На уровне третичных зон мозга — автоматизированными действиями перцептивно-артикуляционного звена и достаточностью одноразового создания программы перцептивного действия для достижения адекватного результата, принимаемого при таком же однократном сличении в акцепторе действия.

- Как система убеждается в достаточности полученного результата? — При работе первичных проекционных и вторичных ассоциационных зон мозга — благодаря *обратному самоконтролю*, который обеспечивает получение информации о соответствии реально выполненного перцептивно-артикуляционного действия своей афферентной модели, заготовленной с учетом сформированных фонологических обобщений перцептивной базы языка. На уровне третичных зон мозга — отсутствием необходимости использования обратного сенсомоторного самоконтроля ввиду адекватности перцептивных действий, регулярно приводящих к пониманию лингвистической информации, т.е. достижению изначально намеченной цели коммуникации.

А.В. Зубов (Минск, МГЛУ)

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА

Первые опыты формального порождения текстов проделаны человеком еще до появления компьютеров. Так, в 1929 году на русском языке был издан роман английского писателя Корнелиуса Крока "Зеленые яблоки". Он выдержал свыше 600 изданий и пользовался большой популярностью. Вот как автор романа описывает процесс его создания (цитируется по [6, с. 324]): "Вы спрашиваете меня, как я создал такой замечательный роман ... Сидя долгие дни в одиночной камере, я был лишен всего: и газет, и книг, и бумаги ... Наконец, надо мною сжалились и дали груду романов без начала и конца и, по видимому, разных авторов ... И вот тогда я ухватился за произведения неизвестных авторов, я вырывал страницы из разных книг и соединял их в порядке развертывания моего сюжета. Я рад, что явился новатором, открывшим новый способ создания блестящих бестселлеров. Только ножницы и клей!" В качестве "материала" для своих романов Корнелиус Крок использовал произведения

Джека Лондона, Марка Твена, Стефана Цвейга, Герберта Уэллса и других писателей.

Аналогичный метод применил в своей работе французский журналист Патрик Тевенон, написавший известный роман "А.А." о бедной актрисе. Он специализировался как журналист на рецензиях о спектаклях и потому в качестве "материала" для романа выбрал журнальные и газетные вырезки о театрах и спектаклях [6, с. 324]. Следуя этому же принципу, нечто подобное выполнила позже электронная машина. Она написала за 61 час 30 минут роман под названием "Слепой фараон", опубликованный в США в 1983 году [6, с. 330]. В публикации [1] приводится достаточно много электронных адресов, по которым можно найти компьютерные гипертексты типа "Лоскутное одеяло", "Жидкое стекло", "Anna Karenina goes to Paradise", "РОМАН", "Гостевая книга Буратино", "Робот Сергей Дацок" и др.

Если говорить о серьезных научных исследованиях, целью которых является изучение принципов организации текстов и роли их отдельных составляющих посредством компьютерного моделирования процесса создания текста, то они подробно описаны в работах [2; 3].

Вместе с тем до сих пор нет явных, четко сформулированных высказываний о лингвистических процессах порождения текстов. С.Д. Кацнельсон по этому поводу пишет так: "Порождающий процесс начинается с определения темы и стратегии сообщения ... Выработка плана и стратегии сообщения не всегда принимает осознанный характер. Наблюдая речь многих людей, можно заметить в ней ненужные повторы, непоследовательность и сбивчивость мысли, незаконченные фрагменты, перескакивание с родной темы на другую и т.д. При всем этом имплицитно в любой речи имеется план и стратегия изложения; ... В процессе порождения речи можно выделить три основных ступни: речеосмыслительную (или семантическую), лексико-морфологическую и фонологическую.

Первая ступень охватывает все собственно семантические процессы, начиная с квантования элементов сознания (знаний) на отдельные пропозиции и кончая формированием глубинных семантико-синтаксических структур. На второй ступни совершаются процессы отбора лексических единиц и грамматических форм, опосредующие переход от семантико-синтаксических структур предшествующей ступени к конкретным предложениям ...

Каждая ступень характеризуется своими особыми структурными единицами и механизмами порождения. В некотором смысле можно утверждать, что каждая ступень имеет свой "словарь" (т.е. набор дискретных элементов), свой "синтаксис" (механизм преобразования структур одного порядка в структуры другого порядка). На первой ступени в функции дискретных единиц выступают представления и понятия, а в функции порождающих механизмов — структуры содержательной валентности. На второй ступени им на смену приходят лексемы и механизмы формальной валентности [4, с. 121].

Если детально рассмотреть точки зрения лингвистов на проблемы порождения текстов, то можно отметить следующее. Большинство из них также приходят к мысли, что в процессе развертывания общей темы текст членится на

иерархическую сеть подтем и микротем. Отмечается, что дискретный процесс текстообразования строится на принципе обратной связи, что он сводится к поиску по программе, сложившейся в мозгу автора на основе его субъективно-социального опыта. При этом выбор последующих элементов (слова, словосочетания, высказывания) детерминирован жесткой цепью следования языковых единиц, а осмысленным выбором ряда элементов из совокупности форм.

Определяя общий алгоритм порождения текстов, исследователи отмечают, что он может рассматриваться как некоторая диспозиция, т.е. процедура, где на каждом шагу предусмотрены различные возможности продолжения и указаны критерии, по которым определяется результат. Все большее число ученых-лингвистов приходят к выводу, что такие процедуры не могут представлять собой жесткую последовательность операций. Они непременно должны включать вероятностные операции, в ходе которых совершается отбор одного из возможных путей продолжения процесса порождения [4, с. 121]. Вместе с тем среди лингвистов нет единого мнения о значимости вероятностных факторов для лингвистических единиц разных уровней. Часть из них считает эти факторы значимыми лишь для лексического уровня [5, с. 57], другие же предполагают, что вероятностные факторы столь же существенны и на более длинных текстовых цепочках.

Литература

1. Андреев, А. Литература без бумаги / А. Андреев // Мир Internet. – 1999. – № 1. – С. 76–81.
2. Болдасов, М.В. Генерация текстов на естественном языке – состояние вопроса и прикладные системы / М.В. Болдасов, Е.Г. Соколова // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2005. – № 10. – С. 12–23.
3. Болдасов, М.В. Генерация текстов на естественном языке – теории, методы, технологии / М.В. Болдасов, Е.Г. Соколова // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2006. – № 7. – С. 1–15.
4. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л., 1972.
5. Леонтьев, А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / А.А. Леонтьев. – М., 1969.
6. Пекелис, В. Кибернетическая смесь / В. Пекелис. – М., 1992.

В.И. Коваль (Гомель, ГГУ)

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ (на материале "Женско-мужского словаря")

Под гендерной асимметрией в лингвистике понимается такая особенность языка, в соответствии с которой проявляются очевидные "несправедливости", "перекосы", отображающие мужское (доминирующее) видение окружающей действительности, что, соответственно, дискриминирует образ женщины в языковой картине мира. Примерами гендерной асимметрии считаются употребление имен существительных в форме мужского рода (*врач, инженер, доцент* и под.) для номинации лиц женского пола, а также использование одних и тех же слов (англ. *man*, нем. *der Mann*, укр. *чоловік*, бел. диал. *чалавек*) для обозначения понятий "человек" и "мужчина" и др. С одной стороны, "это проявляющее-

ся в языке мировоззрение, которое рассматривает мужской элемент как первичный, а женский — как производный, противоречит логике и чувству справедливости" [1, с. 414]. Вместе с тем это явление вполне можно отнести к числу языковых универсалий. К тому же в паремиологической картине мира образу женщины, как известно, приписываются исключительно отрицательные качества: объектность, ущербность, а также изначальная (согласно библейскому сюжету) греховность. Женщины, таким образом, противопоставляются мужчинам как носителям положительных, "правильных" качеств. Не случайно асимметричными являются негативно осмысливаемые номинации мужчин и женщин: в английском языке, по данным Д. Камерон, насчитывается 220 слов, характеризующих женщину легкого поведения, в то время как слов, аналогичным образом называющих мужчин, зарегистрировано в 10 раз меньше. Эти и другие подобные им явления дают основание говорить не только об антропоцентричности, но и об андроцентричности языка.

Вообще наблюдения над словарным составом в аспекте гендерной лингвистики представляют исключительный интерес, поскольку слово как основная единица языковой системы в полной мере отражает стереотипные представления носителей языка, в том числе — многочисленные гендерно маркированные "перекосы". В этом отношении особенно показательны материалы, представленные в так называемом "Женско-мужском словаре" — одном из многочисленных интернет-изданий, отражающих (естественно, в пародийной, шуточной форме) различные проявления гендерной асимметрии, касающиеся прежде всего характерных для мужчин и женщин различий, связанных с восприятием одних и тех же реалий.

В первую очередь, в данном словаре выделяется группа слов, которые сопровождаются "как бы правильной" (как в феминном, так и маскулинном отношениях) семантизацией, однако женщины и мужчины актуализируют в этих словах различные семантические признаки, отражая при этом различные гендерные стереотипы, специфическое восприятие действительности. При этом толкование семантики одних и тех же слов нередко выявляет прагматическую (и вместе с тем эмоционально-оценочную) картину мира женщин, их связь с домом, приготовлением пищи, с одеждой, украшениями и парфюмерией, в то время как мужская семантизация связана с "мужским видением мира" и оказывается близкой словарным дефинициям: *алмаз* (женск.) 'сверкающий драгоценный камень'; ↔ (мужск.): 1. 'прозрачный драгоценный камень, блеском и твердостью превосходящий все другие минералы'; 2. 'инструмент для резки стекла в виде острого куска этого камня, вделанного в рукоятку'; *зенил* (женск.) 'название фотоаппарата' ↔ (мужск.) 1. 'точка небесной сферы, находящаяся над головой'; 2. 'название футбольной команды'; *лак* (женск.) 'средство для обработки и украшения ногтей и волос' ↔ (мужск.) 'средство для обработки и защиты различных поверхностей'; *тушь* (женск.) 'косметическое средство для придания ресницам объема и длины' ↔ (мужск.) 'чернила для черчения и рисования плакатными перьями'; *капри* (женск.) 'такие миленькие обтягивающие брючки до середины голени, легкие, модные, просто прелесть' ↔ (мужск.) 'остров в Средиземном море, территория Италии'; *кондиционер*

(женск.) 'средство для придания волосам эластичности и шелковистости после мытья головы' ↔ (мужск.) 'устройство для регулирования температуры и влажности в помещении или автомобиле'; **ондатра** (женск.) 'шикарный мех' ↔ (мужск.) 'водяная крыса'; **линза** (женск.) 'приспособление для того, чтобы не носить очки, когда они не очень идут или мешают' ↔ (мужск.) 'стекло специальной формы для оптических устройств (объектива, бинокля, лупы)'; **модель** (женск.) 'девушка, которая обладает правильной внешностью, работает манекенщицей и позирует в гламурных журналах' ↔ (мужск.) 1. 'что-либо, воспроизведённое в уменьшенном виде (напр., сборная модель самолёта)'; 2. 'вид, класс чего-то (напр., новая модель автомобиля)'.
Семантизация многих слов, включенных в "Женско-мужской словарь", сопровождается значительным усилением оценочности, что характерно как для "феминной", так и для "маскулинной" составляющей. Так, женское видение тех или иных реалий выделяет в них те качества, которые связаны прежде всего с эмоционально-чувственной сферой (включая доверительное, интимное общение): **зámок** (женск.) 'очаровательный дворцовый комплекс, стоящий на краю обрыва с красивым видом на окружающий ландшафт и предназначенный для романтических свиданий' ↔ (мужск.) 'фортификационное сооружение, предназначенное для ведения военных оборонительных действий с преобладающими силами противника'; **свеча** (женск.) 'изделие из воска, необходимый элемент для создания романтической атмосферы' ↔ (мужск.) 1. 'устройство для воспламенения рабочей смеси в цилиндрах карбюраторного двигателя внутреннего сгорания искрой, образующейся между электродами'. 2. 'лекарственная форма'. 3. 'вид удара по мячу в теннисе'; **телефон** (женск.) 'одно из самых замечательных изобретений, позволяющее все знать, все выяснять, все сообщать' ↔ (мужск.) 'средство связи, позволяющее общаться на расстоянии через сеть телефонных линий'. В свою очередь, отдельные предметы "в мужском восприятии" ассоциируются с такими традиционно мужскими сферами, как силовое противоборство и употребление спиртного: **мясорубка** (женск.) 'загадочное устройство для перделки мяса в фарш' ↔ (мужск.) 'в кинематографе — кульминационная батальная сцена, после которой, как правило, остаётся в живых только главный герой'; **рюмочка** (женск.) 'одна из разновидностей каблука на обуви' ↔ (мужск.) 'небольшая по объёму емкость, которая наполняется желаемым алкогольным напитком'; **тени** (женск.) 'специальный вид декоративной косметики, который накладывается на глаза с целью украшения'; ↔ (мужск.) 'то, что бывает под глазами на утро после выпивки'.

В словаре, кроме того, выделяется группа номинаций, имеющих вполне адекватную нейтральную "женскую семантизацию", в то время как мужчины воспринимают эти же слова как жаргонные или разговорно-просторечные, обладающие в силу этого оценочностью: **бычок** (женск.) 1. 'молодой бык' ↔ (мужск.) 1. 'окурок'; 2. 'грузовая машина'; 3. 'морская или пресноводная рыба, служащая закуской к пиву'; **ден** (женск.): 'единица измерения упругости/толщины колгот'. ↔ (мужск.) 'сокр. от мужского имени *Денис*'; **белочка** (женск.): 1. 'небольшой пушной зверёк отряда грызунов с большим пушистым хвостом'. 2. 'мех, шкурка этого зверька; изделие из него'. ↔ (мужск.): 'сокр. от

белая горячка'; **лапа:** (женск.) 1. 'пушистая конечность домашнего животного'. 2. 'вариант нежного наименования мужчины (ср. *лапочка, лапуся*)'. ↔ (мужск.) 1. 'царапающая конечность домашнего животного'; 2. 'свой человек в эшелонах власти'; **пузырь:** (женск.) 1. 'радужный пузырь из мыльной пены' 2. 'пузырь, пускаемый ребенком' ↔ (мужск.) 'бутылка, обычно не пустая'; **морда** (женск.) 'передняя часть головы у животных' ↔ (мужск.) 'передняя часть чего-либо (напр., передняя панель компьютера, передняя часть автомобиля, лицо после выпивки)'. Сюда же могут быть отнесены слова, отражающие "мужские семантические лакуны", обусловленные принадлежностью соответствующих реалий (понятий) к женской сфере. Показательно, что ошибочные примеры "мужской семантизации" обуславливаются случайными фонетическими ассоциациями: **стразы** (женск.) 'блестящее украшение, используемое для придания акцентов на ногтях, одежде, волосах и даже на глазах' ↔ (мужск.) 'неизвестное слово; возможно, какая-то болезнь' (сравни.: *стразы* ↔ *зараза*); **увертюра** (женск.) 'вступление к некоторым видам музыкальных произведений' ↔ (мужск.) 'какой-то инструмент наподобие шуруповёрта' (сравни.: *увертюра* ↔ *вертеть*).

С другой стороны, женская семантизация ряда слов воспринимается как неверная или приближительная (и, как правило, эмоциональная), тогда как мужское толкование лексического значения можно считать объективным и точным. Нередко причиной подобных семантических расхождений служит принадлежность слов к сугубо мужской — технической — сфере: **интернет** (женск.) 'место в компьютере, где есть гороскоп, а также другая полезная информация' ↔ (мужск.) 'глобальная компьютерная сеть'; **брандспойт** (женск.): 1. 'ругательство неясного происхождения'; 2. 'какая-то штука у пожарных' ↔ (мужск.) 1. 'переносный ручной насос'; 2. 'наконечник на пожарном рукаве, ствол, направляющий водяную струю'; **курвиметр** (женск.) 'какое-то ругательство' ↔ (мужск.) 'прибор, которым можно измерять длину кривых линий на карте'; **соларка** (женск.) 'неизвестное слово; видимо, это женщина, которая постоянно посещает солярий' ↔ (мужск.) 'дизельное топливо — продукт перегонки нефти'; **телевизор** (женск.) 'такой ящик, по которому показывают различные сериалы и другие интересные передачи' ↔ (мужск.) 'устройство, предназначенное для демонстрации неподвижных и движущихся изображений со звуковым сопровождением'; **зубило** (женск.) 'какое-то ругательство' ↔ (мужск.) 1. 'ручной слесарный инструмент'. 2. 'автомобиль марки ВАЗ моделей 2108, 2109 и их модификаций'; **астролябия** (женск.) 'сказочная страна' ↔ (мужск.) 'старинный угломерный прибор'; **болгарка** (женск.) 'женщина, проживающая в Болгарии' ↔ (мужск.) 'электроинструмент, угловая шлифовальная машина'; **калории** (женск.) 'вредоносные вещества, содержащиеся в пище, портящие фигуру и вызывающие плохое настроение' ↔ (мужск.) 'единица измерения энергии в физике'; **клещи, кусачки** (женск.) 'вредоносные насекомые'. ↔ (мужск.) 'слесарные инструменты'.

Некоторые входящие в "Женско-мужской словарь" слова условно можно отнести к женской "безэквивалентной лексике", поскольку в традиционно мужской речи они в принципе невозможны в силу "сюсюкания", в то время как в женском дискурсе они активно используются для выражения разнообразных

положительных эмоций: *мусигулька* 1. 'ласковое обращение к одушевленному или неодушевленному предмету'; 2. 'что-то очень маленькое (ребёнок, бриллиант, автомобиль)'; *пуся* 'что-то очень маленькое, пушистое и невозможно милое'.

Таким образом, "Женско-мужской словарь", несмотря на очевидную развлекательность, "прикольность", отражает вполне объективные закономерности, связанные, в свою очередь, с вполне устоявшимися представлениями о том, что восприятие мужчинами и женщинами окружающей действительности во многих случаях либо различно, либо имеет специфический характер. Именно поэтому составители словаря при показе женской и мужской семантизации лексики стремились отразить, с одной стороны, свойственную мужчинам объективность, компетентность, "бесстрашность", а с другой — характерную для женщин ситуативность, субъективность, приблизительность, оценочность.

Литература

1. Baudouin de Courtenay J.N. Charakterystyka psychologiczna języka polskiego / J.N. Baudouin de Courtenay // Baudouin de Courtenay J.N. Dzieła Wybrane. — Warszawa, 1993. — Т.5.

С.М. Прохорова (Минск, БГУ)

ВСПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧ КАРПОВА...

Свое выступление я назвала "Вспоминая В.А. Карпова" в связи с тем, что как концептолог знаю место в концептосфере любого языка доминантного концепта *память*, профилируя который во всех языках выделяют несколько основных концептуальных смыслов, которые можно считать универсальными: "связь времен", "связь поколений" по вертикали и "связь друзей, близких, родственников и т. д." по горизонтали. Пересечение вертикали и горизонтали характеризует этот доминантный концепт и делает его универсальным в любом языке и любой культуре. Нет необходимости доказывать, насколько важна любая реальность, а тем более личность, память о которой сохраняется на пересечении горизонтали и вертикали.

В отмеченной концептуализации моя память — это память на горизонтали, почти ровесника (я родилась в 1939 г., а В.А. Карпов 16 марта 1940 г.), мы с ним принадлежим XX веку, хотя Высшие силы нам позволили войти и в XXI в.

Мы с Владимиром Александровичем и Ириной Степановной Скоропановой были аспирантами одного года. У нас оказалось много общего в концептуальных картинах мира. В частности — мы боялись резко вмешиваться в судьбы других людей, в связи с чем не стремились к должностям, которые предполагают такое вмешательство, хотели стать серьезными специалистами, в связи с чем у нас никогда не было лишнего времени и т. д. У нас были прецедентные для нас научные темы и идеи, которые заставляли нас интенсивно трудиться и отстаивать свои научные интересы. Несмотря на то, что эти идеи не совпадали у меня и Владимира Александровича, мы относились друг к другу с большим уважением, доброжелательностью и пониманием, чему способствовали и чувство юмора, в чем-то у нас коррелирующее. Это помогало нам относиться с уважением к научным направлениям, которые мы представляли и даже нахо-

дить точки пересечения. Дружили мы — дружили и наши ученики (вступила в свои права вертикаль).

Несмотря на то, что мы по-разному видели объект исследования, Владимир Александрович всегда участвовал в конференциях "Национально-культурный компонент в тексте и языке", а также в конференциях молодых ученых в Белорусском педагогическом университете им. Танка, инициатором которых являлась Ю.А. Гурская. Его доклады всегда вызывали интерес, а его личность не оставалась незамеченной. Он часто был центром, вокруг которого в кулуарах группировались участники конференций. Мне всегда доставляло удовольствие наблюдать это.

Вспоминается II Международная конференция "Национально-культурный компонент в тексте и языке", состоявшаяся в 1999 г. в БГУ. Эта конференция совпала с моим 60-летием. И Владимир Александрович написал стихи, которые я бережно хранила. Мне уже доводилось на I Чтениях анализировать стихотворения В.А. Карпова, но сейчас мне хотелось бы, чтобы читатель увидел и это его произведение. В нем Владимир Александрович выступает как мастер, которому удалось написать произведение в стиле Андрея Вознесенского, о чем свидетельствует как интертекст, так и удачная передача формы. Но в духе современности Владимир Александрович прибег к приему запутывания читателя, подписавшись как Дон Уимбл при названии "Послание Андрея Вознесенского участникам конференции "Национальный компонент в тексте и языке" 7-9 апреля 1999 Минск".

Читатели этого сборника сами сумеют оценить достоинства этого произведения, умение, например, трансформировать фразеологизм *незванный гость хуже татарина*: "Ходил бы я радостный... ну, может, как гость, что незванный, а, может, татарин...".

Приведенное ниже стихотворение Владимира Александровича содержит аллюзии, реминисценции и является произведением, которое можно прочитать только с учетом того, что называют словом подтекст. Начнем с названия. Для того, чтобы подчеркнуть уровень конференции "Национально-культурный компонент в тексте и языке" В.А. Карпов называет стихотворение посланием Андрея Вознесенского, выявляется тем самым сему 'мировая известность'. А чтобы приблизить читателя к месту проведения конференции, вводит в текст слово *филфак*: "Поближе к филфаку...". Чтобы поздравить меня с 60-летием, поэт прибегает к вертикальному контексту.

На уровне вертикального контекста выявляются основные направления как моих исследований, так и основные проблемы конференции: "Я — Каин, убивший в себе *когнитива*... Противно! Противно среди *примитива*! (намек не учение А. Вежбицкой о семантических примитивах); Ходил бы я радостный, может — и *вербоцентричный* (вербоцентрическая теория предложения); любые *вертикали* (теория вертикальных синтаксических полей); и в поле *глагольном* болтаться как инфинитиву... (намек на то, что я в основном занимаюсь глаголом). Стихотворение заканчивается так: И вне когнитивности жить умирая стократно — так с горизонтально горит вертикальная личность".

За образную характеристику *вертикальная личность* я благодарна Владимиру Александровичу.

В.А. Карпов и в этом стихотворении говорит о том времени, в котором мы живем: "И что там о времени при безвременье талдычить..."

Все, что выходило из-под пера Владимира Александровича, заставляло размышлять, додумывать до конца, восхищаться им — лингвистом, поэтом, философом. Он ушел из этой жизни до конца не разгаданным, ни на кого не похожим, словом, настоящим профессором, достойным Белорусского государственного университета.

**Послание Андрея Вознесенского участникам
конференции "Национальный компонент в тексте и языке"
7–9 апреля 1999 Минск**

Я — каюсь!
Я — Каин, убивший в себе когнитива....
Противно! Противно среди примитива!
Потомки не помнят,
что был я поэтом партийным...
За что же мне все же противно?
Противно активно!

Ну что бы мне быть понежней
и немного лиричней...
Поближе к филфаку
и к нежностям горизонталей!
Ходил бы я радостный,
может — и вербоцентричный —
ну, может, как гость, что незванный,
а, может, татарин...

Простите мне, боги,
что с детства меня опекали —
любил вертикали...
Я каюсь, что жил я, пардон, однобоко...
Но я же признался —
Я — Каин и бросивший камень
в меня —
ошибется,
и думаю, очень жестоко!

Ему, как и мне,
чуть попозже, но станет похоже —
похоже тоскливо, но хуже —
пассивно противно!
— В лингвистике мысли,
пардон,
оказаться прохожим
и в поле глагольном болтаться
как инфинитиву...

Лица не имея, число потеряв ли, утратив...
И что там о времени

при безвременье талдычить...
И вне когнитивности жить
умирая стократно —
— так с горизонтально горит
вертикальная личность.

Дон Уимбл

И.С. Скоропанова (Минск, БГУ)

**ТАЙНОПИСЬ В СТИХОТВОРЕНИИ Н. ЗАБОЛОЦКОГО
"ЛЕБЕДЬ В ЗООПАРКЕ"**

Памяти В. Карпова,
очень любившего Н. Заболоцкого

Вернувшись в 1946 г. из заключения, Н. Заболоцкий сразу же попал в обстановку идеологических погромов и нарастающего витка репрессий. Поэт создавал шаткость своего положения как человека "с социальным пятном" и отметкой о судимости по 58 статье в паспорте, догадывался, что находится под негласным надзором НКВД. Ожидание нового ареста не отпускало его душу. Чтобы обезопасить свою жизнь и создать впечатление "перевоспитанности", в ряде стихотворений конца 1940-х гг. — "Город в степи", "В тайге", "Творцы дорог" — свой жуткий лагерный опыт Н. Заболоцкий трактует в духе требований социалистического реализма. Из них изъято все, что могло бы навести на мысль о заключении и связанных с ним страданиях. Изнурительный эзковский труд, не вызывающий ничего, кроме ненависти, изображается как героико-романтический порыв строителей новой жизни.

Насилие, осуществленное Н. Заболоцким над собственной душой и над поэзией, имеет те же причины, по которым в тюремной больнице Института судебной психиатрии в 1938 г. на вопрос врача, откуда взялись черные кровоподтеки на его теле, он ответил: "Упал и ушибся". Правда об истязаниях была бы признана клеветой на советскую пентифионарную систему, и за "клевету" добавили бы срок. И перенесенные муки следовало скрывать, как скрывают дурную болезнь. Иезуитская логика тоталитаризма была такова: "Закон не просто запрещает; он еще и запрещает запрещать, запрещает тематизировать запрет" [3, с. 20].

Отдав "кесарю — кесарево", Н. Заболоцкий вместе с тем не стал правозащитным соцреалистом и до конца "своим" никогда не считался. Тюремный и лагерный опыт служил прививкой против обольщений пропаганды. Несмотря на публикацию просоветских стихов, никакой раздвоенности в Н. Заболоцком не наблюдалось. Они существовали отдельно от него и рассматривались как литературное полено, с помощью которого поэт отгонял от себя питающуюся чело-вечиной падаль (так поступали эзки и сам Н. Заболоцкий в лагере, отбиваясь от уголовников). Свои истинные мысли и чувства о том, что видел вокруг, Н. Заболоцкому приходилось зашифровывать, выражать аллегорически, запрятывать так глубоко, что и поныне некоторые из его произведений не получили адекватной интерпретации. В числе таких произведений — безобидное, на первый

взгляд, стихотворение "Лебедь в зоопарке" (1948), в котором у автора задачи как будто сугубо эстетические. Здесь появляется высокопоэтическое описание аристократки среди русских птиц, как бы сотворенной для того, чтобы украшать собой мир. Желая выделить птицу среди всех других обитателей зоопарка, автор даже меняет мужской род слова "лебедь" на женский, создает возвышенный романтический и в то же время неканонический образ:

Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка —
Высокая лебедь плывет.
Плывет белоснежное диво [2, с. 236].

Н. Заболоцкий ставит знак равенства между лебедью и "дивом", ибо это поистине чудо творения, совместившее в себе красоту, чистоту, величавое благородство, чувство собственного достоинства, непричастность суете. Лебедь описывается так, как могла бы быть нарисована задумчивая и гордая, с царственной роскошью одетая красавица, — то есть в какой-то степени очеловечивается. Только роскошь ("мантя снега белей") и драгоценности ("дивные два аметиста") у нее — естественные, природные. Чтобы притупить мгновенно вспыхивающую ассоциацию между своей героиней и Царевной-Лебедью Пушкина, Н. Заболоцкий усиливает при изображении "животное" начало, используя поэтическую формулу, которую многие так и не смогли принять: "Животное, полное грез". Подобно тому, как изменил род в слове "лебедь", он меняет принадлежность птицы к классу пернатых на более сниженный — в литературной традиции — род животных. При этом Н. Заболоцкий добивается двойной цели: обращается к пушкинскому образцу не как копиист, а как полноправный наследник, настоящий художник, создающий собственный вариант "дива-дивного", во-первых; совмещает в одном образе сниженно-прозаическое ("животное") и утонченно-романтическое ("полное грез"), возвышая первое до второго, во-вторых, ибо с эпохи "Столбцов" и "Смешанных столбцов" стремился утвердить новое отношение к животному, уравнивая его "в правах" с человеком. По-видимому, сам Н. Заболоцкий и ценил ту неожиданность контраста, какую несет в себе этот образ, задерживающий на себе внимание (пусть — недоуменное), нарушающий автоматизм восприятия, не дающий поэтическому перейти в сусальное. Последующие описания лебеди более традиционны — они возвращают нас в русло очеловечивания птицы, сливающегося на этот раз с уподоблением другим совершенным творениям природы (волне) и культуры (мраморному изваянию). Абрис лебеди напоминает Н. Заболоцкому традиционный символ творческого вдохновения — лиру. В ответ начинает звучать стих поэта.

Автор стремится вызвать отношение к лебеди как к священному достоянию живой природы и человека. Он наделяет "крылатое диво" своего рода нимбом, излучающим сияние, внушает мысль о неприкосновенности красоты и гармонии. Плавность, мягкость, гармоничность подчеркивает характер аллитеративных созвучий, используемых в произведении. Можно сказать, что кодом к ним является само слово "лебедь". Повышенная частотность употребления л, б,

д при описании птицы не может не броситься в глаза: "Плывет белоснежное диво, / Животное, полное грез, / Колебля на лоне залива / Лиловые тени берез. // Головка ее шелковиста, / И мантя снега белей, / И дивные два аметиста / Мерцают в глазницах у ней. // И светлое льется сиянье / Над белым изгибом спины / И вся она как изваянье / Приподнятой к небу волны". Переливы л создают тихую, нежную, как бы успокаивающе-утешающую музыку. Резонанс между аллитеративными л, с одной стороны, и б, д и их глухих вариантов — с другой, давая колебания звука, создает ощущение покачивания на воде. Кажется бы, только лебедь Н. Заболоцкого и интересует, а остальное — так, фон, но такое впечатление обманчиво. Во-первых, обращает на себя внимание резкая контрастность фонетической организации стиха при изображении лебеди и всего того, что к лебеди не относится. "Лебединые" л, б, д сменяют "резкие", "скрежещущие", "царапающие" слух звуки, преобладающие при описании города: "Скрежещут над парком трамваи, / Скрипит под машинами мост" [2, с. 236]. На смену господствующему положению л приходит господствующее положение р. Ощущение шума, лязга, неблагозвучности усиливает густая сосредоточенность на малом участке стиха раздражающих слух повторяющихся звукосочетаний **скр**, к тому же близко соседствующих со "скрежещущими" **ж** и **ш**. Да и в самом зоопарке лишь лебединый пруд — оазис тишины и красоты. В остальном зоопарке ближе миру города. Об их родственности говорит и звуковая какофония, безусловное торжество "орущего" и "рыкающего" **р** на фонетическом уровне: "Истошно кричат попугаи, / Поджав перламутровый хвост. // И звери сидят в отдаленье, / Приделаны к выступам нор, / И смотрят фигуры олени / На воду сквозь тонкий забор" [2, с. 236]. Аллитерация на глухой т оттеняет "лейтмотивный" звук **р**, делает его еще более заметным. Ощущение диссонанса, дисгармонии создают как бессмысленные вопли попугаев, так и покорное, противостественное молчание зверей, упрятанных в клетки. Их буквально не слышно, что ненормально. И доминирующее здесь **р** характеризует власть человека над обитателями зоопарка: "Приделаны к выступам нор, / И смотрят ... сквозь тонкий забор". Более всего напоминают звери у Н. Заболоцкого заключенных, тоскливо глядящих сквозь решетку (авторский перифраз: "тонкий забор") на своего свободного прекрасного собрата. С образом лебеди связан мотив движения, с образами обитателей клеток — мотив неподвижности, с образом лебеди — открытое, распахнутое высь пространство, с образами зверей-заключенных — закрытое, ограниченное, пригвождающее к одному месту; образ лебеди дан в ореоле сказочной красоты, другие обитатели зоопарка неразличимы в своей горестной участи.

Москва у Н. Заболоцкого — как бы продолжение зоопарка, многоэтажная надстройка над ним. На формальном уровне они соединены стилистической фигурой добавления — многосоюзием:

VI строфа (зоопарк)
И звери сидят в отдаленье,
Приделаны к выступам нор,
И смотрят фигуры олени

VII — VIII строфы (Москва)
И вся мировая столица,
Весь город сверкающий наш,
Над маленьким парком теснится,

На воду сквозь тонкий забор
[2, с. 236].

Этаж громоздя на этаж
[2, с. 237].

Образ Москвы подвергается трансформации: город как бы стягивается в одну точку и, теснясь домами, нагромождается над зоопарком по вертикали. Зоопарк — художественная модель несвободного общества — оказывается его основанием: обитатели города как бы уравниваются с обитателями зоопарка. Совершенно одинаково воспринимают они "крылатое диво" — живой символ красоты, свободы, счастья. Мир лебеди для них — сказочный, невозможный в реальной действительности, но необходимый как мечта, отдушину в жизни, идущей по другим законам, а сама лебедь — вестник "весны". Сохраняя на всем протяжении стихотворения романтический характер, в финале образ лебеди обретает все черты символического. Похоже, однако, что последняя строфа вынужденно подпорчена, завершается трафаретно и, кроме того, содержит ряд ляпсусов. Почему лебедь поет о "счастье весны", если в первой строке речь идет о летних сумерках? И как можно петь "на лире"? Что-то слишком много несообразностей, чтобы они были случайностью. Скорее всего мы имеем дело с редакторским произволом, придавшим завершающим строкам суперидиллический характер. Не исключено все же, что Заболоцкий, жертвуя концом, сам отвлекал непрошенных цензоров от тайных мин, заложенных в тексте, направляя их мысль по накатанной колее.

Безусловно, лебедь — экзистенциальное "я" художника, и речь в произведении идет не только о спасительной роли прекрасно-гармонического, но и об одиночестве того, чей дух не в состоянии жить в клетке, равно принадлежит земле и небу.

В произведении можно уловить еще один, не лежащий на поверхности смысл. Оно отсылает к стихотворению "Лебедь" Г. Державина, которого Н. Заболоцкий хорошо знал и ценил. В виде лебедя изображает Г. Державин свою душу, отлетающую после смерти в небо и звучащую оттуда, "будто некая цевница". Поэт словно видит свое будущее преображение:

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь [1, с. 126].

Державин провидит свое поэтическое бессмертие:

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,—
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

"Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил" [1, с. 126].

Таким образом Н. Заболоцкий намекал и на собственное будущее, во всяком случае, выражал надежду на то, что будет оценен потомками по достоинству.

Дешифровка замысла Н. Заболоцкого проливает новый свет на метафору "Животное, полное грез". Ассоциативный план содержит подсказку: "животное, полное грез", — это человек (другие животные грезить не умеют); если же понимать "грезы" как образное обозначение состояния творчества, то опять-таки все сходится: человек, о котором идет речь, — поэт.

Спустя десятилетие Заболоцкий создаст стихотворение "Птичий двор", в котором снова возникает образ лебедя-поэта, но основное внимание будет перенесено на его окружение. Наблюдения за жизнью птичьего двора вызывают у художника ассоциации с жизнью человеческого общества, в котором нет свободы. Шумное, хлопотливое существование его обитателей, гомонящих, бормочущих, свищущих, визжащих, — бессмысленно. Они живут одним днем, не задумываясь о будущем, принимая как данность свою неволю и не пытаясь избежать участи, к которой предназначены. Характер изображения важных гусей, толстых уток, скандальных индеек, крикливых кочетов, пищащих цыплят наводит на мысль и об определенных человеческих типах. И в этом Заболоцкий близок Горькому — автору "Песни о Буревестнике". Да и общая оценка жизни птичьего двора:

Вечный гам и вечный топот,
Вечно глупый, важный вид.
Им, как видно, жизни опыт
Ни о чем не говорит [2, с. 298], —

скорее может быть отнесена к человеческому сообществу, ибо предъявлять какие-либо обвинения неразумным существам бесполезно.

Окончательно проясняет поэт смысл создаваемой аллегии, сам мысленно перевоплощаясь в птицу — вольного лебедя, предпочитающего откармливание на убой "неприрученность", свободу. Стихотворение содержит скрытый протест против нравственного рабства, непреходящей глупости, покорности, позволяющих царить тоталитарному насилию. В 1957 г., когда написано это произведение, художник чувствовал себя несравненно раскованнее, чем в послевоенные годы, во многом изменил манеру письма, но типологическое сходство с "Лебедем в зоопарке" в изображении советского общества и собственного положения в нем несомненно.

Литература

1. Державин, Г. Анакреонтические песни / Г. Державин. М., 1987.
2. Заболоцкий, Н. Собр. соч.: в 3 т. / Н. Заболоцкий. М., 1983. Т. 1
3. Рыклин, М. Деконструкция и декструкция / М. Рыклин // Беседы с философами. — М., 2002.

Л.Н. Чумак (Минск, БГУ)

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ИННОВАЦИИ В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Глобальные изменения в современном обществе, общее стремление к диалогу во всех сферах общественной жизни, интеграция образовательных систем

не смогли не отразиться на переосмыслении методических ориентиров в области РКИ.

Для современной методики преподавания РКИ, по мнению Л.В. Московкина [1, с. 372–376], характерны следующие основные тенденции развития:

- от обучения языку как системе взаимосвязанных языковых единиц к обучению речи, речевой деятельности, и, наконец, к обучению общению, коммуникативной деятельности, к формированию коммуникативной компетенции;
- от авторитарных способов управления учебным процессом к демократичным — субъектом процесса обучения является учащийся;
- от субъективного контроля к объективному — лишь внедрение тестов позволяет обеспечить необходимую объективность контроля;
- от единообразия к вариативности обучения — в 90-е гг. XX века в системе российского образования был провозглашен принцип вариативности типов учебных заведений, учебных программ и методов преподавания;
- тенденция к сознательности обучения — эта тенденция прослеживается на всех этапах развития отечественной методики.

Таким образом, сама методика становится более научной, методически корректной. Для нее характерно стремление ко все более полному учету данных базовых наук (лингвистики, психологии и педагогики) и технических достижений, стремление обосновывать все методические новации и проверять их в практике обучения.

Глобальной характеристикой XXI ст. является утверждение инновационного способа развития в качестве доминирующего. Под давлением современных информационных процессов намечаются существенные семантические сдвиги в базовых категориях лингводидактики. Сопоставление традиционной и инновационной практики преподавания РКИ представлено в таблице "Инновации в методике преподавания РКИ" (Руденко-Моргун, Дунаева, Ахангельская).

Знаниевый подход Традиционная практика	Компетентностный подход Инновационная практика
Источники	
<ul style="list-style-type: none"> • отбираются при необходимости с учетом программы обучения для поддержки ее компонентов; • представляют собой интерпретацию материалов используемого учебно-методического комплекса; • структурируются в соответствии с логикой предъявления 	<ul style="list-style-type: none"> • отбираются на основе принципа избыточности и таким образом оставляют простор для организации самостоятельного учебного поиска и сбора информации, исследовательской деятельности в учебных целях и создания собственных информационных источников; • представляют собой не только интерпретацию материалов используемого учебно-методического комплекса, но и расширяют его информационную основу; • структурируются в соответствии со стандартом, примерной программой, вариатив-

учебного материала в используемом учебно-методическом комплексе.	ными (авторскими) программами.
Управление учебным процессом	
ориентировано: <ul style="list-style-type: none"> • на жесткую последовательность "прохождения материала"; • на алгоритмизированный контроль и аттестацию. 	ориентировано: <ul style="list-style-type: none"> • на индивидуализацию путей освоения учебного материала, групповую и коллективную работу, рефлексии и обсуждение; • на экспертную, в том числе "встроенную" систему контроля (портфолио) на основании накопленных в процессе прохождения курса результатов.
Инструменты	
представляют собой: <ul style="list-style-type: none"> • ограниченный набор готовых учебных материалов, жестко ориентированных на конкретный курс в соответствии с учебной программой. 	представляют собой: <ul style="list-style-type: none"> • неограниченный (постоянно обновляемый, в том числе субъектами обучения) набор инструментов, интегрированных в гибкую динамичную информационно-коммуникационную учебно-методическую среду.

Лингводидактическая инновация определяется как комплексный процесс создания и использования на основе последних научно-технических и технологических достижений какого-либо педагогического новшества с целью удовлетворения актуальных потребностей лингводидактики. С учетом того, что к последним научно-техническим и технологическим достижениям интеллектуальной деятельности человека относится комплекс разнообразных средств информационных и коммуникационных технологий, характерной особенностью лингводидактических инноваций на современном этапе следует считать их тесную взаимосвязь с этими средствами.

Можно с уверенностью прогнозировать возникновение очередной модели обучения иностранному языку, построенной на компьютерных технологиях оперативного получения информации из любой точки земного шара, мгновенного доступа к мировым информационным ресурсам, накопления и хранения информации, ее отбора и переработки, а также обмена ею с самым широким кругом партнеров по коммуникации.

Оптимизация обучения РКИ в этой сфере инноваций основывается на трех компонентах: проектная технология, интерактивность обучения, контекстное обучение [3].

Проектная деятельность относится к разряду инновационной, творческой деятельности, ибо она предполагает преобразование реальности, строится на базе диалога между всеми участниками учебного процесса. Такая парадигма приводит к изменению ролей в учебном процессе, выдвигая обучаемого в центр процесса обучения, и перемещает акценты от обучения к изучению. Главная особенность проектной технологии заключается в том, что процесс научения

происходит в совместной деятельности. Внутригрупповое сотрудничество в решении дидактических задач повышает эффективность учебного процесса.

Интерактивное обучение — это обучение, погруженное в общение. Оно сохраняет конечную цель и основное содержание образовательного процесса, но видоизменяет формы с транслирующих (передаточных) на диалоговые, основанные на взаимопонимании и взаимодействии.

В основе идеи контекстного обучения лежат представления о человеке, не только потребляющем культурные ценности в процессе образования, но и наращивающем их; о личности как самоценности. История образования идет по пути постепенного превращения обучающегося из объекта педагогических манипуляций в субъекта собственного саморазвития.

К началу XXI ст. в методике преподавания РКИ окончательно утвердилась культурообразующая концепция, ориентирующая преподавателя на обучение межкультурному общению и отражающая интерес учащихся к культуре и образу жизни носителя языка. Преподаватель стремится формировать у учащихся представление о языке как отражении социокультурной реальности, национальной и общечеловеческой. Формирование межкультурной компетенции осуществляется в учебном процессе через межкультурное образование.

Прошедший в сентябре 2007 г. в Варне (Болгария) XI Конгресс МАПРЯЛ "Мир русского слова и русское слово в мире" констатировал, что, вступив в век истинного диалога культур и языкового многообразия, новые социокультурные факторы будут способствовать обновлению методической науки и лингводидактического поиска.

Литература

1. Московкин Л. В. Методика на рубеже веков: тенденции развития / Л. В. Московкин // XI конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы "Мир русского слова и русское слово в мире". Том 6 (1). Изучение и описание русского языка как иностранного: Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного). — София, 2007.
2. Руденко-Моргун О. И. Инновации в языковом образовании и информационные технологии / О. И. Руденко-Моргун // XI конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы "Мир русского слова и русское слово в мире". Том 6 (2). Изучение и описание русского языка как иностранного. Методика преподавания русского языка (родного, неродного, иностранного). — София, 2007.
3. Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А.Н. Щукин. М., 2007.

Ж. Я. Белакурская (Минск, БДУ)

АДУКАЦЫЙНА-АСВЕТНИЦКІЯ ПРАБЛЕМЫ ў ЗБОРНІКУ ЯКУБА КОЛАСА "ДРУГОЕ ЧЫТАННЕ ДЛЯ ДЗЯЦЕЙ БЕЛАРУСАЎ"

Імкненне да нацыянальнай самабытнасці ў пачатку XX стагоддзя знайшло неспрэчнае выражэнне ў стварэнні літаратуры і наладжванні выдавецкай справы на роднай мове. Выданне навучальнай літаратуры становіцца прыярытэтным для многіх толькі што ўзнікшых тагачасных выдавецтваў. Так, першай кнігай, якая выйшла ў выдавецтве "Загляне сонцэ і ў наша ваконцэ", быў "Беларускі лемантар, або Першая навука чытання" (1906) К. Каганца. Само з'яўленне лемантара для дзяцей беларусаў, калі не існавала ніводнай беларускай школы, было важным грамадскім фактам. Услед за лемантаром у тым жа годзе ў выдавецтве "Загляне сонцэ і ў наша ваконцэ" было выдадзена "Першае чытанне для дзетак беларусаў", падрыхтаванае Цёткай. Разлічанае на дзяцей малодшага школьнага ўзросту і пабудаванае ў выглядзе хрэстаматыі, яно давала цікавы матэрыял для навучання.

Справу стварэння школьных навучальных дапаможнікаў прадоўжыў Якуб Колас. Падручнік "Другое чытанне для дзяцей беларусаў" [2, с. 105] з'явіўся тэрэтычным абагульненнем настаўніцкай працы пісьменніка і лагічна завяршыў пачатковы этап яго педагагічнай дзейнасці. Ён адлюстравыў і замацаваў прагрэсіўныя погляды аўтара на ролю роднай мовы ў выхаванні дзіцяці, якія выказваліся ім раней у артыкулах "Беларуская мова ў казённай школе" (Наша ніва 1906, № 7). "Аб народным вучыцелю" (Наша ніва 1907, № 20), "3 м. Беларучы, Мінскай Г. і П." (Наша ніва 1907, № 27), "3 с. Мікалаеўшчына, Мін. губ." (Наша ніва 1907, № 29). "Выданне кнігі для чытання на беларускай мове ва ўмовах царскай Расіі з'явілася важнай грамадска-палітычнай з'явай. Дасканалая з боку формы і зместу, яна спалучала выхаваўчыя задачы з багаццем і прыгажосцю роднай мовы, і магла на тым часе, па словах С. Александровіча, "замяніць народу і школу, і падручнік" [1, с. 165].

"Другое чытанне для дзяцей беларусаў" — этапная з'ява не толькі ў творчасці пісьменніка, але і ў гісторыі нацыянальнай навукова-педагагічнай літаратуры. У ёй аўтар абагуліў свой педагагічны вопыт і творча асэнсаваў і выкарыстаў здабыткі расійскай педагагікі, у прыватнасці, працы К. Ушынскага, Л. Талстога і іншых, а таксама напрацоўкі сваіх папярэднікаў — К. Каганца, Цёткі. Ад кнігі апошніх, на думку Л. Храпуновай, "падручнік Якуба Коласа выгадна адрозніваецца найперш тым, што больш адпавядае патрабаванням дзіцячага ўзросту, больш разнастайна адлюстроўвае жыццё, характарызуецца паслядоўнасцю пабудовы, адзінствам стылю, мастацкасцю мовы" [4, с. 56].

Лінгвадыдактычны характар зборніка, яго прызначэнне патрабавалі ад пісьменніка адпаведнага выкладу матэрыялу ад больш простага да складанага, даступнасці, яснасці, дасканалай апрацоўкі мовы. Чытаючы кнігу, дзеці павінны былі ўбачыць не толькі прыгажосць навакольнага свету, але і багацце роднай мовы, а таксама паглыбіць валоданне літаратурнаю моваю, засвоіць некаторыя граматычныя і арфаграфічныя нормы. Такім чынам, тут арганічна перапляліся розныя выхаваўчыя задачы — азнаямленне з разнастайнасцю акаляючага свету і засваенне багаццяў роднай мовы. У сваю чаргу, сістэма моўных сродкаў, апасродкавана, праз экспрэсію фанетыкі, лексікі, марфалогіі і сінтаксісу, спрыяла выражэнню нацыянальна-культурнай арыентацыі тэксту, паколькі мастацкі сэнс звязаны з моўным афармленнем ва ўсіх яго дэталях.

Паводле вучэбных мэт, "Другое чытанне для дзяцей беларусаў" — гэта хрэстаматыя, ці зборнік тэкстаў для чытання, прызначаны дзецям другога года навучання, структураваны сямю інфармацыйна-тэматычнымі і часткова жанравымі блокамi. Змест тэкстаў зборніка складаюць тонкія пісьменніцкія назіранні над акаляючым светам, прыродай, жыццём беларускага селяніна, — гэта значыць, у цэнтры ўвагі усё тое, што акружае маленькага чытача, з чым быў звязаны беларус з дзяцінства і да глыбокай старасці. Кожны са змешчаных у зборніку твораў: ці то яркая пейзажная замалёўка, ці то апавяданне пра жыццё вяскоўцаў дзяцей, ці то казка, байка, невялікі верш — прызначаны выхоўваць у чытачоў любоў да роднага краю, да прыроды, да чалавека, садзейнічаць абуджэнню ў іх пачуцця нацыянальнай годнасці.

Інакш кажучы, прынцыпы адбору і падачы моўнага матэрыялу маюць выразны (у тэрмінах сучаснай лінгвадыдактыкі) кагнітыўны і культуралагічны характар. Як вядома, у сучаснай лінгвістыцы і лінгвадыдактыцы тэзіс аб вывучэнні мовы і культуры народа (у шырокім разуменні апошняй — як працэсу і выніку асваення чалавекам навакольнай рэчаіснасці, працэсу творчага асэнсавання свету і сябе ў ім у іх узаемасувязі і ўзаемадзеянні) стаў ужо аксіяматычным. Зварот да культуры роднага краю, у тым ліку і моўнай, разглядаецца лінгвадыдакатамі як канкрэтны крок на шляху асэнсавання асабліва сцей мыслення, светапогляду народа, яго жыццёвага і духоўнага вопыту.

Навучанне мове прапануецца аўтарам на аснове тэкстаў з багатым лінгвакультуралагічным зместам. Пазней, у "Методыцы роднай мовы" (1926) [3], Якуб Колас тэарэтычна абгрунтаваў мэтазгоднасць "тэкстацэнтрычнага" навучання мове і сфармуляваў асноўныя патрабаванні да навучальнага тэксту. Так, тэкст, — на думку пісьменніка, — павінен быць асноўнай адзінкай навучання таму, што "цэлы твор астаўляе ў душы дзяцей больш глыбокі след" [3, с. 404]. Патрэбна заўважыць, што так званае "тэкстацэнтрычнае" навучанне пакладзена ў аснову сучасных канцэпцый моўнай адукацыі (пераважна ў замежнай лінгвадыдактыцы — польскай, расійскай і інш.), калі праз тэксты як інтэгрваную крыніцу моўнай, сацыякультурнай, краізназнаўчай інфармацыі актуалізуецца нацыянальна-культурны аспект навучання, што разглядаецца як адзін са шляхоў фарміравання чалавека гуманітарнай культуры, выхавання нацыянальна арыентаванай моўнай асобы. Менавіта падобныя ідэі пакладзены ў аснову "Другога чытання для дзяцей беларусаў". Што датычыць выбару

тэкстаў, то пераважнае месца, лічыць Якуб Колас, павінны займаць творы дзіцячай літаратуры, напісаныя "роднымі пісьменнікамі". Пры гэтым:

1) твор павінен быць цікавым для дзяцей, каб выклікаць у іх ахвоту да чытання;

2) калі артыкул навуковага характару, ён павінен даваць пэўныя і верныя веды;

3) калі артыкул мастацка-палітычны, то ён павінен закранаць у дзяцей лепшыя струны іх, развіваць успагаднасць, гатоўнасць стаяць за грамадзянскія ідэалы. Ён павінен выхоўваць спачуванне, маральную чуласць;

4) выбраны матэрыял для чытання не павінен даваць дзецям гатовага вываду [3, с. 403].

Матэрыял для чытання, падкрэслівае пісьменнік, "павінен быць і літаратурна правільным у адносінах укладання мовы" [3, с. 397].

Тэксты для навучання патрэбна выкарыстоўваць як праязныя, так і вершаваныя. "Вершаваны матэрыял, — заўважае аўтар, — заўсёды прызнаваўся карысным для мастацкага выхавання дзяцей. Апрача свайго зместу, ён вартовен сваёю формою і той музыкальнасцю, якую вызначаецца вершаваная мова" [3, с. 405]. Пра адну і тую ж прыродную з'яву пісьменнік часцей за ўсё апавядае і прозаю, і вершам. Прычым гэта не проста таму, каб цікава падаць інфармацыю, але і актывізаваць успрыманне новай інфармацыі [3, с. 119], г.зн. за гэтым стаіць глыбокае разуменне асноў лінгвапедагагікі і дыдактыкі.

Дзякуючы сваёй незвычайнай мастацкай інтуіцыі, лінгвістычнай і метадычнай дасведчанасці, Якуб Колас, можна сказаць, амаль на стагоддзе апырэдзіў сваіх нашчадкаў, распрацаваўшы ўласную кагнітыўную лінгвадыдактычную сістэму, у якой выбар вучэбнага матэрыялу меў рэгіянальны краізназнаўчы характар і вызначаўся найперш яго нацыянальна-пазнавальнай каштоўнасцю.

Коласайская кагнітыўная лінгвадыдактычная сістэма ў яе змястоўнай сутнасці мела ў сваёй аснове камунікатыўны прынцып навучання, які самым цесным чынам звязаны з прагматычным аспектам як адлюстраваннем ўзаемаадносін адрасанта і адрасата. Так, адна з лірычных замалёвак-мініяцюр называецца "Задача". Аднак Якуб Колас меў на ўвазе не арыфметычны дзеянні, а канкрэтную псіхалага-метадычную накіраванасць на стварэнне камунікатыўнай сітуацыі і яе вырашэнне. Сістэмнае ўзаемадзеянне моўных адзінак на камунікатыўным узроўні ў зборніку ствараецца і накіроўваецца Коласам-настаўнікам у большай ступені, чым Коласам-пісьменнікам. Менавіта яго пазіцыя, яго пункт гледжання вызначае ўсё ў кожным творы зборніка. Вось, напрыклад, пачатак апавядання "Весна": "Які пекны слаўны дзянёк! Выйдзем, дзеткі, на вуліцу, на Божы свет. Паглядзім, наслухаем. Можэ чаго і навучыць нас гэты Божы свет" [2, с. 5]. Педагагічная скіраванасць першых радкоў апавядання набывае выразную сацыяльна-псіхалагічную напоўненасць у заключным абзацы. Гэта дасягаецца дзякуючы выкарыстанню адпаведных марфалагічных сродкаў і алегарычнасці выкладання: "Гуляйце, дзеткі! Разумна гуляйце, прыглядайцеся да жыцця Божлага свету; нехай вучыць ён вас, як жыць, як зрабіць вашу сілу разумнай сілаю, каб непрыяцелі ваши не здалелі вас,

не пабілі вас у вадзіночку. Нехай шчырэ свеціць вам сонцэ, нехай не зарастае дарога ваша дзікою траваю, як зарасла дарога вашых бацькоў" [2, с. 7–8].

Зборнік мае выразную нацыянальную арыентаванасць, якая мае самыя непасрэдныя адносіны да таго, што сёння называюць нацыянальнай ідэяй, і выяўляецца ў своеасаблівым дэвізе (цытаце) на тытульным лісце кнігі — "Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ!", а таксама ў самой назве кнігі, прызначанай для маленькіх сыноў і дачок беларускага народа. "Аўтарская партыя", якую вядзе пісьменнік у зборніку, мае ярка выражаную методыка-выхаваўчую "мелодыю". Яна наглядна рэалізуецца ў выразе: значэнне — моўнае выражэнне — сэнс, дзе ўжо "гатоўя", прынятыя грамадствам значэнні, функцыянуючы ў моўнай тканіне, набываюць свой індывідуальны, тэкстуальны сэнс, які з'яўляецца аўтарскім семантычным выражэннем камунікатыўнай стратэгіі і ў кожным паэтычным ці празаічным творы праяўляецца ў адпаведным моўным афармленні. Гэта мае месца, напрыклад, у апавяданні "Як выдумляюцца страхі", дзе аўтарскі вывад заснаваны на апісанні выпадкаў з жыцця сялян: "Непанятнае і страшнае для нас усё тое, чаго прычыны мы не знаём. Болей навукі — меней страху" [2, с. 85]. Аўтар, з'яўляючыся як бы пасіўным апісальнікам падзей, нагадвае "жывую прызму", аграненую народным жыццём, што зноў адбіваецца на гэтае ж жыццё, на аснове якога будзецца як бы другі, паралельны, сувет. Можна сказаць, што коласаўскі твор — гэта нацыянальная будова свету праз яго падваенне. У аснове разважанняў Якуба Коласа аб сэнсе і месце жыцця, аб праве на жыццё пакладзены маральна-этычныя погляды пісьменніка як прадстаўніка нацыі, яго менталітэт, філасофія жыцця ўвогуле: "Чалавек — тое ж Божае стварэнне, толькі самае разумнае меж усімі, і кожнае стварэнне мае такое ж права на жыццё, як чалавек. І той чалавек, каторы адбірае права ад другіх, уніжае сам сябе" [2, с. 52].

Разумеючы ролю кнігі на роднай мове ў фарміраванні нацыянальна арыентаванай асобы, Якуб Колас праводзіць думку К.Дз. Ушынскага, што дзіця не толькі вучыцца ўмоўным гукам, але і "п'е духоўнае жыццё і сілу з грудзей роднага слова". Яно тлумачыць яму прыроду, як не мог бы растлумачыць даследчык прыроды, яно знаёміць яго з характарам людзей, з грамадствам, у якім ён жыве, з яго гісторыяй, памкненнямі, як не мог бы пазнаёміць гісторык. Яно ўводзіць яго ў народныя вераванні, у народную паэзію, як не мог бы ўвесці эстэт, яно, нарэшце, дае такія лагічныя паняцці і філасофскія погляды, якія не змог бы паведаміць дзіцяці філосаф. Засвойваючы родную мову, падкрэслівае Якуб Колас, дзіця засвойвае не толькі словы, іх спалучэнні і відазмяненні, але і бясконцую колькасць паняццяў, поглядаў на прадметы, вялікую колькасць думак, пачуццяў, мастацкіх вобразаў [3, с. 9–10].

Зборнік Якуба Коласа "Другое чытанне для дзяцей беларусаў" цікавы як у плане зместу, так і з пункту гледжання лінгвадыдактычнай канцэпцыі выхавання асобы сродкамі мовы, паколькі ў ім падаецца нагляднае вырашэнне праблем, актуальных не толькі ў тагачаснай, але і ў сучаснай методыцы.

Кніга раскрывае вельмі цікавы і зусім не асэнсаваны ў беларусістыцы аспект творчай дзейнасці пісьменніка-настаўніка — яго арыентацыю на выхаванне нацыянальнай свядомасці сродкамі мовы.

Літаратура

1. Александрович, С.Х. Пуцявіны роднага слова: Праблемы развіцця беларускай літаратуры і друку другой паловы 19–20 ст / С. Х. Александровіч. Мінск, 1971.
2. Колас, Я. Другое чытанне для дзяцей беларусаў / Я. Колас. Пб.: Выд. суполкі "Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ"; "Наша хата", 1910.
3. Колас, Я. Методыка роднай мовы / Я. Колас // Зб. тв.: У 14 т. Мінск, 1976. — Т. 12. — С. 313–506.
4. Храпунова Л. Першыя беларускія чытанкі / Л. Храпунова // Беларуская дзіцячая літаратура. — Мінск, 1966. — С. 47–51.

В.Г. Будаі (Турцыя, Эрджіескі ун-т)

Джоши Шьяма (Індыя, Хімачал Прадеш ун-т)

КОРРЕКТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ, ПОГОВОРОК, ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЛАДЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ

Трудно представить себе изучающего иностранный язык, который отказался бы от возможности сделать свою речь на изучаемом языке более выразительной, более эмоциональной, богатой и красочной.

Для того чтобы добиться этого, изучающему иностранный язык нужно овладеть **социокультурной компетенцией**, т.е. приобрести знания, связанные со специфическими особенностями культуры речи, речевым этикетом, идиоматическими выражениями, фразеологизмами, пословицами и поговорками, стилистикой изучаемого языка, с историей и культурой, традициями и бытом народа, который говорит на этом языке [1].

Что такое социокультурная компетенция, я узнал в далёком детстве, когда понятия не имел, что существует такой термин.

Во время войны в отряде был перешедший на сторону партизан словацкий офицер Михай Павлович (впоследствии один из организаторов Словацкого восстания). Он неплохо говорил по-русски и очень любил шегольнуть каким-нибудь вновь выученным выражением. Больше всего ему нравилось выражение *друг — с топором навстречу*, которое он использовал не всегда в нужном контексте. Но однажды кто-то из партизан научил его выражению *держат камень за пазухой*, и спустя некоторое время он уже на каждом шагу повторял: *друг — с камнем за пазухой*. Близкие по значению (характеристика человека коварного, способного предать) пословица и фразеологизм в восприятии иностранца трансформировались в новое образование с тем же значением.

Трудно не согласиться с мнением, что фразеологизмы, пословицы и поговорки — это визитная карточка любого языка, что в них закреплено образное мышление народа, что на содержание этих устойчивых выражений налагает отпечаток исторический опыт народа, геополитическое положение страны, народ которой говорит на данном языке, вероисповедание [2]. Эти исторически обусловленные единицы языка, несомненно, — самые яркие, образные и легко запоминающиеся языковые средства выражения мыслей.

Вспоминается, как покойная бабушка, Надежда Ильинична Янович, сыпала налево и направо совершенно замечательными изречениями (теперь понимаю, какой непростительной ошибкой было то, что я не записывал за ней эти языковые шедевры). Она, например, могла очень оригинально проводить меня на очередной зачёт (*Грудь в крестах или голова в кустах*) или саркастически отреагировать на скромную студенческую "посиделку" с пивом (*Разгулялась беднота: в пустом кабаке да без денег*).

Насколько прекрасны, образны и выразительны пословицы, поговорки, фразеологизмы, настолько же они и "консервативны" в употреблении, т.е. большинство из них мало подвержено каким-то языковым изменениям. Они не допускают каких-либо "вольностей", замен, перестановок входящих в их состав компонентов. Это связано с тем, что эти языковые единицы часто сохраняют в своём составе устаревшие слова (*от аза до ижицы, око за око, один как перст*), книжные выражения (*взойти на Парнас, буриданов осёл, оседлать Пегаса*) [3], [4].

Значительная часть устойчивых сочетаний содержит в своём составе различные реалии русского быта, исторические факты, народные верования, обычаи и обряды (*готовые сани летом, а телегу зимой; хрен редьки не слаще; выписывать вензеля; верёвка плачет; коломенская верста; во всю ивановскую; потёмкинская деревня; пропал как швед под Полтавой*).

Устойчивые сочетания нельзя дробить, произвольно, как нам вздумается, ставить ударение, переставлять или заменять грамматическую форму входящих в их состав лексем, расширять рамки сочетания, нарушать связанные синтаксические конструкции. Правильное, корректное употребление в речи пословиц, поговорок, фразеологизмов является свидетельством, показателем соответствующего уровня владения языком.

Рассмотрим несколько примеров, чтобы убедиться, к чему может привести вольное обращение с устойчивыми единицами языка.

Симбиоз из двух пословиц *что с возу упало, то пропало* и *что написано пером, то не вырубишь топором* порождает новую поговорку *что с возу упало, то не вырубишь топором* с иным смысловым значением, а два фразеологизма *спать как убитый* и *спать мертвецким сном* из уст иностранца прозвучали однажды несколько необычным вариантом: *спать убитым сном*.

Своего рода "сложение" пословицы *не плюй в колодец: пригодится воды напиться* и фразеологизма *сесть/садиться в калошу* выливается в довольно оригинальную пословицу *не плюй в калошу: пригодится в ней садиться* с тем же значением (не делай того, о чём потом можешь пожалеть).

А вот как может измениться значение устойчивого сочетания с перестановкой входящих в его состав лексических единиц. В пословице *слово не воробей: вылетит* — *не поймашь* давайте поменяем местами глаголы: *слово не воробей: поймут* — *вылетишь* и получим выражение, смысл которого, как показывает опыт, совершенно непонятен иностранной аудитории, хотя значение каждого слова в собственно пословице и содержание её в целом понимаются иностранцами адекватно.

К изменению содержания устойчивого сочетания приводит и расширение рамок фразеологизма. Таковую "вольность" можно себе позволить только по отношению к фразеологизму, потому что пословица и поговорка представляют собой законченное высказывание, структурно организованное как предложение, в то время как фразеологизм — более "открытое" устойчивое сочетание. Когда мы говорим *места не столь отдалённые*, мы имеем в виду места заключения (тюрьма, ссылка), а вот выражение *места не столь отдалённые, сколь полезные* довелось однажды услышать из уст человека, который вознамерился пойти, извините, в туалет.

Большинство устойчивых сочетаний состоит из компонентов, имеющих связанное употребление, замена которых недопустима. В следующих фразеологизмах *дать дуба, злость берёт, намылить шею, голод не тётка, задать перцу, зарубить на носу* нельзя заменить, например, *дуб* на *берёзу* или *тополь*, *злость* на *радость* или *горе*, *шею* на *голову*, *тётку* на *свекровь* или *дядьку*, *перец* на *горчицу* или *укроп*, *нос* на *лоб* или *подбородок*.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на фразеологизм *власть предержажие*. Многие фразеологические словари дают вариант с множественным числом *власть (власти) предержажие*, ссылаясь при этом на Библию (*Всяка душа властям предержажим да повинуется*) [3] или *власть предержажая* [5]. Однако, как нам кажется, *власть предержажие* — это лица, облечённые высшей властью, руководители, и *власть* здесь употребляется в абстрактном значении этого слова и, следовательно, не может иметь формы множественного числа (в отличие от, например, *местная власть/местные власти*, т.е. чиновники). Значит, слово *власть* в этом фразеологизме должно оставаться неизменным, а *предержажие* должно изменяться, подчиняясь глагольному управлению: *власть предержажие не думают о народе, народ не жалуёт власть предержажих, обращаться к власти предержажим, знать в лицо власть предержажих, возмущаться властью предержажими, писать о власти предержажих*.

Выше мы писали о том, что фразеологизмы — более свободные, открытые устойчивые сочетания. Следует добавить, что они и наиболее часто используются в речи как носителями языка, так и иностранцами. Поэтому мы хотели бы сделать несколько конкретных замечаний по употреблению фразеологизмов в речи изучающими русский как иностранный, дабы уберечь их от возможных ошибок.

Прежде всего, следует иметь в виду, что в русском языке существует целый ряд фразеологизмов, в состав которых обязательно входит отрицательная частица *не*, и без частицы они не употребляются. Например: *души не чаять, в ус не дуть, денег куры не клюют, днём с огнём не найдёшь, ломать — не строить, не хватать звёзд с неба, не в свои сани не садись, каши не сварить, мухи не обидит, палец в рот не клади, не видеть дальше своего носа, не выходить из головы, быть не из робкого десятка, дарёному коню в зубы не смотрят, водой не разлить, быть мудрым не по годам, но быть (не) на своём месте, время (не) ждёт, пальцем (не) тронуть, (не) делать из мухи слона*.

ТОПОНИМЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ "БЕЛАРУСЬ"

Очень важно знать, в каких из глагольных фразеологизмов следует употреблять глаголы только одного (совершенного или несовершенного) вида, а в каких допускается употребление обоих видов. Например, с глаголами только несовершенного вида употребляются такие фразеологизмы, как *знать меру, искать иголку в стоге сена, искать вчерашний день, вить верёвки, вернуться на языке, дальше ехать некуда, делить шкуру неубитого медведя, делать из мухи слона, бросаться словами, вариться в собственном соку, видеть насквозь, носить воду решетом*, с глаголами только совершенного вида — *вдохнуть свободно, взять себя в руки, остаться у разбитого корыта, палец в рот не клади, навострить уши, обвести вокруг пальца, зарубить на носу, заткнуть за пояс, набрать воды в рот, набить руку, попасть в точку, поспешишь — людей насмешишь, посеешь ветер — пожжёшь бурю*.

Есть и такие фразеологизмы, где в зависимости от контекста возможно употребление как несовершенного, так и совершенного вида. Сюда относятся *вешать/повесить нос, валить/свалить в одну кучу, давать/дать сдачи, делать/сделать предложение, дрожать/задрожать как осиновый лист, жить/прожить душа в душу, закрывать/закрыть глаза, изливать/излить душу, надувать/надуть губы, куда ветер дует/подует, опускать/опустить руки, подливать/подлить масла в огонь*.

Особенностью адвербиальных фразеологизмов, в составе которых есть глаголы, является то, что глаголы чаще всего употребляются в прошедшем времени: *как в воду глядел, как в воду канул, как ветром сдуло, как гора с плеч свалилась, как из-под земли вырос, как корова языком слизала, как сквозь землю провалился, как снег на голову свалился*.

Для того чтобы всё это богатство русского языка стало достоянием иностранцев, изучающих русский язык, и чтобы они научились корректно этим богатством пользоваться, желательно издавать специальные словари устойчивых сочетаний, в которых к каждому сочетанию имелся бы своего рода "комментарий-инструкция" по его использованию. Тогда бы мы не услышали "*Пусть земля тебе будет пухом*" вместо "*Мягкой тебе посадки*", как довелось однажды слышать в аэропорту "Палам" в Дели.

Литература

1. Будаи, В.Г. Особенности обучения иностранному языку в условиях отсутствия языковой среды / В.Г. Будаи // Вторые чтения, посвящённые памяти профессора В.А.Карпова, Минск., 2008, с. 134–138.
2. Калюта, А.М. Русские и турецкие фразеологизмы с зоонимическим компонентом / А.М. Калюта // Вторые чтения, посвящённые памяти профессора В.А.Карпова, Минск, БГУ, 2008, с. 91–98.
3. Фразеологический словарь русского языка для школьников / Автор-составитель Л.А. Субботина. Екатеринбург, 2002.
4. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова, М., 1987.
5. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка. Электронный ресурс. Д. Н. Ушаков [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.
6. Джоши Шьяма. Трёхязычный (русский, английский, хинди) словарь фразеологизмов. / Джоши Шьяма Электронный ресурс.

Обращение к изучению топонимов продиктовано многоаспектностью его функционирования в силу исключительной ёмкости топонима как носителя экстралингвистического знания, в том числе культурологической информации. Несмотря на то, что топонимы неоднократно являлись предметом рассмотрения лингвистов, они изучались большей частью, например, с точки зрения этимологии (Н.В. Подольская, А.В. Суперанская, А.Л. Шилов и др.). Значительное количество работ (Л.В. Щерба, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская и др.) посвящено проблемам транскрипции географических названий. Ряд исследователей (П. Скок, В.Д. Беленькая и др.) занимались проблемами морфологического анализа и морфологических классификаций топонимов. Лишь немногие работы затрагивают вопросы семантики топонимов и их функционирования, их преподнесения на занятиях по РКИ. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью уточнения некоторых характеристик топонима как лингвострановедческой единицы с точки зрения его лексического потенциала, разработать примерную методику для преподнесения топонимов в иностранной аудитории. Целью настоящей работы является выявление роли топонимов на занятиях по РКИ. Методами исследования, использовавшимися при реализации цели, являются: исследовательский метод, индуктивный, изучение литературных источников, отбор материала.

Лингвострановедческая компетенция включает в себя знание национальных традиций, реалий страны изучаемого языка, способность извлекать из языковых единиц культуроведческую информацию. Но в РБ ситуация преподавания РКИ имеет специфическую особенность: цель инофона — изучать русский язык, но при этом он находится в Республике Беларусь, и плюс ко всему у него имеется сознание собственной национальной культуры. Таким образом, одной из важнейших задач методики преподавания РКИ в Беларуси является гармоничное сочетание трёх культур в аккультурации иностранного гражданина.

Одним из значительных шагов на пути выполнения подобной задачи следует назвать создание лингвокультурологического комплекса "Беларусь" (2008), в котором удачным образом смоделирован культурный тезаурус языковой личности на рубеже нескольких культур.

Основу комплекса составляет билингвальный лингвострановедческий словарь национальных реалий Беларуси, насчитывающий около 100 ключевых единиц, среди которых даты событий национальной истории; названия белорусских политических реалий, национальных и государственных праздников, обычаев; наименования исторических и архитектурных памятников, заповедников, музеев, научных и культурных учреждений; названия белорусской флоры и фауны; антропонимы; топонимы и др. [3].

Топоним — это имя собственное, относящееся к любому объекту на земле, природному или созданному человеком [6]. В зависимости от характера именованных объектов выделяются: названия водных объектов — гидронимы (озеро

Нарочь, река **Нёман**); названия объектов сухопутной поверхности земли — оронимы (скалы); названия подземных объектов — спелеонимы (пещеры); названия мелких объектов — микротопонимы; названия населенных мест — ойконимы (город **Минск**, **Полоцк**); названия внутригородских объектов — урбанонимы (проспект, улица, магазин). Совокупность топонимов (той или иной области) называется топонимией.

Согласно Е.Н. Верещагину и В.Г. Костомарову, топонимы — это не просто сухие географические термины, а наименования с ярким культурным компонентом в своей семантике. Иногда можно определить этот компонент лишь взглянув на форму топонима (например, **Новгород** — новый город, **Ленинград** — город Ленина), но чаще он кроется намного глубже и имеет социально-исторический и культурно-национальный характер (например, **Чернобыль** — не просто белорусский город, а ещё и символ бедствий атомного взрыва).

В топонимах (особенно гидронимах) устойчиво сохраняются архаизмы и диалектизмы, которые часто восходят к языкам-субстратам народов, живших на данной территории в прошлом. Они также имеют свойство обладания групповой информацией. Например, в список городов, получивших своё имя от названий рек, протекающих в месте их расположения, можно отнести **Минск**, **Полоцк** и др.

В лингвокультурологическом комплексе "Беларусь" содержится достаточно большое количество топонимов, только словарь содержит около двадцати наименований. Встречается подобная ономастическая лексика и в прецедентных текстах и высказываниях, аутентичных текстах, представленных в комплексе. В пособии собраны топонимы с наиболее яркими национальными коннотациями, накопившие в своей семантике различные сведения и знания, выражающие национальную ментальность и самосознание белорусского народа. Как и другие имена собственные, топонимы могут обозначать различные объекты, события, которые в сознании носителей языка становятся символами скорби (**Чернобыль**), варварства (**Хатынь**), национальной истории (**Полоцк**, **Несвиж**, **Мир**). Обозначающие их имена начинают называть уже не конкретный объект, а нечто большее, что сопутствует этому объекту в национальном общественном сознании. Это и представляет наибольшую сложность для иностранных учащихся — увидеть дополнительную коннотацию. Коннотации, отражающие национальную оценку имени, могут выявить различия в мировоззрении, в оценке одной и той же реалии мира представителями разных культур. Часто иностранец не понимает и не ощущает в топониме коннотаций, которые у носителя языка ассоциируются с каким-нибудь местом, явлением, человеком. Коннотации они вообще представляют особую сложность при усвоении любого языка иностранными студентами. При овладении языком особого внимания заслуживают топонимы общеизвестные, находящиеся во главе языка, обозначающие важнейшие явления национальной культуры, наиболее существенные для жизни данного народа понятия. И одной из задач культурологического комплекса "Беларусь" является решение подобной проблемы, стремление показать инофону две составляющие плана содержания топонима.

Большим плюсом комплекса является то, что в нём используются полиформатные средства обучения. В них ярко отражается принцип наглядности, который эффективно помогает в процессе обучения, является для обучаемых ценным источником знаний о белорусской культуре.

Основным источником наглядности в комплексе при преподнесении топонимов (в целом, как и всех других реалий) является, конечно, зрительная наглядность, которая представлена в двух видах: зрительно воспринимаемая вербальная наглядность (например, лингвострановедческие тексты, а именно словарная статья, включающая в себя толкование топонима и семантизацию лексического фона, т.е. то, что предназначено для чтения) и зрительно воспринимаемую невербальную наглядность (например, репродукции картин (Марк Шагал "Прогулка", "Явление семьи художника" и др.)), фото и картины, изображающие белорусские города и их главные достопримечательности ("Несвиж. Памятник Сымону Будному", Марк Шагал "Витебск. Рыночная площадь" и др.)).

Так, лингвострановедческие тексты являются средством освоения национально-культурных ценностей. Они отражают факты культуры и отличаются ясностью и доступностью изложения мыслей, живостью и образностью языка. Словарная статья носит не научный, а энциклопедический характер, что облегчает усвоение иностранным студентом изложенного материала.

Использование различного рода репродукций, примеры которых были указаны выше, способствует более глубокому пониманию общезначимых культурных ценностей, помогает иностранным обучаемым более точно воспринимать, осознавать и усваивать визуальный мир информации, формировать эстетическое отношение к культуре страны пребывания.

Представление культуроведческой информации полиаспектными средствами создаёт функциональное и содержательное разнообразие лингвокультурологического комплекса "Беларусь", тем самым учитывая интересы и потребности обучаемых, их этнические и психологические особенности, а так же даёт стимул для их познавательной активности.

Как и на любом занятии, учащегося надо заинтересовать предложенной темой. В данном случае помощью могут стать различные стихотворения и песни (Вл. Короткевич "Белорусская песня", М. Богданович "Погоня" и др.), посвящённые белорусским рекам, городам, самой стране; легенды ("Откуда город Несвиж", "Про озеро Нарочь"); репродукции картин и фото. Следующим шагом должно стать объяснение дополнительных коннотаций топонима (если они имеются), рассказ о её возникновении. Предложить учащимся составить словосочетания и предложения с данным топонимом, чтобы студенты приобрели навыки в использовании этих языковых единиц в речи. Интересным будет и обращение к полилогу культур, чтобы учащиеся попробовали найти коннотативную эквивалентность в своём языке.

Таким образом, преподавание иностранного языка не может сводиться к чисто коммуникативным задачам. В учебном процессе должна быть усвоена — одновременно с языком — и выражаемая этим языком культура. И в настоящее

время всё более очевидной становится важность изучения иностранного языка в тесной связи с овладением соответствующей национальной культурой.

Сегодня своё будущее каждый народ связывает именно с культурой, которая обладает национальной формой самовыражения, рождаясь из исторических особенностей жизни этноса. Такая культура представляет ценность не только для самой нации, но и является гарантом интеграции в мировую культуру.

Литература

1. Верещагин, Е.Н., Костомаров, В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.Н. Верещагин, В.Г. Костомаров. М., 1990.
2. Капитонова, Т.И., Щукин, А.Н. Современные методы обучения русскому языку иностранцев / Т.И. Капитонова, А.Н. Щукин. М., 1987.
3. Лингвокультурологический комплекс "Беларусь". — Минск, БГУ, 2008. С. 5.
4. Национально-культурный компонент в тексте и языке. Ч. 2. — Минск, 1994.
5. Русский язык как средство международного и межнационального общения, межкультурной коммуникации. — Минск, БГЭУ, 2005.
6. Энциклопедия "Кругосвет". М., 2001. С. 103.

Л.Ф. Гербик (Минск, БГУ)

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ТИПОВЫЕ ПРОГРАММЫ ПО РК И СЛОЖНОСТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Концептуальные противоречия. В основе обучения иностранных студентов лежат две концепции, которые были приняты в разное время и плохо совмещаются одна с другой; первую условно назовем *концепцией включенного обучения*, которая предполагает достаточно хорошее знание языка иностранными студентами к моменту зачисления в вуз, вторую условно назовем *концепцией доучивания*, в соответствии с которой иностранные учащиеся не получают необходимого знания русского языка на довузовской ступени подготовки и продолжают осваивать грамматику русского языка, научный стиль речи, находясь уже в стенах университетов.

В соответствии с *концепцией включенного обучения*, принятой в большинстве университетов мира, проводится сертификация знаний по языку в соответствии с принятыми едиными образовательными стандартами. Экзамен по английскому или немецкому языку для получения соответствующего сертификата иностранные учащиеся могут сдать у себя на родине. Изучение этих языков обеспечено большим количеством разнообразных учебников, аудио- и видеокурсов. Если иностранный учащийся приезжает в страну обучения без знания языка, он может выбрать курсы любой продолжительности и сложности для получения соответствующих языковых знаний. При этом проблема приема на обучение и само обучение иностранных граждан подчинено единым государственным правилам; например, в Германии нельзя сдавать сертификационный экзамен более трех раз. После трех неудачных попыток человек лишается права обучаться в вузе на всей территории Германии. Если же студент зачислен в вуз, то владеет языком так, что может учиться на немецком языке. Обычно из 10 человек группы подготовительного отделения в университет поступают не

более 3–4 человек. И при этом количество иностранных граждан, желающих получить высшее образование в Германии (США, Австралии и др.), не уменьшается, а, напротив, все увеличивается. Это связано с востребованностью специалистов высокой квалификации на мировых рынках труда.

Несмотря на то что модель образовательных стандартов по РК разработана в БГУ [1, с. 120], они не являются обязательными для вузов и, что очень важно, для подготовительных отделений. Как правило, в вузах составляются собственные тесты, требования к уровню владения русским языком (система оценок, проходной балл) не едины. Студенты, отчисленные из одного вуза, могут переходить в другой вуз, где требования ниже. Данное положение дел дискредитирует систему высшего образования в РБ.

В России разработаны образовательные стандарты по русскому языку, однако их реализация также не обеспечена единым подходом к проблеме подготовки иностранных специалистов. Нет нормативной базы ни внутри страны, ни в рамках СНГ.

Обучение в вузах Беларуси (России и других стран СНГ) базируется в основном на концепции доучивания (доучивания языка обучения в процессе обучения в вузах на продвинутых этапах). Такая концепция была принята в советское время, когда основным контингентом иностранных учащихся были лица, направляемые на обучение в Советский Союз дружественными странами или партиями. Таких студентов нужно было учить быстро, эффективно, недорого; качество обучения в значительной степени гарантировалось строгим отбором учащихся, а также наличием административной структуры, которая контролировала все этапы подготовки иностранных специалистов.

Именно в соответствии с этой концепцией были созданы типовые программы по русскому языку; иностранные учащиеся принимались на обучение в вуз без достаточного знания языка, но могли достаточно быстро (в течение первого семестра) "включиться", в процесс обучения при соблюдении условий, указанных выше. В настоящее время существует огромный разрыв между требованиями, предъявляемыми к знаниям выпускника подготовительного отделения и знаниям студента, зачисленного на 1-й курс университета.

Нормативы. Типовой программой предусмотрено, что иностранные студенты должны включиться в неадаптированный учебный процесс в течение первого полугодия обучения в вузе. К моменту зачисления в вуз после окончания подготовительного отделения иностранный студент должен (в соответствии с нормативами типовой программы) владеть 50 % грамматики и иметь в активном запасе около 2000 лексических единиц. Этот запас не позволяет студентам сразу включиться в неадаптированный учебный процесс, но служит необходимой базой для дальнейшего обучения.

После первого курса иностранные студенты могут учиться в общих аудиториях наравне с белорусскими гражданами, не испытывая особых языковых трудностей. Большинство иностранцев приезжает к нам с намерением стать хорошими специалистами; они хотят быть просто студентами, а не "иностранцами" с какими-то особыми привилегиями. Образование по

упрощенным программам отпугивает таких студентов, и они все больше ориентируются на обучение в западных странах.

Существование этих проблем негативным образом сказывается на отношении к системе высшего образования в РБ, на формирование образа нашей страны за рубежом, а также провоцирует увеличение потока иностранных граждан, желающих приобрести диплом о высшем образовании без соответствующих усилий и без знаний.

Иностранные студенты обучаются в Беларуси уже более 40 лет. Ранее все типовые программы и базовые учебники разрабатывались в Москве, где существуют специальные научные, учебные и учебно-методические центры на базе вузов или вне их. В настоящее время задача создания таких центров стоит и перед Беларусью. Необходимо разработать единые нормы, единую систему подготовки иностранных специалистов, повысить престиж данного вида деятельности и сделать экспорт образовательных услуг одним из важных и высокодоходных видов экспорта РБ.

Литература

1. Лебединский С.И. Модель образовательных стандартов по русскому языку как иностранному: учебно-методическое пособие / С.И. Лебединский, Г.Г. Гончар. Минск, 2003.
2. Русский язык как иностранный. Типовая учебная программа для иностранных студентов филологических специальностей высших учебных заведений. Минск, 2005.

А. Н. Гордей, А. Н. Овчинникова (Минск, БГУ)

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА С ОПОРОЙ НА УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Во многих философских справочниках познавательное значение категорий определяется по В.И. Ленину: "Перед человеком сеть явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, *категории суть ступеньки* выделения, т.е. *познания мира, узловые пункты в сети* (отмечено нами – А.Г., А.О.), помогающие познать ее и овладеть ею" [1, с. 85].

Идея о категориальной сетке, которую человек "набрасывает" на мир, представляет методологию научного познания. Устанавливая сходные явления и присваивая им место в определенной ячейке сети, мы тем самым категоризируем снятую органами чувств копию мира, чтобы сделать ее доступной сознанию. Категоризация мира — это сужение пространства и его моделирование в упорядоченную систему объектов, которыми можно оперировать.

Развитие научного знания приводит к вычленению ряда фундаментальных понятий, которые затем приобретают категориальный смысл. Например, общенаучные понятия *множество*, *отношение* воплощаются в частных научных категориях *вид*, *родство* в биологии или *вид*, *род* в лингвистике. Несмотря на разделение научного знания на подотрасли и кажущееся разнообразие предметных областей, методология рационального подхода к познанию всех объектов ис-

следования является единой в силу априорной упорядоченности мира и требует стандартизации описания.

Впервые учение о категориях как инструментальной базы познания было изложено в трактате Аристотеля "Категория". Составленная Аристотелем таблица включала 10 категорий: *сущность*, *количество*, *качество*, *отношение*, *место*, *время*, *положение*, *состояние*, *действие* и *страдание*.

У И. Канта категории делятся на 4 разряда: *качество* (реальность, отрицание, ограничение), *количество* (единство, множество, цельность), *отношение* (субстанция и свойство, причина и действие, взаимодействие), *модальность* (возможность и невозможность, действительность и недействительность, необходимость и случайность).

Г. Гегель свел категории к 3-м: *бытие* (качество, количество), *сущность* (основание, явление, действительность), *понятие* (субъект, абсолютная идея, объект).

С развитием логики, математики, информатики и формальной семантики эпистемологические изыскания в области философии заменяются логическим анализом категорий языка как средства моделирования мира (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, К. Айдукевич и др.).

В исследовании категорий китайского и русского языков мы опирались на достижения **комбинаторной семантики** — лингвистической дисциплины, рассматривающей отношение *языка к модели мира* (в отличие от *философии*, призванной изучать отношение модели мира к миру) [2-5].

С точки зрения комбинаторной семантики, **мир** есть все, что нас окружает, без ограничений в пространстве и времени. Снятая органами чувств (зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием) **копия мира** поступает в интеллект, который **кодирует** в ней повторяющиеся элементы [6] — **стереотипы**¹. Включая один стереотип в другой, интеллект **упорядочивает** множество стереотипов (*стул, стол, шкаф, диван = мебель; вода, сок, молоко, кефир = жидкость; графин, тарелка, ведро, бочка = емкость*) и затем устанавливает их **порядок преобразований** (*огонь + дерево > пепел; держать + перемещать > носить; красный + зеленый > коричневый*). Так возникает **модель мира**, содержанием которой являются повторяющиеся элементы в копии мира, а выражением — **внутренние коды**. Естественный язык прямого влияния на этот процесс не имеет², потому что способность кодировать у интеллекта врожденная, а язык усваивается в ходе социального развития личности и генетически не наследуется. Иными словами,

¹ **Внутреннее кодирование** — автоматическая реализация на подсознательном уровне врожденной способности интеллекта к кодированию при помощи некоторого внутреннего кода [2, с.226].

² Например, в зоопсихологии под интеллектом (или "ручным мышлением") высших животных понимаются такие доступные, главным образом, обезьянам реакции, которые характеризуются внезапностью решения задачи, легкостью воспроизведения найденного решения, переносом его на ситуацию, несколько отличную от исходной, и способностью решать "двухфазные" задачи.

естественный язык нужен человеку для декодирования модели мира и сознательного управления интеллектуальной деятельностью³.

Отношение языка к миру и модели мира показано на рис. 1.

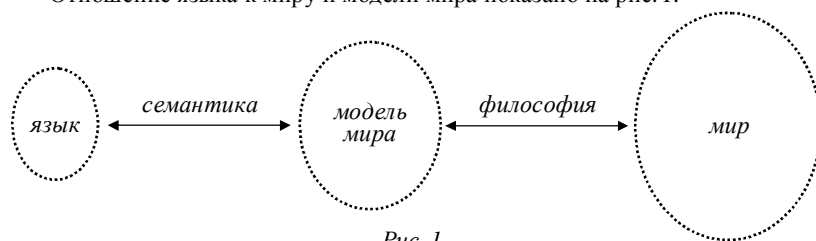

Рис. 1

Сигналы о мире, поступающие в интеллект от рецепторов, все время меняются, и модель мира непрерывно уточняется и расширяется, увеличение же объема языка ограничено продолжительностью жизни, в течение которой мы должны овладеть им и передать из поколения в поколение [5]. Почти неозримый для пользователя, но бесконечно малый для декодирования модели мира объем языка создает серьезную гносеологическую и праксеологическую⁴ проблему, поскольку невозможно установить одно-однозначное соответствие между знаками языка и стереотипами модели мира, в результате рождаются метафоры, что неизбежно приводит к сбоям в понимании ситуации и принятии адекватных решений. Например, *обратная предикация*⁵ инициирует метафору "расшаталась" о зубной пломбе, когда, возможно, она "распаялась" или подверглась другому воздействию, осознание и правильное обозначение которого научило бы стоматологов ставить пломбы так, чтобы они из зубов не выпадали⁶. Перевод обратной предикации в *прямую* снижает вероятность метафоры, но, естественно, полностью ее не исключает: "Книга *лежит* на столе" → "Поверхность стола *удерживает* книгу" (рус.) и 书放在桌子上 → 桌子上有书 (кит.) — "лежать", "放" — русские и китайские метафоры при обратной предикации; "Птица *сидит* на дереве" (рус.) и 鸟站在树上 букв.: "Птица *стоит* на дереве" (кит.) — "сидит" — русская метафора при прямой предикации. Единственный способ избежать метафор в языковом представлении и преобразовании знаний — формализовать модель мира посредством специально построенного математического аппарата и через формализацию модели мира формализовать языковую семантику — подход, общий по сути, но противоположный по направлению (*модель мира* → *язык* vs. *язык* → *модель мира*) исследованиям Ю.Д. Апресяна⁷ и успешно реализованный в **теории автоматического порождения архитектуры знаний (ТАПАЗ)**⁸, являющейся математическим обоснованием комбинаторной семантики.

Рассмотрим с этих позиций русские и китайские языковые категории, несопоставимости которых всегда мешала проведению серьезных типологических исследований. Ниже покажем, что причина подобной несопоставимости кроет-

³ Более подробно об этом см.: Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. – Гродно, 2005. – С.32.

ся отнюдь не в генетической, типологической, ареальной и графической противоположности упомянутых языков, а в противоречивости традиционной классификации частей речи.

Под частью речи в ориентированной на европейские языки общей лингвистике понимается определенный лексико-грамматический класс слов, т.е. исходным пунктом классификации выбирается лексическое значение слова и его грамматические показатели (морфологические и синтаксические).

Вслед за представителями общей лингвистики русисты объединяют слова в части речи по пяти принципам: семантическому, морфологическому, синтаксическому, словообразовательному и валентностному.

Семантический принцип опирается на категориальные значения знаков и позволяет выделить четыре части речи:

1) *имя существительное* — часть речи, имеющая категориальное значение "предметность" (согласно аристотелевской традиции, предметность рассматривается как субстанция; отметим методологическую ошибку, заложенную в школьных учебниках: *имя существительное* — *часть речи, которая обозначает предмет*, но "бег", "радость" и мн. др. — не предметы);

2) *имя прилагательное* — часть речи, имеющая категориальное значение "признак предмета" (но в сочетании знаков "*быстрый бег*" признак характеризует непредметную субстанцию, а в сочетании "*платье в обтяжку*" признак выражен знаком, который категориально относится к другой части речи — наречию);

3) *глагол* — часть речи, имеющая категориальное значение "действие как процесс" (но знаки "бег", "крик", "прыг-скак" и мн. др. тоже означают действие);

4) *наречие* — часть речи, имеющая категориальное значение "признак признака" (*очень быстрый*) или "признак действия" (*быстро бежать*).

Омонимичные знаки "*тепло*", "*тихо*", "*быстро*", "*жаль*", "*мимо*" и им подобные относятся к разным частям речи на основании *синтаксического принципа* — роли в предложении. Например: "*Тепло от камня быстро наполнило комнату*", "*Какая была жаль!*" (существительное, подлежащее); "*Течение реки быстро*" (прилагательное, именная часть сказуемого); "*Он тепло улыбнулся и*

⁴ О праксеологии как науке об управлении см.: Котарбинский, Т. Трактат о хорошей работе. — М., 1975. — 271 с.

⁵ Подробно о *прямой* и *обратной предикации* см.: Гордей, А.Н. Лингвистическая и металингвистическая операции // Чтения, посвященные памяти профессора В.А.Карпова. — Минск, 2007. — С.12–18.

⁶ "Определите значения слов, и вы избавите человечество от половины его заблуждений", — считал Декарт [7]. "Если не подходит имя, то неуместно его толкование; коль неуместно толкование, не может быть успеха в деле", — утверждал Конфуций [8]. См. по этому поводу также богатый и интересный фактический материал в работах по аналитической философии и критике языка.

⁷ См.: Апресян, Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. — М., 1995. — Т.1. — 472 с.; Т.П. — 766 с.

⁸ Объединяет *предопределение дедуктивной теории языка* [9], *дедуктивную теорию языка* [10] и *формализованную теорию* [11]. Впервые упоминается в работе: Гордей, А.Н. Семантический синтаксис и комбинаторная семантика // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П.П. Шубы). — Минск, 2006. — Ч.2. — С.9-13.

тихо вышел", "Он прошел *мимо*" (наречие, обстоятельство); "На улице *тепло и тихо*", "И не *жаль* мне прошлого ничуть" (категория состояния, главный член односоставного безличного предложения); "Мне он, *жаль*, был незнаком" (модальное слово, вводное слово); "Он прошел *мимо* дома" (предлог, оформляет синтаксическую связь управление).

Квалификация иных классов слов как "частей речи" (*местоимений, числительных, слов категории состояния, предикативных наречий, служебных частей речи* (предлог, союз, частица), *модальных слов, междометий, звукоподражаний*) также осуществляется по одному принципу или, в лучшем случае, несколькими, но не всем пяти одновременно, причем принцип, пригодный для одной части речи, может "не работать" относительно другой. Например, слова категории состояния разграничиваются исключительно посредством *синтаксического принципа* (к этому классу принадлежат все знаки, играющие роль главного члена односоставного безличного предложения). *Валентностный принцип*, призванный подтвердить категориальный статус частей речи через специфику их сочетаемости (прилагательные *согласуются* с существительными "белый снег", "белая береза", наречия *примыкают* к глаголам и прилагательным "быстро бежать", "очень быстрый", глаголы *управляют* существительными "читать книги"), не применим для целого ряда сочетаний, например: "платье *декольте*", "рубашка *хаки*", "цвет *беж*" (прилагательные *примыкают* к существительным), "бег *вприпрыжку*" (наречие *примыкает* к существительному), "*чтение* книг" (существительное *управляет* существительным) и т.д.

В русистике принято пять оснований для одной классификации, но проблема окончательно не решена. Количество частей речи варьируется от 4-х и 8-и до 11-и и 13-и; не определен категориальный статус местоимений, числительных, предикативов, междометий и звукоподражаний.

Таким образом, в общем и частном языкознании к общенаучным проблемам метафор в языковом представлении и преобразовании знаний добавляются противоречия, возникающие в результате смешения теории и метатеории из-за совпадения объекта и инструмента исследования — в обоих случаях естественного языка, но если в математике, где также совпадают объект и инструмент исследования, опасность подобных противоречий осознана в начале XX века⁹, то лингвистической общественности еще предстоит это сделать, хотя решение уже найдено — им является развиваемая в рамках комбинаторной семантики парадигма частей языка [4], восходящая к китайско-японской лингвистической традиции.

В комбинаторной семантике **языковая семантическая категория** есть языковой стереотип, положенный в основание разграничения частей языка в па-

⁹ Речь идет о знаменитом парадоксе, открытом Расселом в 1902 году: "Множество есть собрание объектов. Большинство множеств не являются элементами самих себя. Множество всех котов, например, не является элементом самого себя, потому что оно само не кот. Возможны, однако, и такие множества, которые принадлежат сами себе как элементы, — например, множество всех множеств. Рассмотрим теперь множество А всех таких множеств X, что X не есть элемент X. Согласно определению, если А есть элемент А, то А также и не есть элемент А, и если А не есть элемент А, то А есть элемент А. В любом случае А есть элемент А и А не есть элемент А". Цит. по: Мендельсон, Э. Введение в математическую логику. — М., 1971. — С.7.

радигме¹⁰. Наличие у знака той или иной семантической категории должно подтверждаться процедурно, в противном случае она окажется домыслом лингвиста¹¹. ТАПАЗ позволяет выделить следующие семантические категории¹²:

I. **Модели мира, языка и метаязыка.** Первичный уровень семантической стратификации знаков составляют **части языка** — подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным стереотипом в значении, и **знаки алфавита синтаксиса** — вспомогательные средства синтаксиса (предлоги, союзы, частицы и проч.), служащие для соединения составных частей языковых структур¹³. Знаки алфавита синтаксиса самостоятельных ролей в предложении не играют, членами предложения не являются и принадлежат не языку, а метаязыку.

II. **Индивида и его признака**¹⁴. Части языка подразделяются на обозначающие индивид **тайгены** (от яп. 体言 — стабильное слово), например: "стол", "сто", "сотня", "мы", "это", и обозначающие признак индивида **ёгены** (от яп. 用言 — подвижное слово), например: "синий", "бежать", "очень"¹⁵.

III. **Свертки и развертки.** В развитии идеи А.В. Исаченко о семантической конденсации [12, с.338], части языка со стертым актуализатором рассматриваются как предельно свернутые, или **сжатые**¹⁶. Происхождение сжатых знаков часто

¹⁰ Более подробно об этом см.: Гордей, А.Н. Метасемантика языковых категорий // Вторые чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова. — Минск, 2008. — С.19-24.

¹¹ Напомин в этой связи известный принцип *дополнительности* Н. Бора: чем глубже ученый погружается в объект исследования, тем сильнее изменяет его. См.: Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание. — М., 1961. — 151 с.

¹² Все процедуры разделения частей языка в парадигме изложены в работе: Гордей, А.Н. Метасемантика языковых категорий... С.20-24.

¹³ Термин *знак алфавита синтаксиса* заимствован из работы: Расёва, Е., Сикорский, Р. Математика метаматематики. — М., 1972. — С.180-184.

¹⁴ О двух разновидностях стереотипа см.: Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. — Гродно, 2005. — С.32-35; Он же. Семантика метасемантики // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И.Вернадского. — Сер. Филология. — Т.20(59). 1. — Симферополь, 2007. — С.126-133.

¹⁵ Обратим внимание на то, что семантические категории *модель мира, язык, метаязык, индивид, признак индивида* относятся к **теории мира; часть языка, тайген, ёген** — к **теории языка; знаки алфавита синтаксиса** — к **теории метаязыка**. В нашем дальнейшем изложении названия категорий теории мира и теории языка будут совпадать (например, *одноместность* vs. *многоместность* характеризуют как модель мира, так и язык), однако их следует различать, поскольку семантические категории теории мира зависят от точки зрения наблюдателя (на микроуровне *дерево* воспринимается как система индивидов *корень + ствол + крона*, на макроуровне — как цельный индивид *отдельное дерево*), а семантические категории теории языка и метаязыка, т.е. **языковые и метаязыковые семантические категории** — не зависят (русский знак "*дерево*" всегда обозначает один индивид, "*деревья*" — группу индивидов; русский предлог "*в*" всегда используется для построения локативов включения "*в столе*", но не исключения "*вне стола*"). Строгое разграничение категорий теории мира, языка и метаязыка необходимо для достижения непротиворечивости анализа и избежания парадокса Рассела.

¹⁶ Об этимологических процедурах реконструкции двухкомпонентности знаков см.: Мартынов, В.В. Этимология и скрытая двухкомпонентность слова // Studia etymologica Brunensia 2. — Praha, 2003. — С.81-91.

связано с **конверсией** — переходом лексемы из одной части языка в другую либо из одного подмножества (постоянного, переменного и степени) части языка в другое, при котором аспект выражения лексемы (ее внешняя форма) остается без изменений [5]. Например: 锁 *suǒ* "замок" и "закрывать", 锯 *jù* "пила" и "пилить", 剪 *jiǎn* "ножницы" и "стричь", что свидетельствует о совмещении знаками свойств тайгенов и ёгенов в глоттогенезе. На это же указывает китайский и русский языковой плеоназм: 画画儿 *huà huàr* "рисовать рисунок", 玩玩儿 *wán wánr* "играть игру" (кит.); открыть крышку, закрыть крышу, останавливаться на остановке, петь песню, танцевать танец (рус.) и др. Мысль о зарождении предложения путем расчленения синкретического сигнала типа "гром гремит", изначально обозначавшегося одним звукокомплексом наподобие *gṛm¹⁷, впервые высказал М.В. Беляев, который считал, что логическому расчленению цельного явления на предмет (гром) и действие (гремит) "соответствует синтаксическое расчленение: субъекта (гром) и предиката (гремит) и морфологическое соответствующее расчленение, обособление, выделение и формирование двух категорий речи: имени и глагола"¹⁸. На втором этапе возникают определения к имени и глаголу (**громкий гром гремит громко**), а на третьем — **гремящий громкий гром гремит громко гремя**, т.е. происходит распространение предложения за счет расширения предикативной основы. Данный процесс прослеживается в детской речи, языках отсталых племен и звуковых реакций высших животных. Е.И. Негневичка и А.М. Шахнарович приводят пример того, как ребенок начинает дифференцировать знак: "Слово тпру, означающее сначала и предмет (лошадь), и действие (подем, остановить), и желание покататься, приобретает фиксированный в языке суффикс существительного и начинает в таком виде обозначать только предмет (тпрука)"¹⁹. Б.В. Якушин утверждает, что сходная диффузность ментальных операций наблюдается в языке племени аранта, где "одно и то же слово обозначает и "корни водяной лилии", и "кости человека", и "ночь", объединяемые общим признаком "невидимого"²⁰, а также у некоторых высших животных, для которых "жизненно значимые элементы ситуации образуют... ее ядро. Все же остальные ее явления слабо различимы"²¹. Н.И. Жинкин выясняет, что количество ситуаций, вызывающих звуковую реакцию обезьян невелико: у шимпанзе волнение выражалось уханьем, удовлетворение — хрюканьем, удивление — мычанием; у гамадрил выделялось 18 односложных сигналов (ак, hon, au, i и т.д.), соответствовавших отдельным ситуациям²². Отмеченные факты показывают, что язык развивался в направлении от звукового симптома к звуковому сигналу и зна-

¹⁷ Ср.: "Евр., араб., эфиоп. g'm 'гром', 'греметь' (аккад. gṛm?) принято производить от прасемитского RG?M" (Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней). — М., 1965. — С.59).

¹⁸ Беляев, М.В. Проблема грамматики: (Методологические основы грамматического изучения языка) // Ученые записки Сталинградского ГПИ. — 1939. — Т.1. — С.79.

¹⁹ Негневичка, Е.И., Шахнарович, А.М. Язык и дети. — М., 1981. — С.33.

²⁰ Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка. — М., 1984. — С.76.

²¹ Там же.

²² См.: Жинкин, Н.И. Коммуникативная система обезьян // Изв. АПН. — 1960. — №113.

ку²³, который впоследствии мог приобретать символическое (графическое) изображение, а прерогатива в обслуживании коммуникации древних людей принадлежит междометиям²⁴. Вывод хорошо согласуется с антропологическими и анатомо-физиологическими данными, поскольку "в составе древнейших голо-совых звуков преобладали выдыхательные тоны и шумы"²⁵, тогда как, по замечанию А.А. Поцелуевского, "кроме звуков, производимых выдыхательной струей воздуха, современный человек использует выдыхательные шумы, но, как правило, лишь в качестве междометий или в общении с животными"²⁶. В настоящее время большинство лингвистов, учитывая эволюционную теорию Ч. Дарвина о происхождении человека и биогенетический закон Э. Геккеля, согласно с тем, что на первоначальных стадиях развития языка как в филогенезе, так и в онтогенезе "исходной формой высказывания были не отдельные слова или предложения, а внешне, в знаке нерасчлененное слово-предложение, содержащее указание на действие и предмет (субъект действия)"²⁷.

Совмещение знаками свойств тайгенов и ёгенов в диахронии создает благоприятные условия для их конверсии в синхронии путем перестановки тайгенов из маргинальных позиций синтаксически развернутого предложения в центральные, а ёгенов — из центральных в маргинальные: 你修好门锁 *Nǐ xiūhǎo mén-suǒ* "Отремонтируй дверной замок" и 你锁上门 *Nǐ suǒ-shàng mén* "Замкни дверь" (кит.), "Тепло от камина наполнило комнату" и "Он тепло улыбнулся" (рус.). В синхронии конверсия тесно взаимодействует с аффиксацией и в процессе сжатия знака может быть рассмотрена как ее вырожденный случай, особенно в языках с развитой морфологией: "столовая комната" → "столовая" → "столовая-ø".

IV. Информационной и физической локализации. Фрагмент модели мира, включая роли всех участников события, определяется как информационный или физический по характеру взаимодействия индивидов²⁸. Информационные и физические тайгены и ёгены по-разному ведут себя в одинаковом окружении. Например: 听 *tīng* "слушать" → 听下去 *tīngxiàqù* "продолжать слушать" — информационный ёген; 跑 *pǎo* "бежать" → 跑下去 *pǎoxiàqù* "сбежать вниз" — физический ёген.

V. Постоянного и переменного признака. Постоянные тайгены обозначают множества однородных индивидов *i-const*, например: "мысль", "слесарь", пере-

²³ Симптом — информативен, сигнал — предикативен, знак — номинативен. О различии симптома, сигнала и знака см. также: Мартынов, В.В. Семиологические основы информатики. — Минск, 1974. — С.19.

²⁴ Более подробно о происхождении языка из междометий см.: Гордей, А.Н. Дисс... канд. филол. наук. — Минск, 1992. — С.34-40. По этому поводу см. также обширный фактический и библиографический материал в: Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? (свидетельство прасемитского запаса корней). — М., 1965. — 183 с.

²⁵ Бунак, В.В. Речь и интеллект, стадии их развития в антропогенезе // Ископаемые гоминоиды и происхождение человека. — М., 1966. — С.521.

²⁶ Цит. по: Бунак, В.В. Речь и интеллект... С.522.

²⁷ Якушин, Б.В. Гипотезы о происхождении языка... С.84.

²⁸ Более подробно об этом см.: Гордей, А.Н. Метасемантика языковых категорий... С.21.

менные — разнородных *i-var*, например: "она", "то"; постоянные ёгены обозначают множество свойств индивидов $p(i)$: "мысленный", "слесарный", переменные — функций $f(i)$: "мыслить", "слесарить". Некоторые синтаксические правила, например очередности определений, требуют дополнительного членения постоянных тайгенов и ёгенов на **собственные** и **нарицательные**, выделяющие индивид и его признак из ряда однородных "Минск", "минский", или, наоборот, включающие в него "город", "городской", а переменных тайгенов и свернутых из них постоянных ёгенов — на **личные** и **неличные**, обозначающие первое лицо (первых лиц) в роли наблюдателя (наблюдателей) и находящихся в его (их) ближайшем окружении вторых и дальнем окружении третьих лиц "я", "мой" ("мы", "наш"), "ты", "твой" ("вы", "ваш"), "он", "она", "оно", "его", "ее" ("они", "их") или, напротив, не обозначающие таковых "все", "всякий"²⁹.

VI. Качества и количества. Количественные постоянные информационные тайгены и ёгены удобно называть **числовыми**, количественные переменные информационные и физические тайгены — **счетными**³⁰. Качественные переменные тайгены и качественные постоянные свернутые ёгены дополнительно разделяются на **указательные** "это", "то", "этот", "тот" и **произвольные** "белый", "каменный", указывающие и, соответственно, не указывающие на индивид и его признак в ближайшем или дальнем окружении наблюдателя. Числовые и произвольные тайгены делятся на **вопросительные** "сколько", "кто" и **повествовательные** "один", "все"³¹, а произвольные ёгены — вначале на **относительные** "белый", "бумажный", обозначающие признаки, которые относятся к индивиду, и **притяжательные** "чей", "собачий", обозначающие признаки, которые принадлежат индивиду³², затем на вопросительные "который", "чей" и повествовательные "бумажный", "собачий".

²⁹ Ср. с личными местоимениями в греко-латинской классификации частей речи.

³⁰ Ср. с количественными и порядковыми числительными, а также со счетными словами в греко-латинской классификации.

³¹ Термины заимствованы из парадигмы предложений, которые как речевые произведения подразделяются по форме на повествовательные и вопросительные, по цели на утвердительные (содержащие утверждение) и побудительные, по оценке на положительные и отрицательные, по выразительности на эпические и восклицательные (см. Гордей, А.Н. Лингвистическая пропедевтика // Беларусь в современном мире. – Минск, 2005. – С.228).

³² Ср. с указательными, вопросительными и притяжательными местоимениями, а также качественными, относительными и притяжательными прилагательными в греко-латинской классификации. Обратим внимание, что традиционное противопоставление качественных и относительных прилагательных не выдерживает критики. Качественные прилагательные, как принято считать, являются прямыми названиями различных признаков предметов, а относительные — опосредованными. "Признак предмета в них указывает на разнообразные отношения: к предмету (ср.: *железная кровать* — *кровать из железа*...), к лицу (ср.: *мамино пальто* — *пальто мамы*...), к месту (ср.: *загородная поездка* — *поездка за город*...), ко времени (ср.: *утренние сообщения* — *сообщения, сделанные утром*...), к действию как свойству (ср.: *раздвижной стол* — *стол, который раздвигается*...), к числу (ср.: *шестой стол* — *шесть столов*...) и др." [13, с.127-128]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что качественные прилагательные также указывают на разнообразные отношения: сладкий, горький — к вкусу; белый, синий — к цвету; звонкий, тихий — к звуку; мягкий, гладкий — к покрытию; узкий, длинный — к форме;

VII. Одноместности и многоместности. Одноместные тайгены и ёгены называют один индивид или один признак индивида (*шкаф, коричневый, открыть*), а **многоместные** — множество индивидов или множество признаков индивидов (*мебель, пестрый, открывать*). Ср. с морфологической категорией числа: лексема "Афины" имеет форму множественного числа, а лексема "мебель" — единственного, но первая является одноместным тайгеном, вторая — многоместным; в лексеме "сады" семантические и морфологические категории совпадают.

VIII. Интенсивности и экстенсивности. Интенсивные тайгены и ёгены обозначают целое множество и его некоторую часть, представленную собственным подмножеством с числом индивидов больше либо равно одному: "лес", "мебель", "порошок", "иметь", а экстенсивные — целое множество и его некоторую часть, представленную группой подмножеств с числом индивидов больше либо равно одному: "деревья", "леса", "порошки", "стучать", т.е. интенсивные знаки обозначают многое как целое, а экстенсивные — многое как многое. Для ряда переменных ёгенов интенсивность равносильна **итеративности**.

IX. Положительной и отрицательной степени. Важным различительным признаком ёгенов является степень. Ёгены **первой степени** обозначают признак индивида "желтый", "сжимать", ёгены **второй** — признак признака "темный" → "темно-коричневый", "быстро" → "быстро бежать"³³, **третьей** — признак признака признака ("ультра" → "ультра темно-коричневый", "очень быстро бежать"). Вторая и третья степень у ёгенов бывает положительной или отрицательной. Ёгены **второй и третьей положительной степени** уточняют значения ёгенов первой степени "ультра темно-коричневый", "очень быстро бежать", а ёгены первой степени — значения ёгенов **второй и третьей отрицательной степени** "очень рад видеть", "очень любить бегать"³⁴. Знак третьей степени у ёгенов определяется синтагматически: если ёген третьей степени относится к ёгену второй положительной степени "очень быстро бежать", то он имеет положительный знак, если — к ёгену второй отрицательной "очень любить читать", то — отрицательный.

X. Результативности и нерезультативности. Постоянные ёгены всегда результативны. Переменный ёген **результативен**, если обозначает воздействие на ядро индивида³⁵ (глубинное воздействие), и **нерезультативен** — если обозначает воздействие на среду или оболочку индивида (поверхностное воздей-

мудрый, добрый — к характеру и т.д. Мало того, относительные прилагательные обозначают качественный признак предмета в противоположность количественному, и поэтому являются разновидностью качественных прилагательных.

³³ К постоянным и переменным ёгенам второй степени подходит название **оценочные**, поскольку их семантика поддается измерению: *темный, темнее, очень темный; быстро, быстрее, очень быстро*.

³⁴ Постоянные и переменные ёгены второй отрицательной степени удобно называть **модальными** по аналогии с модальными глаголами в греко-латинской классификации.

³⁵ О структуре *индивида* см.: Гордей, А.Н. Лингвистическая пропедевтика... С.226.

ствие³⁶). Таково, например, различие между китайскими ёгенами 见 jiàn "видеть" и 看 kàn "смотреть", т.е. можно *смотреть*, но не *получить результат (увидеть)*.

XI. Завершенности и незавершенности. Переменные ёгены, называющие завершенный или незавершенный процесс, квалифицируются как **завершенные "смотрел"** и, соответственно, **незавершенные "смотрю"**.

XII. Краткости и длительности. Переменные ёгены, обозначающие краткий процесс (*поднять*), являются **краткими**, обозначающие долгий процесс (*поднимать*), — **долгими**.

Перечисленные языковые семантические категории позволяют определить точное место знака в языковой парадигме, идентифицировать, дифференцировать и прогнозировать его комбинаторику, формулировать однозначные правила в синтаксисе и решать многие важные и трудные синтаксические задачи. Например, применительно к аналитическим аппликативным языкам, к числу которых относится китайский, вывести закон магистралей китайского синтаксиса, устанавливающий чередование тайгенов с ёгенами в роли главных членов предложения в основной позиции³⁷, и построить виртуальную цепь китайского синтаксиса в виде модели гипотетического китайского предложения, в котором были бы реализованы все члены предложения³⁸. В языках синтетических флективных, например, в русском, где морфология, дублируя синтаксис, создает дополнительный запас прочности комбинаторике, закон чередования тайгенов с ёгенами приобретает стилистический характер³⁹. Что же касается проблемы валентности в сочетаниях типа "*чтение книг*", "*ремонт автомашин*" и др., то нетрудно заметить в них обозначающие процессы переменные ёгены (*чтение, ремонт*), которым с в о й с т в е н н о управлять обозначающими предметами постоянными тайгенами (*книг, автомашин*).

Как видим, все различия на уровне синтаксиса объяснимы с точки зрения семантики и легко усваиваются в процессе изучения иностранного языка, если

³⁶ Глубинное воздействие изменяет индивида, поверхностное — лишь перемещает его.

³⁷ Действие закона хорошо прослеживается в так называемых *последовательно-связанных* структурах: 你请爸爸开车带我们去吧 *Nǐ qǐng bàba kāi chē dài wǒmen qù ba* "Ты попроси папу подвезти нас", где 你 *nǐ* (ты) — тайген в роли 1-го подлежащего, 请 *qǐng* (просить) — ёген в роли 1-го сказуемого, 爸爸 *bàba* (папа) — тайген в роли 1-го прямого дополнения, переходящего во 2-е подлежащее, 开 *kāi* (управлять) — ёген в роли 2-го сказуемого, 车 *chē* (машина) — тайген в роли 2-го прямого дополнения, переходящего в 3-е подлежащее, 带 *dài* (забирать) — ёген в роли 3-го сказуемого, 我们 *wǒmen* (нас) — тайген в роли 3-го прямого дополнения, переходящего в роль 4-го подлежащего, 去 *qù* (ехать) — ёген в роли 4-го сказуемого; синтаксическая формула: П₁[Т]+СК₁[Ё]+ПД₁>П₂[Т]+СК₂[Ё]+ПД₂>П₃[Т]+СК₃[Ё]+ПД₃>П₄[Т]+СК₄[Ё].

³⁸ См.: Гордей А.Н. Виртуальная цепь как синтаксический код предложения (на примере китайского языка) // Язык, общество и проблемы межкультурной коммуникации. — Гродно, 2007. — Ч.2. — С.349-358.

³⁹ Фраза "Завтра купить надо билеты мне на поезд срочно" вызовет у носителя русского языка улыбку, несмотря на отсутствие в ней синтаксических и морфологических ошибок. Она напоминает речь иностранца или магистра Йоду из кинофильма "Звездные войны", а не образованного русского человека, который не выразится так даже спонтанно и уж тем более не напишет.

усвоены универсальные семантические категории. "Соотношение формы и значения многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удалось избавиться от ее коррелята — значения. Чего только не делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки — оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает" [14, с.136].

Литература

1. Ленин, В.И. Полн. собр. сочинений: в 55-и т. / В.И. Ленин. М., 1956–1965.
2. Гордей, А.Н. Лингвистическая пропедевтика / А.Н. Гордей // Беларусь в современном мире: Материалы IV Респ. науч. конф. — Минск: РИВШ, 2005.
3. Гордей, А.Н. Основания комбинаторной семантики / А.Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. — Гродно, 2005.
4. Гордей, А.Н. Парадигма частей языка / А.Н. Гордей // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: материалы VIII Междунар. науч. конф. Гродно, 2003.
5. Гордей, А.Н. Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А.Н. Гордей. Минск, 2007 (*рукопись, аудиокурс*).
6. Мартынов, В.В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика / В.В. Мартынов. Минск, 1966.
7. Декарт, Р. Избранные произведения / Р.Декарт. М., 1950.
8. Конфуций. Луньшуй // Я верю в древность. М., 1995.
9. Гордей, А.Н. Преодоление дедуктивной теории языка (на материале китайской речи) / А.Н. Гордей. — Минск, 1997.
10. Гордей, А.Н. Дедуктивная теория языка / А.Н. Гордей. Минск, 1998.
11. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. Минск, 1998.
12. Исаченко, А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А.В. Исаченко // Slavia. — Praha, 1958. — Roč. XXVI. — Seš. 3. — С. 338.
13. Шанский, Н.М., Тихонов, А.Н. Современный русский язык Ч.П. / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. М., 1981.
14. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 1974.

Е.Е. Долбик (Минск, БГУ)

РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМНЫХ ЗАДАЧ КАК МЕТОД АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Современную школу нельзя представить без личностно-ориентированных технологий обучения. Особое место среди инновационных технологий занимает стратегия активного обучения, которая понимается как "основное направление деятельности учителя, реализуемое через совокупность способов, приемов, методов, позволяющих ему создать условия для активности ученика в учебном процессе" [1].

Эффективным приемом вовлечения школьников в процесс "добывания знаний" является создание проблемных ситуаций, постановка проблемных вопросов, участие в решении проблемных задач. Покажем возможности использования данного метода на уроках русского языка на примере нескольких грамматических тем.

При изучении темы "Типы сказуемых и способы их выражения" (8 класс 11-летней школы) после актуализации знаний, полученных в пропедевтическом курсе синтаксиса в 5 классе, уместно задать проблемный вопрос: почему сказуемое отвечает на разные вопросы? Чем вы объясните разнообразие вопросов к сказуемому? После наблюдения над грамотно подобранным языковым материалом учащиеся под руководством учителя делают вывод о том, что разнообразие вопросов к сказуемому объясняется разнообразием передаваемых в предложении значений. Сказуемое может обозначать действие предмета речи (*что делает предмет?*): *станок работает, музыкант репетирует*; признак предмета (*каков предмет? что такое предмет?*): *актер талантлив, она красавица*; состояние предмета (*что с ним происходит?*): *ребенок спит, сын болеет, дети испуганы криком*. Правильное определение значения сказуемого и постановка к нему корректного вопроса — важное учебно-языковое умение, оно необходимо для верного определения границ сказуемого и его принадлежности к определенному типу.

Проблемную ситуацию можно предложить школьникам при введении понятия о предикативных наречиях. Для этого воспользуемся нестандартным началом урока, предложенным в книге М. В. Федоровой "Уроки русского языка в 7 классе":

"Понаблюдав за учащимися, учитель задает им вопросы об их душевном и физическом состоянии, о состоянии природы; ответы в столбик записываются на доске.

Например:

- *Галя, у тебя такие сияющие глаза. Почему?*
- *Мне хорошо, мне радостно.*
- *Серезжа, почему ты улыбаешься?*
- *Мне весело, мне смешно.*
- *Маша, а почему ты не улыбаешься?*
- *Леночка, тебе хорошо, комфортно, уютно на уроке?*
- *Саша, почему ты ерзаешь! Тебе не видно запись на доске?*
- *Как сегодня на улице? Тепло?"* [2, с. 153]

Далее следует вопрос учителя: какими словами мы воспользовались для передачи состояния человека и природы? Учащиеся называют конкретные слова (*радостно, скучно, холодно, грустно, душно, жарко* и др.). К какой части речи относятся эти слова? Скорее всего, ученики ответят, что это наречия. И вот тут следует "провокационный" вопрос учителя: "Давайте вспомним определение, признаки наречия как части речи. Наречие — это часть речи, которая обозначает признак действия, предмета или другого признака, отвечает на вопросы *как? где? когда? почему? зачем?*, чаще всего относится к глаголу и выполняет функцию обстоятельства. Вернемся к нашим примерам. Ни одним из этих признаков анализируемые слова не обладают: они обозначают не признак действия, а состояние человека или природы; не зависят ни от каких слов в предложении, отвечают на вопрос *что происходит?* (в некоторых пособиях к предикативным наречиям рекомендуют ставить вопрос *каково? как?*: *Мне каково? как? холодно*; что является неоправданным ни с методических, ни с грамматических, ни с семантических позиций), являются сказуемым в безличном предложении. Внешне они похожи на наречия, но это особая группа слов, которую

мы будем называть предикативными наречиями. В процессе "коллективной мыследеятельности" ученики пытаются объяснить, почему эти слова так называются (от латинского *предикат* — сказуемое).

Проблемные вопросы предлагают учащимся учебники по русскому языку, авторы которых руководствовались принципом немецкого педагога А. Дистервега: "Плохое учение преподносит истину, хорошее учит ее находить". Например, в теме "Лексическое значение наречий" задание к одному из упражнений сформулировано следующим образом: *Известный русский языковед А. М. Пешковский писал, что наречия степени "больше любят" именно прилагательные, а не глаголы. Как вы думаете почему?* [3]. Учащимся необходимо вспомнить, что глаголы чаще всего обозначают действие, а имена прилагательные — признак. Наречия степени обозначают степень проявления признака, именно поэтому они, по меткому выражению Александра Матвеевича Пешковского, "больше любят" именно прилагательные, а не глаголы". При выполнении графического диктанта (расстановка знаков препинания между частями сложносочиненного предложения) предлагается подумать, как изменится пунктуационное оформление предложения *Мела пурга-метелица и леденила кровь*, если вместо глагола *леденить* употребить глагол *леденеть*. После анализа композиции и особенностей языка текста-рассуждения "Для чего нужно изучать фонетику?" ученики пробуют свои творческие силы в написании сочинения в научно-популярном стиле "Для чего нужно изучать синтаксис?".

Достаточно эффективны задания на трансформацию синтаксических конструкций. Например: замените двусоставные предложения синонимичными неопределенно-личными и обоснуйте, почему возможна такая замена.

Кто-то за березами играл на самодельной пастушеской свирели. Кто-то звонит.

Ключ к заданию. Типовое значение предложений — действие и неизвестный производитель этого действия. Неопределенность действующего лица в двусоставном предложении передается неопределенным местоимением *кто-то*, а в односоставном — формой множественного числа глагола-сказуемого. Ср.: *За березами играли на самодельной пастушеской свирели. Звонят.*

Прямо не называя действующее лицо, говорящий может в неопределенно-личном предложении сообщить какие-то сведения о производителе действия. Такие косвенные указания, "подсказки" отчетливо обнаруживаются в обстоятельствах, которые ограничивают, конкретизируют круг действующих лиц. Сравните: *В партере зашевелились, начали привставать* (неопределенно-личное предложение). — *Зрители, сидящие в партере, зашевелились, начали привставать* (двусоставное предложение). *В этот день в Пушкинской слободе не работали. — В этот день обитатели Пушкинской слободы не работали. Никогда раньше в этих местах не видывали саранчи. — Никогда раньше жители этих мест не видывали саранчи. Дома Шурыгина встретили форменным бунтом. — Домашние встретили Шурыгина форменным бунтом.* Лингвистический эксперимент наглядно показывает, что в высказываниях, построенных по модели двусоставных предложений, в равной степени важны и производитель действия, и само действие, а в высказываниях, представляющих собой односоставные неопределенно-личные предложения, внимание акцентируется только на действии.

После усвоения теоретических сведений о главном члене неопределенно-личного предложения (обозначает неопределенное лицо, в отличие от определенно-личных предложений, где главный член обозначает говорящего или собеседника; для передачи этого значения в русском языке приспособлена форма 3-го лица множественного числа глаголов настоящего и будущего времени и форма множественного числа глаголов прошедшего времени) учащиеся отвечают на проблемный вопрос: означает ли это, что действующее лицо в неопределенно-личных предложениях неизвестно говорящему?

Ключ к заданию. Действующее лицо может быть неизвестно говорящему (*Нас подслушивают; Тут в дверь стукнули; Где-то играли на гармошке*), а может не называться намеренно, с целью выдвинуть на первый план само действие (*Хитреца уличили в обмане; После обеда принесли письмо от Сони; Рябину рублили зорькою; Так в первую очередь с меня спросят; Кижеватова сняли с работы* — самым важным в сообщении является само действие, а не его производитель: факт уличения в обмане, доставка долгожданного письма, снятие с работы). Иногда производителем действия является сам говорящий (*Не ври, тебе говорят; сравните: Не ври, тебе говорю*; первый вариант звучит более категорично).

Подобные задания можно практиковать и при изучении других тем. Активизации мыслительной деятельности учащихся способствуют проблемные формулировки вопросов:

1. Одинаков ли тип сказуемого в предложениях? Дайте мотивированный ответ.

Иван Иванович — мастер цеха. — Он мастер списывать на экзамене. По дороге мне явилась чудесная мысль. — Эта мысль явилась результатом многочасовых размышлений. Утро было чудесное. — Было чудесное утро. Наши вечерние прогулки прекратились. — Когда вы прекратите разговаривать? Иди ужинай. — Иди ужинай.

2. Сравните предложения. Есть ли в данных сложноподчиненных предложениях указательные слова? Докажите свою точку зрения.

Чем ближе я познакомился с ним, тем больше он удивлял меня своим блестящим умом. — Весь день занимался тем, что готовился к экзамену. — Многие люди подобны колбасам: чем их начинают, с тем и ходят. — С тем, что вы сказали, я не согласен. — С тем мнением, которое было высказано, я не согласен.

Если говорить о синтаксисе, то это самый интересный раздел лингвистики. — То, что вы сказали, меня очень заинтересовало. — Так как время позднее, то поспешим домой.

3. Могут ли разные типы придаточных присоединяться к главной части одинаковыми союзами и союзными словами? И наоборот: могут ли одинаковые придаточные присоединяться к главной части разными союзами и союзными словами?

В заключение отметим особую значимость проблемной формулировки вопросов и заданий в работе с филологически одаренными детьми, в процессе подготовки к лингвистическим олимпиадам различного уровня.

Литература

1. Григальчик, Е. К. Обучаем иначе: Стратегия активного обучения в школе / Е.К. Григальчик. Минск, 2001. — С. 8.
2. Федорова, М. В. Уроки русского языка в 7 классе / М.В. Федорова. М., 2003. — С. 153.
3. Русский язык: культура устной и письменной речи: учеб. пособие для 8-го кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования / Л. А. Мурина [и др.]. — Минск, 2005; Русский язык: культура устной и письменной речи: учеб. пособие для 9-го кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования / Л. А. Мурина [и др.]. — Минск, 2005; Русский язык: культура устной и письменной речи: Учеб. пособие для 10-го кл. учреждений, обеспечивающих получение общ. сред. образования / Л. А. Мурина [и др.]. — Минск, 2006.

Ю.Э. Егоркина (Минск, БГУ)

БЕЛОРУССКИЕ ПРАЗДНИКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ КОМПЛЕКСА "БЕЛАРУСЬ")

Одной из отличительных черт современной жизни является повышенное внимание к иностранному языку на всех уровнях мировой образовательной системы. Помимо того, что иностранный язык — обязательный элемент профессиональной подготовки специалиста, он является фактором общекультурного развития личности. В процессе обучения студентам передается накопленный поколениями культурный опыт, который аккумулируется и передается с помощью языка. Таким образом, иностранный язык несет с собой иноязычную культуру, и обучение языку является также обучением иноязычной культуре. Именно поэтому в настоящее время актуальным является рассмотрение вопросов, связанных с лингвокультурологией и лингвострановедением в обучении второму языку.

Тема "Белорусские праздники в обучении РКИ" (на материале комплекса "Беларусь" [1]) еще не была исследована методистами и лингвистами в области языка, хотя она и занимает важное место в учебном процессе студентов-иностранцев в Беларуси, так как знания о белорусских праздниках — это составная часть этнокультурного содержания речевой коммуникации инофона.

Цель данной статьи — выявить роль лингвострановедческого текста, посвященного белорусским праздникам при обучении иностранных студентов, а также обозначить основные моменты методики проведения урока по теме "Белорусские праздники" на примере материала комплекса "Беларусь". Для исследования данной тематики были использованы такие общенаучные методы, как критическое изучение литературных источников, наблюдение, отбор материала, эксперимент (констатирующий).

В настоящее время существует большое количество литературы для ознакомления с белорусскими праздниками (энциклопедии, учебные пособия по культуре, электронные ресурсы и т.д.). Но эти материалы в большинстве случаев не всегда соответствуют требованиям культурного минимума, который необходим студенту-иностранцу для того, чтобы включиться в новые сферы коммуникативной и познавательной деятельности во время пребывания в Беларуси. Информация, содержащаяся в них, как правило, предназначена для человека, хорошо владеющего языком, или для инофона, который желает значительно расширить свой культурный минимум, но не для начального этапа в обучении иностранца. В связи с этим был создан лингвокультурологический комплекс

"Беларусь", который решает многие проблемы, связанные с преподаванием белорусской культуры на уроках по РКИ. Каждая тема в пособии прорабатывается с комплексным учетом трех критериев: языкового, ознакомительного и культурологического, а ориентация на белорусскую культуру через посредство русского языка определяет подачу материала в виде параллельных статей (на белорусском и русском языках) и решает проблему гармоничного сочетания между культурой страны пребывания (Беларусь), культурой изучаемого языка (русского) и национальной культурой учащегося.

Для данного пособия характерна комплексность в подаче материала (полиаспектность), поэтому необходимую информацию, относящуюся к теме "Праздники" и ее рассмотрению, можно найти в каждом из четырех разделов комплекса. Но основные данные, конечно же, сосредоточены в главе "Аутентичные тексты" ("Сегодня в нашем доме праздник...") и в "Лингвострановедческом словаре национальных реалий Беларуси".

В рубрике "Сегодня в нашем доме праздник..." помещена подборка текстов из публицистики, этнографической литературы и классических (прецедентных) текстов по традиционным народным праздникам: Рождество, Пасха, Радуница, Купалье, Дожинки, Деды. Такой подбор материала позволяет отразить как старинную (на примерах текстов классических и этнографических), так и современную (на примере публицистики) специфику праздничных обрядов. Правомерность обращения к такого рода текстам объясняется тем, что они воспринимаются учащимися с большим энтузиазмом. Аутентичные тексты разнообразны по стилю и тематике и поэтому работа над ними вызывает интерес у обучаемых. Они являются оптимальным средством обучения культуре страны изучаемого языка, а также иллюстрируют функционирование языка в форме, принятой его носителями в естественном социальном контексте. Эти тексты взяты из жизни носителей языка или составлены с учетом особенностей культуры и менталитета народа в соответствии с принятыми и используемыми речевыми нормами. Чтение аутентичных текстов способствует повышению коммуникативно-познавательной мотивации: формирует лингвострановедческую и межкультурную компетенцию; положительно воздействует на личностно-эмоциональное состояние учащихся.

Некоторые языковеды считают, что предпочтительнее учить языку на аутентичных материалах. С другой стороны, они указывают, что такие материалы порой слишком сложны в языковом аспекте и не всегда отвечают конкретным задачам и условиям обучения. В аутентичных текстах часто встречается специфическая лексика, которая представляет для изучающих иностранный язык особую трудность ("*кутья*", "*настольник*", "*сенцо*", "*ломанцы-пресноки*" и др.). Не менее важной при чтении аутентичных текстов является и лексика с национально-культурным компонентом, освоение которой во многом обеспечивает полноценное понимание читаемого ("*цветок папоротника*", "*обряд вождения Козы*", "*сжигание чучела Зимы*", "*Коза с хвостом из мочалы*" и др.). Именно поэтому в процессе обучения в иностранной аудитории необходимо выполнять три этапа в работе над аутентичными текстами для лучшего их усвоения: предтекстовой, текстовой и послетекстовой.

Например, возьмем праздник "Купалье" [1, с. 91].

На предтекстовом этапе в соответствии с принципом лингвострановедческого опережения снимаются смысловые и языковые трудности, дается новая фоновая информация к тексту либо активизируются уже имеющиеся у студентов фоновые знания. Именно поэтому здесь, на начальном этапе ознакомления с праздником "Купалье", обоснованно обращение к "Лингвострановедческому словарю национальных реалий Беларуси", в котором толкуются понятия ключевых единиц будущего текста (что за праздник "Купалье" – краткая справка, что такое "цветок папоротника"), равно как сообщаются и другие сведения, направленные на понимание текста. Перед тем, как начинать читать, необходимо ознакомить иностранных студентов также со специфической лексикой, которая может представить трудность в понимании читаемого ("*чары зыбко мреют*", "*брэдэць чалавек крадком*" и др.).

На текстовом этапе необходимо переходить к непосредственному прочтению проективного текста. Здесь возможно использовать такие задания, как ответы на вопросы; трансформация текста для лучшего его понимания; конспектирование; выделение смысловых вех, чтобы сделать для читающего прозрачным и очевидным переход от одной темы к другой.

На послетекстовом этапе студенты могут выразить свое отношение к прочитанному; найти дополнительную информацию по теме; использовать информацию текста в ролевой игре. Можно предложить студентам-иностранцам описать образы, с которыми они ассоциируют свою родину, или найти схожие моменты в проведении того или иного праздника у них в стране (принцип диалога культур). Это помогает усвоению новых лексических единиц изучаемого языка в соответствующем ассоциативном контексте.

При работе над текстом можно параллельно повторить и закрепить какую-либо грамматическую тему (например, функционирование имени прилагательного в тексте).

Культуроведческий материал с целью усиления эмоционального фактора в овладении языком должен быть представлен различными по модальности средствами обучения. Н.Л. Шибко [2, с.62-69] целесообразным считает использование в учебном процессе полиформатных средств обучения, которые исследуются ею с позиции дидактического принципа наглядности. Наглядность может быть зрительной, слуховой, зрительно-слуховой, мышечно-двигательной, вкусовой и осязательной. Все эти виды в той или иной степени могут использоваться на уроках по языку: средствами зрительно воспринимаемой вербальной наглядности и слуховой наглядности при рассмотрении темы "Белорусские праздники" являются отрывки из художественных произведений белорусских классиков (Я. Колас, Я. Купала, В. Короткевич), а также лингвострановедческие тексты; средствами зрительно воспринимаемой невербальной наглядности — фото, иллюстрации к тексту, репродукции картин, а также показ атрибутов, относящихся к какому-либо из праздников (например, сплетенный веночек — Купалье; чучело Зимы — Масленица); средствами же невербальной слуховой наглядности являются произведения музыкального искусства (песни, игра на музыкальных инструментах). Мышечно-двигательная наглядность реализуется посредством праздничных танцев, игр, а вкусовую наглядность возможно продемонстрировать с помощью ознакомления иностранцев с белорусскими блюдами (например, драники, крупник, кутья, мачанка и др.). В качестве зри-

тельно-слуховой наглядности возможна инсценировка какого-либо обряда, проводимого в праздник, или показ видео ряда по данной тематике (например, обряд вождения Козы на Коляды).

Подводя итоги, можно заметить, что чем ярче и разнообразнее будет представлена культура в целом в системе преподавания, тем больший эффект можно ожидать от обучения иностранцев, тем быстрее будет сформирована у них определенная эмоциональная привязка к изучаемому языку, что будет способствовать более осознанному закреплению в сознании студентов-инофонов большинства языковых реалий.

Литература

1. Беларусь: Лингвокультурологический комплекс: Пособие для иностр. студентов /сост.: Л.Н.Чумак [и др.]; под ред.проф. Л.Н. Чумак. Минск, 2008.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании РКИ / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.,1990.
3. Состояние и перспективы обучения иностранных граждан в высших учебных заведения РБ: материалы межвуз. научно-метод. семинара. Минск, 2006.

Е.А. Казанкова (Минск)

ФАКТОРЫ РЕДУКЦИИ КОММУНИКАЦИИ В ПОВЕСТВОВАНИИ ОТ 3-ГО ЛИЦА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Л. УЛИЦКОЙ И В. ПОТАПЕНКО)

В литературном произведении общение героев всегда отображается модифицированно по отношению к коммуникативному узусу и, в особеннос-ти — к конкретным ситуациям общения. В каждом роде художественной литературы, в каждом жанре и в каждой повествовательной форме указанная модификация осуществляется в разных направлениях. Конкретные условия, в которых происходит "сокращение" коммуникативной реальности в художественном отображении, представляют интерес как для семиотики искусства, так и для теории коммуникации. В данной статье показано, какие факторы обуславливают неполноту (редукцию) диалога в повестях современных авторов, написанных от 3-го лица¹.

1. Степень насыщенности произведения прямой речью. В структуре художественного текста коммуникация персонажей может занимать разное место как в количественном, так и в функционально-смысловом плане. В исследуемых повестях количество реплик действующих лиц в прямой речи, которые представлены в ткани повествования, не превышает 1/3 от общего количества текста. Коэффициент насыщенности текста репликами героев в рассматриваемых повестях практически одинаковый: ср.: в повести Л. Улицкой 0,24; в повести В. Потапенко 0,29. Несмотря на относительно небольшой удельный вес реплик в исследуемых произведениях, картина коммуникации, представленная в прямой речи героев, занимает важное место в архитектонике речевой структуры произведения и является семиотически важной.

2. Изолированные реплики как проявление редукции коммуникации

¹ Патапенка, В. Надзя, Надзейка... / В. Патапенка // Маладосць, № 8. – Мн., 2006. – С. 114—126.; Улицкая Л. Веселье похороны / Л. Улицкая // Бедные, злые, любимые : повести, рассказы / Л. Улицкая. – М., 2005. – С. 277—382.

в повествовании от 3-го лица. В современной прозе всё реже встречаются относительно законченные "сцены" общения; диалоги всё дальше отходят от "обмена репликами"; сюжетообразующие, повествовательные возможности прямой речи практически не используются. Основным назначением прямой речи становится как бы "документальное" (поэтому цитатное) свидетельство о персонаже, релевантное не для сюжета, а для характеристики персонажа. При этом диалог нередко представлен отдельной репликой, нужной автору в качестве яркой цитаты из речи героя, как ее репрезентативный образец или даже только как намек на речь, в котором, однако, нередко дается квинтэссенция речевого поведения героя в конкретном эпизоде, а иногда и суть его характера. В настоящем исследовании такие реплики считаются изолированными, например: *Когда она принесла чек, он страшно обрадовался: Нет слов. Просто нет слов. Сейчас уплатим ренту и купим наконец Нинке шубу* (Улиц., 321). Понятно, что слова Алика звучат в ответ на какую-то реплику Ирины. В составе таких изолированных (одиночных) реплик чаще всего встречаются инициальные реплики. В табличной записи ниже показана степень насыщенности рассматриваемых произведений изолированными репликами.

Таблица 1 – Количество изолированных и инициальных изолированных реплик в рассматриваемых произведениях

Количественные данные относительно удельного веса изолированных и инициальных изолированных реплик в произведении	Л. Улицкая	В. Потапенко
Количество изолированных реплик	56 (13,7%)	10 (11,5%)
Количество инициальных изолированных реплик	49 (11,9%)	10 (11,5%)
Общее количество реплик (=100%)	410	87

Как видно по табличным данным, в третьеличных повестях удельный вес изолированных реплик может быть разным. В повести Л. Улицкой, более широкой по эпическому размаху событий (чем повесть В. Потапенко), процент изолированных реплик выше. Легко видеть, что в двух повестях удельный вес инициальных изолированных реплик практически совпадает.

3. Способы передачи речи героев в исследуемых повестях. Факторы неполноты и деформированности коммуникации героев в художественной прозе во многом определяются способами передачи речи героев в пределах одного произведения.

В произведениях Л. Улицкой и В. Потапенко наблюдаются сходства в способах передачи речи героев. В названных повестях представлены следующие ситуации общения: 1) обобщенно-свернутая передача чужой речи при помощи глаголов речи (рус. *разговаривать, уговорить, беседовать, изъясняться, предложить*; бел. *расказваць, перабіваць, размаўляць, выказаць, паклікаць, патрабаваць, гаварыць* и др.), например: *Валентина отказала ему в ночных визитах* (Улиц. 335); 2) внутренняя речь, оформленная как прямая речь (что является признаком "авторского всезнания" в повествовании от 3-го лица): *"В России такого лет двадцать не будет, а может, никогда"*, – с огорчением думал он (Улиц., 301); 3) внутренняя речь, представленная в несобственно-прямой речи: *У галаве мітусліва, быццам бліскавіцы, забегалі думкі: зрабіць першы крок зараз ці пачакаць, пакуль Надзя здасць экзамены, атрымае атэстат... Але*

навошта чакаць, навошта страчваць тое, што даецца ім зараз, тым больш, што гэтаму кроку так спрыяе вечар (Пот., 118); 4) высказывания в косвенной речи: Он действительно позвонил вечером и сказал, что может привести замечательного раббая, израильского, читающего сейчас какой-то мудреный курс в Нью-Йоркском университете (Улиц., 300); 5) малозначимое для взаимоотношений героев ситуативно-ролевое общение: На першым педсавеце вінішавалі Васіля Пятровіча (Пот., 45); 6) замена высказывания персонажа авторской характеристикой ситуации общения: Настаўнікі пачалі ўжо разыходзіцца, калі да Віскоўскага падбег вяртаўнік Іван Карпечанка, нешта ўсхвалявана пачаў гаварыць яму на вуха (Пот., 125). Количественные данные относительно представленности указанных способов передачи речи героев в повести показаны ниже в таблице 2.

Таблица 2 — Количественные данные относительно способов передачи речи героев в рассматриваемых произведениях

Способы передачи речи героев	Л. Улицкая	В. Потапенко
Малозначимое для взаимоотношений героев ситуативно-ролевое общение	4	3
Обобщенно-свернутая передача чужой речи	56	33
Внутренняя речь, оформленная как прямая речь	47	4
Высказывания в косвенной речи	21	7
Внутренняя речь, представленная в несобственно-прямой речи	26	5
Замена высказывания персонажа авторской характеристикой ситуации общения	9	1

Преобладание определенного способа передачи чужой речи в конкретном произведении ведет к уменьшению количества энтропии в произведении (т.е. к увеличению количества информации). Таким образом, рассматриваемые художественные повести, написанные в Европе на рубеже веков, содержат большой объем информации, которая возникает благодаря указанным способам передачи чужой речи, что объясняет, почему количество прямой речи не превышает 1/3 от всего объема произведения и почему инициальные реплики часто представлены без ответа.

4. Причины неполноты диалогических единств в повествовании от 3-го лица. В рассматриваемых повестях инициальные реплики нередко не получают ответную реакцию. В табличной записи ниже показано, какие речевые акты (далее – РА) представлены без ответа в текстах Л. Улицкой, В. Потапенко.

Таблица 3 – Количественное соотношение инициальных реплик и реплик без ответа в повестях Л. Улицкой, В. Потапенко

Функциональные виды инициальных РА	Л. Улицкая		В. Потапенко	
	Общее кол-во РА	Кол-во РА без ответа	Общее кол-во РА	Кол-во РА без ответа
Информативы эгоцентрические	250	67	67	17
Информативы альтруистические	381	137	98	39
Побуждения к действию	164	70	32	8

Вопросы	110	19	22	2
Экспрессивы	222	124	25	2
Фатические РА	19	6	5	-
Метаязыковые РА	86	24	33	13
Эстетические РА	23	12	4	1
Итого	1255 (100%)	459 (36,6%)	286 (100%)	82 (28,7%)

Таблица показывает, что в рассмотренных повестях количество безответных РА составляет около 1/3 от общего количества РА в произведении. Видно также, что в повестях чаще ответа не находят информативы (без разделения их на эгоцентрические и альтруистические). Отсутствие ответов на такие РА часто понятно из развития сюжета, или в постеледующем авторском повествовании идет объяснение, почему реплика осталась без ответа, например: "Я, Андрэй Уладзіміравіч, забылася сшытак", – с трапяткой дзявочай няшчотай і ласкавацю сказала яна і сціхла. Маўчаў і Гаваркоў (Пот., 118). Надя произносит эту реплику в один из кульминационных моментов, когда влюбленные впервые остаются наедине и слова неуместны: во время возникшей паузы вместо ответа Андрей целует Надю. Для рассматриваемых произведений достаточно типично отсутствие ответных реакций на побудительные РА. В произведениях с повествованием от 3-го лица, где "всезнающий" повествователь не является участником наррации и дает панорамный обзор событий, изложение событий характеризуется объективностью. Поэтому в рассмотренных текстах удельный вес безответных побуждений может быть очень разным (в повести Л. Улицкой количество безответных побуждений больше, чем в повести В. Потапенко). Часто в нарративной ткани дается объяснение, почему вопросы не получают ответа. Вот показательный пример из повести Л. Улицкой: *И они задавали друг другу вопросы, не получая ответов, как в еврейском анекдоте, но понимали друг друга гораздо лучше, чем, в сущности, должны были бы* (Улиц., 314). Приведенному отрывку предшествует ряд вопросов как со стороны Алика, так и раввина, которые остаются без ответа. Анализ материала показал, что в повестях Л. Улицкой и В. Потапенко чаще вербальной реакции не получают общие вопросы, которые требуют предсказуемых ответных реакции "да" или "нет". В ряде случаев без ответа остаются РА, которые в основном выступают в качестве факультативной иллокуции высказывания (экспрессивы, фатические, метаязыковые и эстетические РА), поэтому в настоящем исследовании причины отсутствия ответов на эти РА не рассматриваются.

Таким образом, редукция коммуникации героев в рассматриваемых третьеличных повестях проявляется в низкой степени насыщенности повествования репликами действующих лиц; симптоматичностью проявления изолированных реплик; общими особенностями представления ситуаций общения в произведении; а также отсутствием ответных реакций на инициальные реплики-стимулы. В авторском повествовании нередко содержится объяснение, почему реплики-стимулы не получили ответа, или же ответная реакция становится понятной из контекста. Отсутствие ответов на инициальные РА не означает, что общение персонажей построено сплошь на коммуникативных неудачах и в

диалогах действующих лиц отсутствует связность, поскольку в исследуемых произведениях представлены всевозможные деформации коммуникации, происходящие в силу законов художественной прозы.

Литература

1. Патапенка, В. Надзя, Надзейка... / В. Патапенка // Маладосць, № 8. Мінск., 2006. – С. 114–126.
2. Улицкая, Л. Веселые похороны / Л. Улицкая // Бедные, злые, любимые : повести, рассказы / Л. Улицкая. М., 2005. – С. 277–382.

Н.С. Касюк (Минск, БГУ)

"КОГДА СТРОКУ ДИКТУЕТ ЧУВСТВО..." (опыт анализа стихотворения Б. Пастернака "Марбург")

Известно, что единицы поэтического языка обладают особой значимостью, особой взаимосвязью, представляя собой нерасторжимое единство. В силу этого осуществить анализ лирического стихотворения, строго придерживаясь какой-либо схемы, по уровням или "по пунктам", представляется затруднительным (тем более что на сегодняшний день нет одной стандартной схемы анализа поэтического текста). Авторами учебных пособий (А.Г. Лилеевой, Д.М. Магомедовой, В.А. Масловой, О.И. Ревуцким и др.) представлены возможные схемы и образцы анализа поэтических текстов. Все они призваны помочь уяснить учащемуся общие принципы работы над поэтическим текстом, пробудить творческую активность, предложить путь к дальнейшей самостоятельной разработке материалов, к самостоятельному поиску новых форм работы над лирическим стихотворением, т.е. направлены на воспитание учащегося как творческой языковой личности.

В данной работе приводится текстовый этап анализа стихотворения Б. Пастернака "Марбург" [3, с.71–73] в аудитории иностранных учащихся-филологов. В процессе подготовки материала мы опирались на принципы анализа поэтического текста, представленные в работах А.Г. Лилеевой, В.А. Масловой [1; 2].

Стихотворение "Марбург" входит в книгу стихов "Поверх барьеров". Оно написано в 1912 г., в 20–30-х гг. поэт радикально переработал его текст, в общей сложности "Марбург" имеет пять редакций.

Марбург — город в Германии, университетский центр, где Б. Пастернак провел летний семестр 1912 г. В то лето в Марбурге гостила девушка, в которую поэт был влюблен. Он признался ей в любви, сделал предложение и получил отказ. Этому событию посвящено стихотворение.

Марбург — это не только место, где разворачиваются события, описываемые в произведении, но свидетель душевной драмы лирического героя. Немецкий город на протяжении всего стихотворения представлен глазами героя, в его изображении присутствует субъективная оценка и эмоция автора. Марбург до объяснения и отказа и после — два разных города. Сам герой "до" и "после" — это два разных человека. Неудачная попытка сделать предложение изменила мировосприятие героя. Не случайно слово *отказ* графически выделено в пер-

вой строфе. Окружающая действительность воспринимается сквозь призму произошедшего. Марбург — это отправная точка в новую жизнь, жизнь без прежней любви, без философии. "Конец, конец! Конец философии, то есть какой бы то ни было мысли о ней. ...Придется считаться с тем, что всякая любовь есть переход в новую веру", — писал поэт в автобиографической повести "Ох-ранная грамота" [1, с. 82].

В стихотворении можно выделить две темы: описание психологического состояния героя, вызванное отказом возлюбленной на его предложение, и описание города. Обозначенные темы развиваются не параллельно, а тесно переплетаются, так что трудно отделить географическое пространство города и психологическое (замкнутое в субъекте) пространство.

Произведение Б. Пастернака "Марбург" посвящено разрыву с любимой: *Я сделал сейчас предложение, — / Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ* [3, с. 71]. Фабулы с мотивом 'он сделал ей предложение, она ему отказала' в стихотворении практически нет (фабула, как правило, принадлежность повествования, эпоса). Смысловая информация уплотнена, умолчание в приведенном контексте оказывает эффект, более сильный, чем прямое высказывание. Здесь рассказывается не о самом отказе, а о переживаниях, чувствах, мыслях, впечатлениях лирического героя, вызванных этим событием. По словам В.С. Баевского, Б. Пастернак создает "чистую лирику", где на первом плане представлены эмоционально окрашенные размышления, впечатления, внерациональные ощущения и устремления.

Образ лирического героя воссоздается цепью "собственных объективированных состояний или действительных объектов — одушевленных или неодушевленных, которые его окружают" (Р.О. Якобсон): *Каждая малость / Жила, не ставя меня ни во что, / В прощальном значении своем подымалась* [3, с. 71].

Центральной темой всего творчества Б. Пастернака является реальный мир предметов, явлений, чувств, окружающей действительности. Поэт не был сторонним наблюдателем этого мира, он мыслит мир и себя как единое целое. Поэтому в творчестве Б. Пастернака часто внутренние переживания даны через внешнюю картину мира, а пейзажно-предметный мир — через субъективное восприятие. Это два взаимообусловленных вида выражения авторского "я". Нанизывание в одном ряду разнородных предметов, явлений, абстрактных понятий дает эффект наращивания экспрессии.

Душевное состояние, физическое восприятие боли, психические расстройства отъединены от лирического субъекта: *И небо спекалось, упав на кусок / Кровоостанавливающей арники*. Сам герой скрыт за топографией, его активность ускользает от нашего восприятия: *Плитняк раскалялся, и улицы лоб / Был смугл, и на небо глядел исподлобья / Бульжник, и ветер, как лодочник, греб / По липам. <...> Плыла черепица, и полдень смотрел, / Не смаргивая, на кровли. <...> Желтел, облака пожирая песок. / Предгрозье играло бровями кустарника* [3, с. 72]. Артефакты (*плитняк, бульжник, улица*) и натурфакты (*кустарник, небо, песок*) передают внутреннее напряжение лирического героя, "героя с метонимическими контурами, разбитого на куски синекдохами..." (Р.О. Якобсон).

Образ города слишком напоминает его переживания. Урбанистический пейзаж — это продолжение человеческих чувств.

Произошедшее изменило героя настолько, что он "мог быть сочтен вторично родившимся", ему нужно учиться жить по-новому, заново ходить. Этот мотив эксплицирован лексикой с семантикой ходьбы: *Я вышел на площадь, я мог быть сочтен / Вторично родившимся; "Шагни, и еще раз", — твердил мне инстинкт, / И вел меня мудро, как старый схоластик; "Научись шагом, а после хоть бег"; — / Твердил он, и новое солнце с зенита / Смотрело, как сызнава учат ходьбе / Туземца планеты на новой планиде* [3, с. 71].

Размеренная жизнь города и его обитателей, статичный пейзаж противопоставлены стихии, бушующей в душе героя: *Копались цыплята в кустах георгин, / Сверчки и стрекозы, как часики, тикали. // Плыла черепица, и полдень смотрел, / Не смаргивая, на кровли. А в Марбурге / Кто, громко свища, мастерил самострел, / Кто молча готовился к Троицкой ярмарке* [3, с. 71–72]. Причем деления природы на живую и неживую нет, пейзаж существует на равных правах с человеком: *...ночи играть садятся в шахматы / Со мной на лунном паркетном полу <...> И ночь побеждает, фигуры сторонятся, / Я белое утро в лицо узнаю* [3, с. 72].

Возлюбленная героя представлена как высокий недостижимый идеал. Ее образ воссоздается контрастной лексикой, словами из очень далеких тематических рядов: *Когда я упал пред тобой, охватив / Туман этот, лед этот, эту поверхность / (Как ты хороша!) — этот вихрь духоты...; В тот день всю тебя от гребенок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я с собою и знал назубок, / Шатался по городу и репетировал* [3, с. 72].

Драматизм ситуации усиливает лексика, эксплицирующая тематическое поле "ночь" (*ночь, месяц, лунатик, лунный, бессонница*). Герой боится ночи, полной тоски, боится остаться наедине со своими мыслями; отвергнутый, он бродит по дому подобно лунатику. Однако стихотворение заканчивается фразой *я белое утро в лицо узнаю*, где ключевыми являются слова *белое утро*. *Утро* ассоциируется с переменами к лучшему, светлыми надеждами (ср.: *Утро вечера мудренее*), причем эти ассоциации усилены прилагательным *белое*.

Доминантными частями речи в стихотворении являются имена существительные (110 словоупотреблений) и глаголы и глагольные формы (80 словоупотреблений). Обилие глаголов в форме прошедшего времени (*вздрагивал, загорался, гас, трясся, сдрейфил, вышел*, и др.) указывает на необратимость произошедшего. Пассивность и покорность героя передана глаголами несовершенного вида: *избегал, загорался, вырывался* и др. Значительная часть глаголов выражает отрицание (нежелание героя принять ситуацию и полная его отстраненность): *Я не замечал их приветствий. / Я знать ничего не хотел из богатств. / Я вон вырывался, чтоб не разревется* [3, с. 71].

События представлены от первого лица, что создает иллюзию восприятия живого голоса героя во всем его своеобразии. Высокочастотным в рассматриваемом стихотворении является местоимение *я* (27 словоупотреблений); обширную тематическую группу составляет лексика, связанная с описанием состояния героя (*мне — отказ, не ставя меня ни во что, твердил мне, вел меня и*

др.). Внимание привлекает фраза *я святого блаженной*, где для усиления эффекта использовано тавтологическое сочетание. Таким образом автор концентрирует внимание на лирическом герое, окружающий мир для которого сужается до его личной трагедии.

В целом, синтаксис данного поэтического текста не выходит за рамки литературного языка. Особую экспрессию можно отметить в первой и двенадцатой строфах. Стремление передать настроение, подлинность атмосферы, состояния обусловило ритмико-синтаксическую организацию этих фрагментов. Так, напряжение, тревога моментов, когда лирический герой говорит о своей трагедии, переданы короткими, рублеными фразами (нераспространенные и неполные предложения), экспрессивным интонационным оформлением: *Я вздрагивал. Я загорался и гас. / Я трясся. <...> О чем ты? Опомнись! Пропало. Отвергнут* [3, с. 71–72]. Слова — прерывистые, взбудораженные (Н.В. Банников) — вырываются сами по себе. Порывистость, динамичность, стихийный лирический напор характеризуют творчество раннего Б. Пастернака.

Эмоциональная напряженность передана и на фонетическом уровне: это доминирование звуков *з*, *с* и *р* в первой строфе (*Я вздрагивал. Я загорался и гас. / Я трясся. Я сделал сейчас предложение, / Но поздно, я сдрейфил, и вот мне — отказ. / Как жаль ее слез! Я святого блаженной*) [3, с. 71], а также повторяющийся звук *а* (двенадцатая строфа), напоминающий человеческий стон: [*А*] *чем ты? [А]помнись! Пр[а]нал[а]. [А]твергнут*.

Поэтический идиолект Б. Пастернака отмечен рядом специфических черт, в числе которых философичность как особенность мировосприятия, сложность творческого метода, в котором синтезировались черты разных эстетических направлений его времени (ассоциативность, динамичность, экспрессивность, метафоричность, повышенная образность). В результате тексты Б. Пастернака воспринимаются не как одномерные, плоские, а как объемные, сверхнасыщенные смыслами. Поэтому его поэзию принято считать интеллектуальной и, как следствие, сложной и не всегда понятной даже для носителей языка, а тем более для иностранных читателей, которые на пути постижения иноязычного художественного текста встречаются значительные трудности лингвистического и внелингвистического характера.

В многообразии художественных средств и стремительно набегаящих друг на друга образов читатель порой даже путается. Однако в стремлении захватить врасплох каждое явление, описать его "со многих концов разом" [4, 5, с. 27] и состоит отличительная, определяющая черта его идиолекта. Ю.Н. Тынянов по этому поводу написал: "Он [Пастернак] был бы не понятен, если бы этот хаос не озарялся бы единством и ясностью голоса. Так его стихи, порой иероглифические, доходят до онтологической простоты" [4, с. 479].

Литература

1. Лилеева, А.Г. Интерпретация художественного текста. Из поэзии и прозы Б.Л. Пастернака: учеб. пособие для иностранных учащихся. Продвинутый этап / А.Г. Лилеева. М., 1997.
2. Маслова, В.А. Русская поэзия XX века. Лингво-культурологический взгляд / В.А. Маслова. М., 2006.
3. Пастернак, Б.Л. Избранное / Б.Л. Пастернак. Ростов н/Дону, 1996.

4. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. М., 1977.
5. Тынянов, Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. М., 1966.

Т.В. Коваленок, Т.С. Сазонова (Минск, БГУ)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В настоящее время глобальной целью обучения иностранным языкам является формирование социально-культурной компетенции обучаемых, приобщение их к реальным культурно-историческим ценностям страны изучаемого языка в контексте диалога культур. Эта цель может быть достигнута путем формирования умений и навыков, обеспечивающих способность обучаемых к межкультурной компетенции.

Поэтому сегодня отличительной особенностью урока иностранного языка является преподавание, основанное на использовании заданий коммуникативного характера, обучение иноязычной коммуникации с привлечением необходимых для этого приемов и методов, т.е. формирование коммуникативной компетенции обучаемых.

Формирование коммуникативной компетенции означает подготовку студентов к контакту с носителями языка. Развитие коммуникативной методики определило новые позиции и подходы относительно урока иностранного языка и роли обучаемого. Обучаемый воспринимается как личность, имеющая свою точку зрения, свои интересы, которые обуславливаются множеством социальных и индивидуальных факторов.

При коммуникативно-деятельностном подходе к обучению иностранным языкам на первое место выдвигается проблема соотношения коммуникативных отношений и содержания обучения, роли и характера планирования учебного процесса, стремления преподавателя к социально-интегрированному стилю преподавания, использования мультимедийных и интерактивных форм обучения.

Коммуникативная компетенция предполагает установление речевого контакта с партнером на основе правил общения, принятых в данном обществе. Формирование профессиональной коммуникативной компетенции тесно связано с моделированием коммуникативной деятельности в учебном процессе и решением ряда лингвистических и практических задач. Так как язык и культура находятся в тесной взаимосвязи, языку нельзя обучать без преподавания основ культуры страны изучаемого языка.

Существуют различные методы и технологии обучения языку и культуре. Наиболее эффективными являются такие интерактивные формы обучения, как деловые игры, ситуационные задачи, пресс-конференции, диспуты, круглые столы, подготовка и презентация проектов.

Одной из нетрадиционных технологий, широко применяемых при обучении иностранным языкам, является проектное обучение.

Метод проектов приобретает в последнее время все больше сторонников. Он направлен на то, что бы развить активное самостоятельное мышление, и научить не просто запоминать и воспроизводить знания, а также уметь применять их на практике.

Необходимо отметить некоторые особенности и характерные черты данного метода:

- теоретическая, практическая, познавательная значимость предполагаемых результатов;
- самостоятельная деятельность участников проекта (индивидуальная, парная, групповая);
- структурирование содержательной части проекта с указанием поэтапных результатов;
- использование исследовательских методов, предусматривающих определенную последовательность в работе над проектом.

Обучение с использованием проектных технологий отличается кооперативным характером выполнения заданий, является по своей сути креативной и ориентированной на личность учащегося. Это предполагает высокий уровень индивидуальной и коллективной ответственности за выполнение каждого задания по разработке проекта. Более того, совместная работа студентов над проектом неотделима от их активного коммуникативного взаимодействия. Проектная методика также является одной из форм организации исследовательской познавательной деятельности, в которой обучаемые занимают активную позицию.

Использование проектных технологий позволяет преподавателю решать задачи, связанные с формированием различных компетенций.

Работа над проектом в студенческой учебной группе способствует формированию *социокультурной компетенции*, т.е. степени знакомства с социально-культурным контекстом функционирования языка, готовности представить свою страну и культуру с учетом возможной межкультурной интерференции, готовности конструктивно отстаивать собственные позиции, признавая право разных культурных моделей на сосуществование.

Использование проектных технологий является приоритетным при формировании *информационной компетенции*, которая предполагает готовность работать с современными источниками информации, находить нужную информацию, обрабатывать ее и использовать в соответствии с поставленными задачами.

Проектное обучение является эффективным при формировании *социально-психологической компетенции*, т.е. психологической готовности принимать решения самостоятельно. Зачастую именно психологическая неготовность обучаемого реагировать на проблему, его неумение определить суть этой проблемы, его пассивная позиция ведут к отрицательным результатам.

В ходе работы над проектом, т.е. в процессе поиска решения данной проблемы, у обучаемых формируются рефлексивные умения, способность к самоорганизации, умение делать выбор и принимать решения, вырабатываются необходимые алгоритмы.

Итогом работы над проектом является подготовка презентации. Обучение лично-значимому, мотивированному речевому высказыванию является важным условием формирования речевой деятельности говорения, т.е. развитию *коммуникативной компетенции*. Студенты, участвующие в подготовке и презентации проектов, получают подтверждение того, что изучаемый иностранный язык можно использовать на практике для решения конкретных задач реального общения.

Работа над проектом осуществляется по определенной схеме. Основными этапами являются: подготовительная работа, выполнение проекта, презентация, подведение итогов.

(I) Подготовка к проекту. Этот этап включает:

(1) *Выбор темы.* Проект должен отражать интерес к теме и заинтересованность в конечном результате. Преподаватель должен помочь студентам определить темы проектов в начале курса или в начале работы над темой. Проект может быть сфокусирован на целях одного учебного блока или охватывать несколько блоков, а также может представлять собой завершающий этап работы над проблемой.

(2) *Организация участников проекта.* Студенты сами выбирают форму проекта — индивидуальный проект (монопроект), парный или групповой.

(II) Выполнение проекта.

Студенты составляют план работы над проектом. В плане указываются основные этапы работы, ответственные за их выполнение, определяется количество времени, необходимое для выполнения работы над каждым этапом. Затем участники приступают непосредственно к работе над проектом. Работа над проектом включает подбор материала, исследование, выбор ключевых проблем изложения. Способы сбора информации могут быть следующие: поисковые (сбор информации с использованием библиотечных фондов), текстовые (работа с текстами, видео и аудиоматериалами), по переписке (письма, электронная почта), посредством личных контактов (личные встречи, интервью). На этом этапе также обсуждаются способы оформления (брошюра, видеофильм, стенгазета) и формы презентации проекта. Этап подготовки — это самая трудоёмкая часть работы над проектом, которая осуществляется студентами самостоятельно. Преподаватель выступает в роли консультанта.

(III) Презентация проекта.

На этом этапе студенты представляют собранный, отработанный и оформленный материал аудитории. Презентация обычно проходит в виде ролевой игры, дискуссии, в которых могут принимать участие не только создатели проекта, но и вся группа и преподаватель.

(IV) Подведение итогов.

При подведении итогов проектной деятельности критериями оценки являются как содержание проекта, так и владение речевыми навыками, необходимыми для его презентации. Мы считаем, что целесообразно предоставить студентам право самооценки и оценки проектов своих товарищей. Оценку и самооценку проектов можно провести посредством ролевой игры, интервью. Оценка может быть дана преподавателем и студентами. Преподаватель оценивает рече-

вые умения и навыки, студенты — свою работу в процессе подготовки проекта, работу в команде, определяют сильные и слабые стороны. Оценку проекта также можно провести посредством дискуссии в небольших группах, предлагая студентам ответить на вопросы: "Что удалось в проекте? Что нужно совершенствовать?" "Что бы вы изменили в своём проекте, если бы выбрали его ещё раз?" Анкеты, вопросники, небольшие эссе могут помочь студентам в оценивании их работы. Данные виды оценки нацелены на критический анализ. Таким образом, в критерии оценки мы включаем следующие положения:

- знание темы,
- чёткость, ясность, полнота изложения,
- владение иностранным языком,
- использование интерактивных методов,
- взаимосвязь с аудиторией,
- доказательства подготовительной работы.

Таким образом, мы считаем, что использование проектной деятельности при обучении иностранным языкам способствует повышению мотивации обучающихся, активизирует их речемыслительную деятельность, позволяет свободно ориентироваться в информационном пространстве, использовать полученные знания на практике, что является непременным условием формирования коммуникативной компетенции студентов.

Ле Тхи Тхом (Вьетнам)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАЗРЯДЫ ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В РАССКАЗЕ М. ГОРЬКОГО "СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ"

Глагол — очень богатая в лексическом и очень сложная в грамматическом отношении часть речи. "Морфологический механизм категории вида сложнее и разнообразнее, чем другие категории глагола. Теория видов русского глагола — один из наиболее трудных спорных и неразработанных отделов русской грамматики" [1, с. 477]. Поэтому проблеме анализа уделялось значительное внимание. Этой проблеме посвященной работы Е.Н. Ремчуковой, К.Ю. Александрова, А.А. Караванова, В.В. Виноградова и др. Этим определяется актуальность работы.

Ядро аспектуальной системы русского языка составляет категория вида. Она признается грамматической категорией на основании реализации признака обязательности, то есть характеризуется пониженной осознаваемостью говорящим правил выбора видовых форм, за исключением отдельных синтаксических конструкций, где возможна реализация субъективного фактора. Грамматическая категория вида делит все глагольные лексемы на два класса: глаголы несовершенного вида и глаголы совершенного вида.

В зависимости от характеристики отношения к субъекту и объекту глагольного действия все глаголы можно разделить на восемь основных разрядов: глаголы длительного, непреобразующего воздействия: *держат, иметь, дать, ласкать* и т. п. Глаголы перемещения: *брать, толкать, переставлять,*

двигать и т. п. Глаголы преобразующего воздействия: *косить, созидать, уничтожать, рисовать* и т. п. Глаголы отношения. К этому разряду принадлежат глаголы, обозначающие отношение к объекту в широком смысле этого слова, ср.: *любить, окончить, продолжать, начать* и т. п. Сюда же относятся и глаголы с так называемым фиктивным объектом: *говорить, думать, сказать, предположить* и т. п. Глаголы деятельности: *торговать, учительствовать, столярничать*, и т.п. Глаголы длительного, неизменяющегося состояния: *спать, лежать, сидеть, стоять, быть* и т. п. Глаголы движения: *бежать, идти, шагать, лететь*, и т.п. Глаголы изменяющегося состояния: *сохнуть, синеть, лысеть, расцветать* и т. п.

Во всех восьми разрядах можно выделять и более мелкие группы глаголов по значению, но также такое деление возможно на ином логическом основании.

В рассказе М. Горького "Старуха Изергиль" функционирует 380 глаголов несовершенного и совершенного видов. В рассказе встречены глаголы, принадлежащие следующим лексико-грамматическим группам:

1. Глаголы движения: *идти, уйти, пойти, пройти, взойти, прийти, прозойти, разойтись, ходить, уходить, приходиться, бежать, убежать, бегать, подняться, вскочить, сдвигаться* и т. п. (всего 19 глаголов несовершенного вида (нсв) и 34 глагола совершенного вида (св)).

2. Глаголы высказывания речи: *просить, спросить, попросить, говорить, заговорить, ответить, сказать, подсказать, рассказать, объяснять, уговаривать, болтать* и т. п. (всего 12 глаголов нсв и 9 глаголов св).

3. Глаголы мышления: *придумать, думать, выдумать, задуматься, вспыхивать, втискивать, судить, догадаться, умолять* и т.п. (всего 9 глаголов нсв и 10 глаголов св).

4. Глаголы, означающие эмоциональные отношения: *смеяться, засмеяться, бояться, рассердиться, удовлетворить, любить, целоваться, целовать, плакать, благодарить* и т. п. (всего 16 глаголов нсв и 10 глаголов св).

5. Глаголы звучания: *звучать, шептаться, раздаться, кричать, крикнуть, реветь, кашлять, шуметь, гудеть, скрипеть, греметь звякать* и т. п. (всего 12 глаголов нсв и 4 глагола св).

6. Глаголы со значением восприятия органами чувств: *слышать, слышаться, услышать, слышать, послушать, глядеть, смотреть, посмотреть, осматривать, видеть, увидеть, видать, увидать, заметить, наблюдать* и т. п. (всего 11 глаголов нсв и 6 глаголов св).

7. Глаголы со значением физических состояний: *умирать, умереть, гибнуть, погибнуть, вздохнуть, вздыхать, спать, дремать, проснуться, расти* и т. п. (всего 8 глаголов нсв и 9 глаголов св).

8. Глаголы со значением умения и способности: *работать, петь, запеть, пропеть, делать, играть, уметь, привыкли — привыкнуть* и т. п. (всего 5 глаголов нсв и 5 глаголов св).

9. Глаголы со значением интеллектуального состояния: *знать, узнать, управлять* (всего 2 глагола нсв и 1 глагол св).

10. Модальные глаголы: *хотеть, захотеться, захотеть, хотеться, стараться* (3 глагола нсв и 2 глагола св).

11. Глаголы со значением бытия и существования: *есть, жить, бывать, остаться, дожиться* (3 глагола нсв и 2 глагола св).

12. Глаголы означающие различные отношения между кем-, чем-либо: *стать, значить, являться, явиться, делать* (3 глагола нсв и 2 глагола св).

13. Глаголы со значением обладания и принадлежности: *имеет, владеть* (2 глагола нсв).

14. Глаголы со значением положения в пространстве: *стоять, сидеть, лежать, лечь, находить* (4 глагола нсв и 1 глагол св).

15. Глаголы со значением испускать (свет): *сиять, пылать, сверкать, засверкать, светиться, блестеть, осветить, освещать* (6 глаголов нсв и 2 глагола св).

16. Фазовые глаголы: *начать, кончить, продолжать, случиться, позволить, стать* (1 глагол нсв и 4 глагола св).

17. Глаголы, означающие конкретного действия: *раздевать, одевать, согнуть, упасть, покрыться, высушить, расплыть, укрыться, тратить, рисовать, своротить, раздевать, заступать, обнажить, сохранить; наказывать, поклониться, бросить, похищать* и т. п. (всего 29 глаголов нсв и 44 глаголов св).

18. Глаголы, означающие манеры поведения: *хвалиться, драться, грозить, ухаживать, разоряться, губить, отшатнуться* (всего 6 глаголов нсв и 1 глагол св).

19. Глаголы со значением душевного состояния: *таять, перерождаться, обнять, оттолкнуть, оковать, раздражать, впасть* (всего 2 глагола нсв и 5 глаголов св).

20. Глаголы со значением получения: *получить, брать, взять, доставать, достать, добиваться* (всего 3 глагола нсв и 3 глагола св).

21. Глаголы, означающие рода деятельности и занятий: *искать, найти* (Всего 1 глагол нсв и 1 глагол св).

Во вьетнамском языке нет категории вида глагола. Законченность, незаконченность действия, действие в процессе или действие в будущем, и прошедшем времени выражены с помощью вспомогательных глаголов.

Действие настоящего времени во вьетнамском языке выразится: подлежащее + глагол в инфинитиве, например: *Anh ấy đọc sách*. Это предложение буквально переводится на русский язык так: *Он читает*.

Действие прошедшего времени: подлежащее + вспомогательный глагол *был* + глагол в инфинитиве, например: *Anh ấy đã đọc sách*. Это предложение буквально переводится на русский язык так: *Он был читать*.

Действие будущего времени: Подлежащее + вспомогательный глагол *будет* + глагол в инфинитиве, например: *Anh ấy sẽ đọc sách*. Это предложение буквально переводится на русский язык так: *Он будет читать*.

Во вьетнамском языке вспомогательные глаголы в сочетании с глаголами для обозначения действия в прошедшем и в будущем времени не одинаковые. Это два совершенно разных слова. Но они переведены на русский язык аналогичным глаголом *быть*.

Мы проанализировали 21 лексико-семантическую группу глаголов в рассказе М. Горького "Старуха Изергиль" и выявили, что в отличие от русского языка во вьетнамском языке нет категории вида глагола. Важность такой работы заключается в возможности применения полученных результатов теоретического исследования в рамках спецкурсов и спецсеминаров по функциональной грамматике, сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, а также в практике преподавания русского языка вьетнамским учащимся и вьетнамского языка русским учащимся.

Литература

1. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике (Избранные труды) / В.В. Виноградов. М., 2001.
2. Горький, М. Старуха Изергиль / М. Горький. М., 2000.

А.А. Матюнова (Минск, БГУ)

ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Принцип историзма (диахронический принцип), применяемый в методике, позволяет привлечь на занятия РКИ данные древнерусского языка с целью осмыслить сущность того или иного явления современного русского языка. О важности реализации данного принципа на занятиях РКИ при изучении любого языкового уровня пишут многие преподаватели [1]. Диахронический комментарий позволит иностранному учащемуся быстрее усвоить то или иное правило, адекватно воспринять многочисленные исключения. Может возникнуть вопрос о необходимости такого комментария иностранцу. Ведь иногда преподавателю на занятиях не хватает времени на изучение того, что запланировано по программе. Кроме того, иностранцы, как правило, менее чутко относятся и к исторической грамматике русского языка, и к истории русского литературного языка. Это можно объяснить сложностью означенных предметов и их чужеродностью для иностранных студентов. Тем не менее, нам кажется, что исторический комментарий уместен всегда. Преподавателю стоит только подумать о его месте на занятии и количестве времени, уделяемом ему в учебном процессе. На наш взгляд, иностранные студенты-филологи должны в полной мере получать исторический комментарий ко всем явлениям современного русского языка, объяснимым с точки зрения диахронии. Это расширит их лингвистический кругозор, что в свою очередь отразится на процессе формирования грамотного и всесторонне развитого специалиста, свободно пользующегося драгоценной языковой материей. По сути, это позволит сформировать его лингвистическое чутье. Студентам-иностранцам нефилологических специальностей подобные комментарии, на наш взгляд, также следует получать, но в меньшем объеме. Данной группе иностранных студентов объяснение языковых фактов с точки зрения диахронии необходимы, по нашему мнению, при усвоении парадигмы некоторых русских глаголов в настоящем и будущем времени, при образовании некоторых форм сравнительной степени и т.д. Методическая форма предъявления данной информации иностранным студентам-нефилологам должна носить факультативный характер.

Рассмотрим некоторые примеры реализации принципа историзма в практике преподавания РКИ.

1. Исторический комментарий на уровне фонетики.

Привлекая диахронический принцип на занятиях по фонетике можно объяснить различные фонетические чередования. Например, *друг* – *дружеский* (смягчение заднеязычного [г]), *любить* – *люблю* (появление л-эпентетика при смягчении губно-губных), *чистый* – *чище* (история сочетаний [стʲ]), *пень* – *пня* (история редуцированных), *печь* – *пеку*, *беречь* – *берегу* (происхождение [ч] в инфинитивах восходит к смягчению заднеязычных), *город* – *град* (например, в названии Калининград), *ворота* – *врата*, *Владимир* – *Володя* (старославянские и древнерусские корни с плавными [р], [л]). В последнем примере не лишним будет и сопутствующий комментарий о функционировании старославянских и древнерусских лексических вариантов с точки зрения стилистической соотнесенности. Подобных примеров можно приводить много.

2. Исторический комментарий на уровне лексики.

В данном случае речь пойдет о комментировании как отдельных лексических единиц, так и фразеологизмов, включая фразеологические сращения, фразеологические единицы, фразеологические единства и фразеологические выражения, к которым относятся также пословицы и поговорки. Диахронические комментарии в лексике могут быть следующими:

1. Комментарии с привлечением фоновых знаний о мировой культуре, религии, философии и т.д. Такие комментарии уместны при объяснении значения следующих фразеологизмов: *авгиевы конюшни*; *вавилонское столпотворение*, *троянский конь*; *нить Ариадны*, *перейти Рубикон*; *наполеоновские планы* и т.д.

2. Исторический комментарий с привлечением знаний о русской истории, обычаях, традициях, а также знание древнерусского и старославянского языков. Такой комментарий уместен при объяснении происхождения следующих слов и выражений: *сорок*; *сегодня*; *точить ляды*; *вече*; *прописать ижицу*; *иду на вы*; *куда Макар телят не гонял*; *аз, буки, веди страшат, как медведи*; *аз да буки избавляют от муки* и т.д.

3. Комментарий к исторически однокоренным словам, отличающимся происхождением корней, т.е. одно слово является старославянским, а другое — древнерусским. Вследствие разного происхождения корней за словами закрепились либо разные лексические значения, либо разная стилистическая принадлежность. Например, *горожанин* ('житель города') — *гражданин* ('человек, живущий в определенном государстве и пользующийся его защитой'), *сторона* ('направление') — *страна* ('местность, территория'), *град* ('город', употребляется в книжном стиле, а также в качестве компонента сложных названий городов: *Ленинград*, *Калининград* и т.д.) — *город* ('город', общеупотребительное слово), *власы* ('волосы', употребляется в книжном стиле — *волосы* ('волосы', общеупотребительное слово). К этому же типу комментирования относятся пояснения к исторически однокоренным словам, которые в современном русском языке таковыми не являются. Такой комментарий позволяет объяснить происхождение слов и некоторые чередования. Например, *огород*, *городить*, *ограждение*, *город*, *горожанин*, *гражданин*; *украшение*, *красивый*, *красный* и т.д.

4. Комментарии с привлечением знаний современной ситуации в мире, объяснение, так называемых авторских крылатых фраз, произнесенных конкретным человеком в конкретной ситуации. Например, *экономика должна быть экономной* (М. Горбачев); *хотели как лучше, а получилось как всегда* (В. Черномырдин).

Исторический комментарий к лексике всегда представляет интерес для иностранных учащихся независимо от получаемой специальности, поскольку по сути является лингвокультурным, а соответственно он не только расширяет знания учащихся о русском языке, но и дает представление о внутреннем мире его носителей. С методической точки зрения объяснение происхождения слов и выражений современного русского языка вносит разнообразие в работу на занятиях РКИ и во многих случаях является неплохим мнемоническим приемом, позволяющим активизировать у иностранных студентов процесс запоминания некоторых исторических чередований, актуальных и в современном русском языке.

3. Исторический комментарий на уровне грамматики.

Комментировать грамматические явления в первую очередь актуально иностранным студентам-филологам, нежели нефилологам, поскольку данный комментарий предполагает получение и актуализацию специальных знаний. В курсе обучения иностранных студентов по специальности "русская филология" на филологическом факультете БГУ есть специальная дисциплина "Историческая грамматика русского языка", в ходе изучения которой студенты получают знания о состоянии фонетической, лексической и грамматической системы русского языка в диахронии. На занятиях по РКИ необходимо актуализировать эти знания в форме исторического грамматического комментария. Данный комментарий уместен при изучении особенностей склонения имен существительных (например, появление суффикса *-ен-* у существительных на *-мя*: *время — времени, имя — имени и др.*), при рассмотрении особенностей образования множественного числа некоторых имен существительных (*сын, но сыновья; небо, но небеса и т.д.*), при объяснении окончаний некоторых существительных во множественном числе (исторически такие окончания восходят к двойственному числу: *два шага, два глаза, две брови и т.д.*). Исторический комментарий полезен при объяснении особенностей изменения и образования личных местоимений, а также при изучении причастий и деепричастий русского языка, при изучении категории вида русского глагола, при усвоении семантических особенностей прилагательных, исторически восходящих к формам древнерусских причастий и т.д. Например, *горячий* (прилагательное) и *горящий* (причастие). Здесь же можно пояснить разницу между словами *горячий* и *горючий*. *Горячий* в современном русском языке имеет значения 'имеющий высокую температуру', 'полный сил, чувств, страстный', 'производимый с помощью нагревания или при высокой температуре', 'вспыльчивый (переносное значение)', 'напряженный, проходящий в спешной напряженной работе (переносное значение)'. В современном русском языке есть два омонима *горючий* 1 со значениями 'способный гореть', 'топливо для двигателей', и *горючий* 2 со значением 'горькие слезы'.

В историческом комментарии нуждаются многие орфографические правила современного русского языка. Так, иностранцам интересно будет узнать о том, что до XIV века шипящие согласные звуки были мягкими. Современная русская орфография сохранила это в качестве традиционного написания мягкого знака в окончаниях глаголов второго лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени. Нелишним будет также комментарий касательно окончаний имен прилагательных в единственном числе. Прилагательные в именительном падеже единственном числе имеют ударные окончания *-ой/-ей* (*большой, смешной и т.д.*), и безударные — *-ый/-ий* (*красивый, смелый, нижний, верхний и т.д.*). Здесь комментарий весьма актуален для иностранцев, поскольку им приходится постоянно выбирать среди вариантов *уставный* или *уставной*, *запасный* или *запасной*, наконец, *языковой* или *языковойой* и т.д. Объяснить такую вариативность можно так: различие в написании окончаний именительного падежа единственного числа имен прилагательных — *ый* и *-ой* восходит к различиям между старославянской и древнерусской формами прилагательных. Старославянские прилагательные имели, независимо от ударения, только окончания *-ый /-ий*, древнерусские — только окончания *-ой/-ей*. Современная норма появилась в результате смешения этих традиций.

Таким образом, исторический комментарий является важным и необходимым компонентом на занятиях РКИ. Данный комментарий позволяет объяснить состояние лексико-грамматической системы современного русского языка с точки зрения ее происхождения. Знание преподавателем основных закономерностей изменения русского языка, начиная с донациональной эпохи, учет влияния старославянского языка позволит придать образовательному процессу более осмысленный характер, что в свою очередь сделает усвоение современного русского языка иностранцами более продуктивным.

Литература

1. Дитрих, А. О преподавании современного русского языка для преподавателей А. Дитрих // Русский язык за рубежом. №1, 2006. С. 103 – 105.
2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1999.

Ю.Н. Пахомова (Минск, БГУ)

ЯЗЫКОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Переход к информационному обществу требует всестороннего развития личности, в том числе ее коммуникативных способностей, облегчающих ее успешное функционирование в социуме.

Только живя одной жизнью с конкретно взятым обществом и лишь непосредственно наблюдая языкотворческий процесс внутри него, можно до конца понять метод мышления этого общества и усвоить язык, служащий не только для коммуникации.

Социальная среда страны изучаемого языка способна оказывать непосредственное влияние на формирование МКК иностранных студентов. Социализация.

ция личности в условиях страны изучаемого языка — это проблема, которая волнует исследователей в области методики преподавания языка как неродного.

В условиях педагогически организованного общения на занятиях по русскому языку как иностранному на филологическом факультете БГУ происходит ознакомление с социокультурными особенностями страны изучаемого языка, осуществляется вторичная социализация иностранных студентов. В методике преподавания русского языка как иностранного наметились тенденции к усилению социолингвистической направленности в обучении. На занятиях используются темы общения, характерные именно для межкультурного диалога.

Разработанная в социологии и социальной психологии ролевая теория личности применяется в методике преподавания русского языка как иностранного в виде ролевой модели искусственной социализации личности, в работах, связанных с применением ролевой игры в обучении русскому языку как иностранному.

Психологические роли требуют от преподавателя работы по анализу текста, чтобы, поняв логику поступков персонажа, учащиеся могли смоделировать его речевое поведение. Социальные роли во многом определяют как тематическую лексику, так и грамматический материал при построении высказывания, задают программу речевого поведения.

Иностранным студентам, обучающимся в вузах Беларуси, желающим развить коммуникативные навыки на русском языке и адаптироваться в социальной среде носителей языка, необходимо, во-первых, избегать общества своих соотечественников (наивное, но практически очень важное правило); во-вторых, надо приобрести себе друзей, которые согласны были бы вас слушать, а при случае и поправлять ваши ошибки; наконец — и это самое главное, — надо искать как можно больше языковых впечатлений; посещать лекции" [3, с. 14–29].

Изучение мнений иностранцев, проживающих и обучающихся в Беларуси, представляет особую необходимость для методики преподавания русского языка как иностранного, поскольку мнения иностранных учащихся — это показатель успешности их социализации в нашей стране.

Чем быстрее они адаптируются в незнакомой среде, тем лучше будут учиться, тем успешнее пройдут для них годы проживания в белорусской среде, тем эффективнее будут их контакты, дружеские и деловые связи [1, с. 70].

О том, как влияет языковая среда на формирование МКК иностранных магистрантов- и стажеров-филологов, можно судить по их мнениям согласно результатам интервьюирования в 2008 – 2009 гг. По мнению магистранта из Ирака, в БГУ интересно и легко учиться. Оплата обучения не такая высокая, как в учебных заведениях стран Ближнего Востока. При этом отмечается достойное качество образования в белорусском вузе на русском языке. На эффективность обучения русскому языку в Беларуси непосредственное влияние оказывает социальная среда — мирная обстановка в стране и дружелюбное отношение местных жителей к иностранцам, а продуктивность обучения иностранных студентов в Белгосунiversитете зависит от доброжелательного отношения к ним

преподавателей. Преподаватели БГУ, ощущая разницу между белорусскими и иностранными студентами, с пониманием и снисхождением относятся к иностранцам.

Магистрант из США отмечает в американских вузах более свободное общение между преподавателями и учащимися. Студенты могут пригласить преподавателя выпить пива. В БГУ соблюдается субординация, при этом не только преподаватели обращаются к студентам и своим коллегам на "вы", но и профессора говорят "вы" младшим по возрасту преподавателям, что свидетельствует об уважении в отношениях преподаватель – студент.

Стажеры из Польши, прогуливаясь по Минску, чувствуют себя в нашей стране в безопасности в любое время суток, поскольку на каждом шагу встречаются работников ГАИ. Они отмечают, что развитие образования в нашей стране тесно связано с развитием культуры. Походы в театры и на балет очень популярны у минчан в последнее время. Трудности пребывания в Беларуси, по мнению стажеров из Чехии, связаны в первую очередь с щепетильным оформлением документов по прибытии в страну и при отъезде. Большое количество требований от иностранцев в виде справок доставляет немало хлопот туристам и студентам, приезжающим на стажировку.

Необходимо отметить, что языковая среда оказывает непосредственное воздействие на эмоционально-психологическое состояние иностранцев и их поведение в учебном коллективе. При обучении РКИ важно учитывать настроения студентов-иностранцев в отдельных учебных группах. От процесса налаживания контакта с одноклассниками зависит успешность обучения иностранных студентов в БГУ и то, насколько быстро они приспосабливаются к условиям жизни в нашей стране.

По результатам проведенного сочинения в группе китайских студентов 2-го курса можно судить о том, что некоторые из них чувствуют себя бодрыми и веселыми. Это говорит о том, что они уже в значительной степени адаптировались к условиям жизни в нашей стране. *"Я жизнерадостный и бодрый человек". "Я веселый и счастливый человек". "Он жизнерадостный и бодрый".*

Данные сочинения являются показателем того, что учащимся удается сохранять позитив в группе. Все студенты относятся друг к другу и к себе с уважением. Анализ сочинений дает основания предположить, что положительный психологический климат в коллективе способствует успешному протеканию учебного процесса.

Таким образом, языковая среда является одним из главных факторов формирования межкультурной компетенции у иностранцев, изучающих русский язык. Для совершенного усвоения русского языка необходимо длительное пребывание учащихся среди носителей данного языка. Это предполагает получение достойного образования, возможность приобрести отличный опыт общения и наладить новые международные контакты.

Литература

1. Калачёва И.И. Культурные различия в коммуникации / И.И. Калачева // Молодёжь и поликультурное образование в высшей школе. Минск, 2003.

2. Швейцер, А. Д., Никольский, Л. Б. Методы социолингвистических исследований / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский // Введение в социолингвистику: Для ин-тов и фак. иностр. яз. Учеб. пособие. М., 1978. С. 178-188.
3. Щерба Л.В. Зависимость методики преподавания иностранных языков от состояния общества и его задач / Л.В. Щерба // Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1974.
4. Щукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов / А.Н. Щукин. М., 2003.

Д.Л. Руго (Минск, БГУ)

БЕЛОРУССКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РКИ

В сборнике "Беларусь. Лингвокультурологический комплекс" белорусские прецедентные высказывания представляют выборку наиболее частотных и актуальных фразеологизмов, пословиц и поговорок с русскими эквивалентами, что составляет фразеологический минимум для иностранных студентов. При несовпадении структуры и семантики таких языковых единиц ярко отражаются характерные глубинные черты национальной языковой личности, своеобразие национальной языковой картины мира белорусов и русских.

На прецедентные тексты ссылаются многие, поскольку считают их важными для данной культуры. Прецедентные тексты — стихийно или сознательно отобранные тексты, которые рассматриваются как общеизвестные в конкретной речевой культуре и которые допускают в связи с этим особые формы их использования. В книге "Русский язык и языковая личность" дается следующее определение понятия "прецедентные тексты": это тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональных отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности (см. [1, с. 216]).

Цель данного исследования заключается в выявлении роли прецедентных текстов на занятиях по РКИ. Эти тексты повышают интерес к изучению языка, выступают важным источником информации о жизни и культуре носителей языка, способствуют повышению речевой культуры. Актуальность исследования прецедентных текстов выражается в том, что эти тексты будут полезны для всех иностранных студентов на занятиях по РКИ, т.к. они продолжают из года в год приезжать на обучение в Беларусь.

Хрестоматийность и общеизвестность прецедентных текстов обуславливает такое их свойство, как реинтерпретируемость: как правило, они перешагивают рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом спектакле, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова.

Ю.Н. Караулов выделяет 3 способа существования и обращения прецедентных текстов в обществе:

1. **Натуральный способ.** Текст доходит до читателя или слушателя в первоначальном виде, как прямой объект восприятия, понимания, переживания, рефлексии. (*Янка Купала, "Родное слово"*).

2. **Вторичный способ.** Либо трансформация исходного текста в иной вид искусства, либо вторичные размышления по поводу исходного текста, представленных в критических и литературоведческих статьях. (*Стихотворение А. Русака "Бывайце здаровы" положено на музыку И. Любаном*).

3. **Семиотический способ.** Обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты. (*Якуб Колас, "Новая земля" (отрывок)*).

В дискурс языковой личности прецедентный текст редко вводится целиком, а всегда только в свернутом, сжатом виде — пересказом, фрагментом или намеком.

В сборнике белорусские прецедентные тексты с русскими переводами иллюстрируют функционирование отраженных в словаре реалий-номинаций. Тексты даны в хронологическом порядке. Основополагающий принцип отбора произведений таких всемирно известных авторов, как Н. Гусовский, Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, А. Русак, В. Короткевич, В. Быков, Н. Гилевич, — реинтерпретируемость, воплощенность и в других видах искусства. Прецедентным для белорусского языкового сознания является, например, стихотворение А. Русака "Бывайце здаровы", переведенное на русский язык М. Исаковским и положенное на музыку И. Любаном, которое стало популярной песней и прозвучало в известном советском кинофильме "Небесный тихоход" [2].

Для более полного и глубоко анализа мы выбрали произведение Я. Купалы "Родное слово" (перевод Г. Римского). Янка Купала является одним из самых известных писателей белорусской прозы, поэзии и драматургии. В творчестве Янки Купалы отражена жизнь белорусского народа, его национальный характер и мировосприятие. Янка Купала — поэт-романтик; неповторимую красоту его поэзии придает сочетание лиризма с традициями фольклора. Творчество писателя разнообразно по тематике, стилю и жанрам.

Анализируемый текст полезен для преподавания в иностранной аудитории тем, что в нем раскрываются такие понятия, как "белорусский язык", "Белая Русь", "родное слово". Иностранцы смогут на занятиях по РКИ благодаря представленным произведениям познакомиться с традициями праздников белорусов ("Купалье"), узнают о том, как появились сами белорусы. При изучении прецедентных текстов в иностранной аудитории используется сознательно-практический метод обучения.

В стихотворении "Родное слово" Купала ярко отразил всю красоту, значимость белорусского языка: *"Ты душу пронзаешь мелодией новой, // Звенишь, словно песня, во мне"*. Данные строки помогут иностранным студентам осознать и почувствовать всю величину родного языка, белорусского слова. Далее автор рассказывает о тех преградах, о тех гонениях, которые преодолел белорусский язык. Преодолел и остался в душах и на устах белорусов. *"В гоненьях"*

выжить смогло.//Хоть гнули тебя, заточали в оковы.//Да зря! Ты звучишь, как назло!//Свободное слово, родное слово!"

Патриотизм звучит и в последних строках данного стихотворения: *"Отчизны язык, даже бедный, суровый, //Милей знатной речи чужой!"*

В иностранной аудитории это произведение даст понять студентам, какова роль родного языка для белорусов, как ценится родное слово. Иностранцы студенты смогут осознать и тот патриотизм, который присущ белорусскому народу. Они поймут, насколько красива природа страны, в которой они учатся. Смогут ощутить и понять чувство патриотизма, которое присуще белорусскому народу. А главное, иностранные студенты смогут увидеть ту важность и значимость родного языка для жителей нашей страны.

Прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки — стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из "фактологического" контекста мысли в "ментальный", а возможно, и обратно.

Цель изучения прецедентных текстов для иностранных студентов можно представить определением понятия "аккультурация" — усвоение человеком, выросшем в одной национальной культуре существенных фактов, норм и ценностей другой национальной культуры. Изучение прецедентных текстов преследует и общеобразовательные цели. У слушателей формируется правильное представление о языке как общественном явлении.

В этом так же заключается и актуальность в изучении прецедентных текстов в иностранной аудитории. Студенты из других государств продолжают приезжать для обучения в вузы Республики Беларусь. И для ознакомления и более глубоко изучения белорусского народа, традиций и особенностей страны, вводятся и прецедентные тексты на занятиях по РКИ.

Изучая прецедентные тексты, иностранные студенты узнают какие-то новые факты о стране, в которую они приехали.

Благодаря этому все больше стран мира узнают о традициях, языке и народе Республики Беларусь.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М., 1987 г.
2. Чумак, Л.Н. Беларусь / Л.Н. Чумак // Лингвокультурологический комплекс: Пособие для иностр. студентов / сост.: Л.Н. Чумак [и др.] ; под ред. проф. Л.Н. Чумак. Минск, 2008. — 111 с. : ил. (с. 4).

Хоанг Тхи Бен (Вьетнам)

КАРТИНА БЕСПРЕДЛОЖНОГО ГЛАГОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПОВЕСТИ Н. КАРАМЗИНА "БЕДНАЯ ЛИЗА"

Одной из наиболее сложных проблем, которые возникают при обучении русскому языку у нерусских, является проблема глагольного управления. Неправильное употребление форм глагола или форм зависимого от него слова может привести к неправильному пониманию. (Напр. *Пишет мать; пишет матери и пишет о матери*). Глагол — одна из самых важных частей речи в со-

временном русском языке. Количество глаголов по Обратному словарю 37 000. Одна глагольная словоформа может быть носителем до 7 грамматических (морфологических) значений. Так, словоформа *пишу (письмо)* выражает значения несовершенного вида, переходности, действительного залога, настоящего времени, первого лица, единственного числа, изъявительного наклонения.

Благодаря своим грамматическим и семантическим свойствам глагол обладает разнообразной сочетаемостью, он "даёт жизнь предложению и поэтому особенно важен при построении предложения" [1, с. 95].

Управление — вид подчинительной связи, при котором зависимое слово (имя существительное, местоимение или субстантивированное слово) ставится в определённой падежной форме (без предлога или с предлогом), обусловленной лексико-грамматическим значением господствующего слова или смыслом высказывания.

Выделяют следующие типы управления:

1. в зависимости от характера связи между господствующим и зависимым словами (сильное и слабое управление);
2. в зависимости от наличия или отсутствия предлога перед зависимым словом (беспредложное и предложное управление);
3. в зависимости от морфологической природы господствующего слова (глагольное, приадективное, принаречное, присубстантивное управление);

Предметом моего изучения является беспредложное глагольное управление в повести Н. Карамзина "Бедная Лиза". Я выписала из нее все глаголы, требующие беспредложного управления и классифицировала их на разряды по лексико-семантическим признакам. Это поможет мне расширить, улучшить и укрепить знания об управлении глаголов в русском языке. Во Вьетнаме я только знала, что **переходные глаголы** — это глаголы со значением действия, направленного на объект действия, выраженный винительным падежом без предлога. Напр.: *проверить работу; укоротить платье; вырыть яму* [3]. Здесь, первый раз я узнала, что объект действия при переходном глаголе может быть выражен и формой родительного падежа в двух случаях:

1. Для обозначения части объекта: *выпить воды; купить яблок*.
2. При наличии отрицания перед глаголом: *не знать правил; не получить сведений; не иметь возможности* [3].

Существуют переходные глаголы, которые управляют именем в родительном падеже вне условий отрицания. Это, во-первых, некоторые глаголы, совмещающие значение достижения результата со значением количественности (*нарвать цветов; наделать ошибок; закупить книг*); во-вторых, глаголы, при которых может быть употреблен как родительный, так и винительный падеж (*ждать письмо — ждать письма; хотеть пряник — хотеть пряника; просить милостыню — просить милостыни*). Связь переходности и непереходности с лексическим значением глагола выражается и в том, что многозначные глаголы в одних значениях могут быть переходными, в других — непереходными. Исходя из всего вышесказанного я классифицировала все прямо-переходные глаголы повести "Бедная Лиза" на разряды:

I. Винительный падеж без предлога:

1. Значение конкретного физического действия, направленного на объект:

№ п/п	Инфинитив	Словосочетание из повести
	Брать / взять	Брала ягоды; взяла пять копеек; взял за руку дочь свою; взял руку мою; взял её за руку (2); возьмёт её (к себе); взять (у него) несколько денег; возьми их (сто рублей).
1	Бросать	Бросаю кисть.
2	Вязать	Вязала чулки.
3	Вывести	Вывел её из кабинета.
4	Вынуть	Вынула из кармана десять имперялов.
5	Гнать	Гнал стадо; гонишь стадо.
6	Запереть	Запер дверь.
7	Покупать Купить	Купит цветы; покупат (у тебя) цветы; покупал работу.
8	Обрабатывать	Обрабатывала поле.
9	Отдать	отдала цветы.
10	Отнять	Не могла отнять (у него) руки.
11	Пахать	Пахал землю.
12	Продавать	Продавала их (цветы); продаёшь их (цветы); продавала работу.
13	Прижимать прижать	Прижимала её к сердцу; прижмешь меня к своему сердцу;
14	Показать	Показала (ему) цветы;
15	Целовать/ Поцеловать	Поцеловала мать свою; поцеловал её; поцеловать тебя; поцелуй у неё руку; поцеловать её; целовал Лизу; твою руку целую.
16	Принести	Принесла чистую кринку.
17	Подкосить	Подкосила ноги.
18	Проводить	Проводил её до хижинки; проводи девушку.
19	Преклонить	Преклонив голову;
20	Положить	Положил (ей) деньги в карман;
21	Поглотить	Поглотила бедную (девушку)
22	Петь	Поют унылые песни; пела жалобные песни;
23	Поставить	Поставили крест на могиле;
24		Её погребли близ пруда;
25	Рвать	Рвала цветы.
26	Ставить	Ставлю свечу перед образом;
27	Схватить	Схватила стакан; схватила руку.
28	Сплести	Сплести венок для шляпы твоей.
29	Ткать	Ткала холсты.
30	Щипать	Щипала его правой рукой.

2. Значение чувства, внутреннего состояния, восприятия:

№ п/п	Инфинитив	Словосочетание из повести
1	Видеть/ увидеть	Видишь всю Москву; вижу седого старца; видеть весёлых птичек; видя неутомимость дочери; видеть тебя; его видела; видела (в нём) перемену; увижу отца; его увидела; тебя ещё раз увидела; увидела Эраста; увидела себя на берегу пруда; увидела дочь (В.п.); увидела лодку;
2	Видать	Не видала его (одуш. суц);
3	Вязать	Вязала чулки;
		Люблю предметы; люблю работу; люблю тебя (2); люби меня; лю-

№ п/п	Инфинитив	Словосочетание из повести
4	Любить по-любить	бить меня; меня любишь; меня любит; любил человека; любит его; люблю её; любить Лизу; любит тебя; любит другую (девушку), любил тебя; полюбил её;
5	Обидеть Обижать	Обидеть бедную девушку; Обижашь меня.
6	Целовать По-целовать	Поцеловала мать свою; поцеловал её; поцеловать тебя; поцелуй у неё руку; поцеловать её; целовал Лизу; твою руку целую.
7	Пробудить	Пробудило всё творение;
8	Презирать	Презирать меня;
9	Слушать по-слушать	Слушал её со вниманием; слушал её с непритворным удовольствием;
10	Скрывать Скрыть	Скрыть радость; скрывать горсть;
11	Слышать услышать	Слыша шум; услышала шум весел;
12	Таить	Таить печаль; таила от неё любовь свою к одному жестокому человеку;
13	Успокоить	Успокоить Лизу;
14	Чувствовать	Чувствуя какую-то грусть; чувствовал волнение в крови; чувствует в себе трепет;

3. Значение мышления и познания:

№ п/п	Инфинитив	Словосочетание из повести
1	Знать	Его (одуш. суц.) знала; знаешь сердце (перен.).
2	Забывать/ Забьть	Забьли душу; забуду душу; себя забываю; забываю всё; забыть меня; забываю человека в Эрасте;
3	Иметь	Имел воображение;
4	Помнить	Помни Лизу;
5	Узнать	Узнаю тебя;

II. Родительный падеж без предлога со значением отрицания воздействия на объект (с частицей "не"):

№ п/п	Инфинитив	Словосочетания из повести (Значение отрицания воздействия на объект)
1	Брать / взять	не берёшь его (ландыша); не брала лишнего; не взяла рубля; не возьмёт рубля
2	Думать	Этого не думаю;
3	Договорить	Не договорила речи своей;
4	Дождаться	Не дождавшись ответа от матери;
5	Держать сдержать	не сдержат слова;
6	Знать	не знает окрестностей города;
7	Удержать	Не могла удержат собственных слёз своих;
8	Находить	не находил их (слов);
9	Отвечать	Не отвечая ни слова;
10	Оживить	Не оживят батюшки;
11	Освещать осветить	не мог осветить заблуждения;
12	Описать	Не могу описать всего;
13	Продавать	не продавала своей работы никому;

№ п/п	Инфинитив	Словосочетания из повести (Значение отрицания воздействия на объект)
14	Подозревать	Не подозревая (в нём) никакого худого намерения;
15	Понимать	Не понимала чувств;
16	хотеть	не хочу спокойствия;
17	Щадить	Не щадя редкой красоты своей; не щадя своей нежной молодости;

III. Прямо-переходные глаголы, управляющие именем в родительном падеже вне условий отрицания

Родительный падеж без предлога	
Значение	Словосочетания из повести
Значение интенсивного действия	нарвала самых лучших ландышей.
Значение желания	чего-то искали; искал слов; нашёл в Лизе то, чего сердце его давно искало; хочу ей добра; желаю тебе всякого добра; пожелала ей кроткого сна.
Значение действия, которое охватывает часть объекта	купить розовой воды.

Фактически все прямо-переходные глаголы требуют беспредложного управления. При переводе на вьетнамский язык эти глаголы не изменяют своё управление: *не щадя редкой красоты своей* — *không thương tiếc vẻ đẹp hiếm có của mình*; *люблю работу* — *yêu công việc*.

Косвенно-переходные глаголы — глаголы, обозначающие переход действия на объект, выраженный формой косвенного падежа (без предлога или с предлогом). Их семантическая близость к переходным глаголом выражается в том, что для раскрытия своего значения они нуждаются в наличии объекта [3].

1. Косвенно-переходные глаголы, управляющие родительным падежом без предлога:

- Значение отдаления: *лишилась чувств в памяти*.
- Значение авторитетного мнения: *тебя послушаться*

2. Косвенно-переходные глаголы, управляющие дательным падежом без предлога:

Дательный падеж без предлога	
Значение	Словосочетания из повести
Значение адресата	Говорить друг другу; не говорить ей об этом; говорила ему; говорил ей; сказала ему; сказал он матери; сказал ей; сказала Лиза матери своей; скажешь мне; сказать тебе всё; сказав ей; скажи ей; сказал слуге; рассказала матери; рассказать ему о своём горе; рассказывать ему о молодости.
Значение действия, совершаемого в пользу объекта	Верить стихотворцам; верить ушам своим; верю тебе; позволь мне; принадлежать мне; подавая ей; ему отдались; внимаю глухому стону времён.
Значение действия, совершаемого во вред объекту	Он изменил мне.

Дательный падеж без предлога	
Значение	Словосочетания из повести
Значение восприятия, чувства	вообразить себе; хочу ей добра. Пожелала ей кроткого сна; желаю тебе (всякого добра).
Значение адресованного действия	Поклонился ей; поклонилась ему; ему оставался один способ; смотрели друг другу в глаза.
Значение состояния	не казалась ему прелестною; показаться ему вкуснее; показалась ей в огне; показались им мигом; показалось ей отменно приятным; представлялись ему ничтожными.

3. Косвенно-переходные глаголы, управляющие творительным падежом без предлога:

Творительный падеж без предлога	
Значение	Словосочетания из повести
Значение управления	Никто не владеет вами.
Значение физического и психологического состояния	Сердце обливается кровью.
Значение занятий, деятельности	Называла божеской милостью; Представлялись ему ничтожными.
Значение эмоционального отношения	Насладиться утром; Восхищался пастушкой; Гнушаться мною.
Значение наполнения	Напитаться животворными лучами (перен.).
Значение способа, инструмента действия	Подпираясь клюкою; покрывается цветами; тихими шагами пошла (к своей хижине); такими прелестными красками описывала; кормиться трудами своими; отвечала робким голосом; залилась слезами; благодарил не столько словами, сколько взорами.

При переводе на вьетнамский язык косвенно-переходные глаголы не всегда сохраняют своё управление. Бывают так, что многие глаголы, требующие беспредложного управления в русском языке требуют предложного управления во вьетнамском языке. Напр.: Значение дательного адресата в русском словосочетании *рассказала матери* во вьетнамском языке передаётся предлогом *cho*: *kể cho mẹ*. Значение творительного орудия, образа и способа совершения действия *Подпираясь клюкою* может передаваться на вьетнамский вариант с помощью предлога *bằng*: *chống bằng gậy*.

Литература

1. Есперсен, О. "Философия грамматики" / О. Есперсен. М, 1958.
2. Карамзин, Н. Бедная Лиза Н. Карамзин. М., 1986.
3. Розенталь, Д. Э. "Словарь-справочник лингвистических терминов" / Д.Э. Розенталью М., 2001.

К ВОПРОСУ РАЗРАБОТКИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕСТОВ ПО РКИ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ОБУЧЕНИЯ

В настоящее время в области преподавания русского языка как иностранного (РКИ) широко используются лексико-грамматические тесты. Несмотря на это, до сих пор ведутся споры не только о содержании тестов для иностранцев, но и о целесообразности проверки знаний именно с помощью тестирования. Сегодня существует уже достаточно много научных работ и методических разработок по созданию обучающих и контролирующих тестов по различным учебным дисциплинам. Но нет необходимости объяснять, что РКИ — совершенно особенный предмет, поэтому и тесты по нему неизбежно должны иметь свою специфику, существенно отличаться, например, от тестов, предлагаемых абитуриентам, для которых русский язык является родным. Анализ специфических особенностей тестов по РКИ — одна из актуальных научных задач.

Особую проблему представляет разработка лексико-грамматических тестов для начального этапа обучения русскому языку как иностранному.

Андрюшина Н.П. представила некоторые положения, которые могут служить основой при разработке тестов по РКИ, отмечает, что тест по проверке всех видов речевой деятельности по праву можно считать гетерогенным, поскольку он делится на пять достаточно самостоятельных тестов (по лексике и грамматике, по письму, чтению, аудированию, говорению). В то же время тест по лексике и грамматике можно отнести к гомогенным, т.к., несмотря на то, что он делится на лексическую и грамматическую часть, форма подачи и выполнения заданий, а также характер проверяемого материала дают основание для такой классификации.

Как отмечает Андрюшина Н.П., помимо определения объема теста не менее важно концептуально определить его содержание. Фундаментом для этого можно считать лексический и грамматический минимумы. Объем проверяемой лексики после первого года обучения составляет 2000 — 2500 слов. Данное количество слов выявилось в результате анализа "Частотного словаря" под ред. Л.Н. Засориной и "Словаря 4000 наиболее употребительных слов русского языка" под ред. Н.М.Шанского, списка наиболее употребительных слов, составленного В.В. Морковкиным на материале шести словарей, а также семи наиболее распространенных учебников русского языка для иностранцев.

В критериальных тестах по РКИ возникла необходимость проверить понимание таких лексических единиц, употребление которых имеет свою специфику, не проявляющуюся при подборе синонимов и в других подобного рода заданиях, то есть проверить понимание конкретного лексического значения, присутствующего только данному слову. Другими словами, учитывалась рекомендация Р. Ладо включать в тест слова, трудность овладения которыми может быть обнаружена в результате сопоставительного анализа лексики иностранного и родного языка тестируемых. Для примера можно привести оппозиции глаголов *видеть* — *смотреть*, *слушать* — *слышать*, *говорить* — *рассказывать* и т.п. В связи с этим представляется необходимым различать в тестах по РКИ лексические и лексико-грамматические задания, куда входят и чисто грамматические.

Иллюстрацией последних могут служить задания, в которых проверяется знание видо-временных форм глагола, умение согласовать прилагательные с существительными и т.д.

В качестве примера, наглядно демонстрирующего необходимость такого различения, можно привести предлоги *через* и *после*. Если проверяется знание управления предлогов *через* и *после* — это грамматическое задание; если же проверяется различение значений лексических единиц *через* и *после* (что часто представляет существенную трудность для иностранцев) — это уже лексическое задание, и его надо помещать отдельно от грамматических. В целом, все задания, в которых проверяется только понимание слов и умение использовать их в заданном контексте, целесообразно давать отдельным разделом, помещенным в начало теста. Спорным является положение о том, что лексические задания должны оцениваться ниже, чем грамматические, но речь об этом следует вести при анализе критериев выполнения заданий.

Не менее важным, чем отбор лексических заданий, является определение содержания грамматических заданий, так как тест — это "не просто набор заданий, а система заданий" (М.Б. Чельшкова). С этой точки зрения, системно организованные задания теста проверяют усвоение предложно-падежной системы и глагольного управления, видо-временных форм глаголов и глаголов движения, контролируют знание синтаксиса простого и сложного предложения. При этом учитываются пропорции, согласно которым должны быть представлены перечисленные разделы грамматики. В целом задания теста отражают примерно 80–85% грамматической части Программы по русскому языку.

Достаточно сложным при разработке лексико-грамматических тестов является вопрос о соблюдении принципа нарастающей трудности заданий. Исходя из того, что изучение глаголов русского языка представляет для иностранцев большую трудность, чем изучение существительных, логично задания на проверку знания предложно-падежной системы поместить перед заданиями на проверку знания глаголов. Соответственно, и внутри той части, где проверяется знание предложно-падежной системы, задания расположены в определенной иерархии, например, проверка владения формами единственного числа предшествует проверке владения формами множественного числа, употребление форм родительного падежа при числительных проверяется после проверки владения формами множественного числа существительных. Точно по такому же принципу должны располагаться задания на проверку знания глаголов, причем в заключительной части, по всей видимости, следует проверять знание приставочных глаголов движения, ибо они наиболее трудны для иностранцев, изучающих русский язык.

В перспективе четко разработанную и теоретически обоснованную иерархическую структуру теста по РКИ следует положить в основу формирования банка данных.

При создании теста по РКИ неизбежно возникает вопрос об отношении к заданиям с выбором из двух вариантов ответа. Тестологи, стремящиеся к максимальной "чистоте эксперимента", относятся к таким заданиям отрицательно, не без основания полагая, что при выборе из двух вариантов ответа тестируемому гораздо легче "методом тыка" угадать правильный вариант ответа, чем

при выборе из 3–4 вариантов ответа. Тем не менее очень часто в лингвистических тестах (и не только в лингвистических) можно наблюдать выбор именно из трех вариантов ответа или варианты ответов типа *да — нет, правильно — неправильно*. К сожалению, грамматический материал русского языка иногда просто не позволяет предложить более двух вариантов ответа. Такая ситуация возникает, например, при проверке понимания глаголов совершенного и несовершенного вида, когда при увеличении количества вариантов ответа третий вариант будет заведомо ложным, или нарушится принцип противопоставления единиц по одному признаку; тем самым качество всей позиции ухудшится в угоду форме. При анализе подобных случаев нельзя не обратить внимания на следующее: проблема выбора грамматических форм типа совершенного и несовершенного вида настолько сложна для изучающих русский язык, что вероятность угадывания, по сравнению с другими языками, значительно снижена, и если к тому же количество позиций слева довести до трех — четырех (то есть вместо однократного выбора тестируемому будет необходимо сделать трех-четырёхкратный выбор), а каждый из вариантов ответа использовать от одного до трех раз, то вероятность угадывания правильного выбора становится минимальной. Принимая во внимание изложенные соображения, можно сделать вывод о допустимости и функциональной значимости позиций с выбором из двух вариантов ответа в тестах по РКИ.

До сих пор не подвергался глубокому анализу вопрос о форме тестовых заданий. Тестологи высказывают подчас противоположные мнения. Так, Э.А. Штульман считает, что чем разнообразнее задания, тем надежнее тест. М.Б. Челышкова, напротив, полагает, что смена формы заданий отвлекает тестируемого, мешает ему сосредоточиться, поэтому надо стремиться к максимальному единообразию в рамках одного теста. Вряд ли может быть приемлемой реализация двух крайних точек зрения, если учесть, что речь идет о критериальном тесте, рассчитанном на 60 — 80 минут работы. Полное единообразие формы заданий на столь длительном отрезке времени может утомить тестируемого так же, как и их слишком частая смена.

Более привлекательной кажется идея разбиения теста на блоки соответственно форме заданий. Например, блок заданий с множественным выбором, блок заданий с неполным соответствием и т.д. При этом общее количество форм не должно быть большим. Так, задания с множественным выбором, с полным и неполным соответствием практически исчерпывают список используемых форм. В критериальных тестах лучше избегать задания с полным соответствием, т.к. возможность угадывания в них больше. В то же время такие задания можно не исключать полностью (лучше делать их число минимальным), поскольку при проверке трудных разделов грамматики (например, приставочных глаголов движения) они тоже имеют право на существование.

Итак, в данной работе освещаются наиболее важные теоретические положения, без осмысления которых невозможно создать полноценный тест. Это определение объема теста, лексической базы теста, содержания теста, его формы, проблема разграничения лексических и лексико-грамматических заданий, соблюдение принципа нарастающей трудности. Естественно, все они будут еще уточняться, особенно по мере накопления статистики, но в своей основе изло-

женные постулаты уже сейчас могут использоваться при создании тестов данной категории.

Литература

1. Андриюшина Н.П. Разработка лексико-грамматических тестов по РКИ для начального этапа обучения / Н.П. Андриюшина // "Вестник ЦМО МГУ", 1998 г., №1. Часть 1. "Русский язык как иностранный: методика и практика преподавания".

Д.Дж. Хилмерс (США / Беларусь)

ЗАГОЛОВОЧНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ИГРЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ

Газетный заголовок, в силу необходимой лаконичности и яркости выражения для привлечения внимания читателей, часто является полем для словотворчества и языковой игры (ЯИ). В данной статье под этим термином подразумевается любое преднамеренное отклонение от языковой нормы с целью воздействия на читателя. Играя со словами и известными фразеологическими оборотами, автор статьи создает определенный подтекст, вызывающий интерес и некое эмоциональное или мыслительное отношение к прочитанному у своей аудитории. Данное явление уже широко исследовано в трудах С.В. Ильясовой, Л.В. Лисоченко и О.В. Лисоченко, В.М. Мокиенко, Н.С. Валгиной и др.

Для преподавания русского как иностранного (РКИ) заголовочные ЯИ имеют особую ценность в связи с тем, что они помогают они оказывают большую помощь для усвоения языка инофонами. Л. Витгенштейн в своих "Языковых исследованиях" ввел термин ЯИ, сравнивая употребление слов в языке с играми, "с помощью которых дети овладевают родным языком" [1, с. 83]. Признанный авторитет в области языковых игр В.З. Санников, обсуждая их основные функции, цитирует Н.И. Хмельницкого: "напав на какое-нибудь слово, играю им, как мячиком... Поверьте, если бы мы почаще играли таким мячиком, то скорей бы приучились владеть таким языком, который не довольно еще гибок для языка разговорного" [3, с. 164]. Если языковая игра (ЯИ) играет такую важную роль в усвоении родного языка и детьми, и взрослыми, значит она может также способствовать более естественному изучению иностранного языка. Газетные заголовки в особенности подходят для решения этой задачи, потому что в них отражаются многие из последних тенденций в языке (см. [2]). В заголовках российских газет встречаются многие примеры игр с современным разговорным языком, посредством которых можно учить студентов не только живому языку, но и фразеологии, грамматике, лексике и межкультурной коммуникации.

Применение ЯИ на уроках является особенно эффективным тогда, когда подбираются случаи игры на конкретную тему или с определенным словом. В данном исследовании рассмотрено 1059 заголовков со словом *деньги* из трех российских газет ("Комсомольская правда", "Известия" и "Аргументы и факты") за 2004 – 2009 гг. В 309 (29,18%) заголовках были выявлены случаи ЯИ, среди которых встречается великое разнообразие форм и способов создания игры. Самый продуктивным способом создания ЯИ является трансформация фразеологизмов и пословиц — 134 примера (43,37% всех ЯИ), и этим трансформи-

рованным фразеологическим оборотам посвящена данная статья. Еще встречаются другие продуктивные способы создания игры, которые также могут быть полезными в преподавании РКИ: закавыченное словоупотребление (ОМС "подрезали". Кто "зажил" деньги для фонда? (Аиф 1.10.08); Куда пропадают "собачьи" деньги? (Известия 17.04.08); Центробанк "преставился". Заемные деньги стали еще дороже (Известия 1.12.08); Деньги ЕС "растворились" в зоне грузино-осетинского конфликта (Известия 5.07.07) и др.); преднамеренная рифмовка (Кино — в массы, деньги — в кассы (Известия 28.01.08); Очень хочу машину взять! Деньги отдам лет через пять. (КП 08.11.05); Детей зомбируют рекламой? Готовьте деньги, папа с мамой! (КП 18.09.08) и др.); ненормативное употребление прописных букв (Деньги? АЛИМЕНТарно! (Аиф 27.08.08); ПроМОРГали деньги (КП 24.11.08); Американские деньги в ПРОлете (КП 26.03.07); и т.д.) и антонимичные отношения (Плохой отдых за хорошие деньги (Аиф 13.08.08); Виртуальный европаспорт за реальные деньги (Известия 18.07.08); Хамский сервис за приличные деньги (Аиф 02.07.08).

Среди фразеологизмов чаще всего трансформируется советский лозунг *Храните деньги в сберегательной кассе!*, который употребляется 11 раз в заголовках нашего исследования. В шести случаях формулировка призыва сохраняется и лишь заменяется компонент лексического состава (именно то место, где деньги должны храниться): *Храните деньги в уюбрениях* (Аиф 07.02.08); *Храните деньги в сейфе* (Известия 6.07.04); *Хиллари Клинтон — китайцам: Храните деньги в американских облигациях* (Известия 24.03.09); *Храните денежки в земле* (Аиф 30.04.08); *Храните деньги в надежных банках. Таких, как наш* (КП 13.11.01); *Храните деньги не в банке, а в Малевиче* (КП 05.11.08). В остальных заголовках призыв преобразуется либо в вопросительное предложение (*Храните деньги в сберегательной банке?* (Аиф 22.10.08); *...В чем хранить деньги?* (Аиф 1.11.08)), либо в повествовательное (*Россияне боятся хранить деньги в банках* (Известия 20.04.06); *Деньги хранят в банке — стеклянной* (Известия 21.04.06)). В одном заголовке предложение делается безличным, но лексический состав и общее значение остается достаточно близким к исходному варианту: *Заначка. Деньги нужно хранить не в банке, а в памперсах* (Известия 15.05.07). Во всех случаях трансформации начальная форма остается достаточно узнаваемой, что позволяет студентам-иностранцам выявить ЯИ и составить свои игры по используемым моделям.

Подобная ситуация наблюдается и с другими часто употребляемыми фразеологизмами. Известное крылатое выражение из "12 стульев" *Утром — деньги, вечером — стулья* 10 раз встречается, и в большинстве случаев происходит только лексическая замена: *Утром — деньги, вечером — дети. В России стали больше рожать* (Известия 22.02.08); *Утром — деньги, квартира — ...через три года* (Аиф 07.02.08); *Утром — деньги, вечером — газ* (КП 22.11.08); *Утром — деньги, вечером — льготы. Особенности коммунальной монетизации* (Известия 16.02.09); *Утром — деньги, вечером — романтика...* (Известия 17.02.04); *Утром деньги, вечером инвесторы. Вишерский ЦБК готов к запуску нового котла. Люди выходить на работу не собираются* (Известия 22.01.07). Лишь в двух заголовках связь с прецедентным текстом менее очевидна: *Квартира — сегодня, деньги — потом!* (КП 26.06.07); *Вчера — льготы, сегодня — деньги*

(Аиф 14.01.09). Устойчивые выражения *Деньги на ветер* и *не в деньгах счастье* служат основой для ЯИ по 7 раз (*Не едешь в Египет — деньги на ветер* (КП 25.07.05); *Пиво на улице — деньги на ветер* (Известия 7.12.05); *Ежик без пива — деньги на ветер* (Известия 09.04.07); *Не в деньгах счастье. Но такое счастье — не для россиян* (Аиф 05.09.08); *Не в деньгах несчастье* (Известия 07.03.06); *Не в деньгах счастье?* (Аиф 4.03.08); и др.), и многие другие по 2 или 3 раза употребляются (например, *деньги не пахнут: Деньги пахнут кровью* (Известия 24.12.07); *"Хвойные" деньги пахнут пожаром* (Известия 12.01.07); *Чем пахнут деньги* (Известия 11.07.06)). Модель трансформации, чаще всего используемая, достаточно проста — один из компонентов лексического состава заменяется подобным словом, адаптируя фразеологизм к новой ситуации, но сохраняя общую структуру и значение.

На основе таких ЯИ можно построить увлекательный и эффективный урок на тему *деньги*, который касается всех видов языковой компетенции, вводит новую лексику и дает студентам возможность проявить свои творческие способности. Урок начинается с совместного прочтения подобранных ЯИ, основанных на некоторых разных фразеологизмах. Судя по уровню владения языком и культурой, можно выбрать более или менее распространенные фразеологизмы (например, *не в деньгах счастье* подходит начинающим, а *Где деньги, Зин?* (в трех заголовках) — более продвинутым). Когда уже выявлен прецедентный текст в ЯИ, преподаватель дальше знакомит студентов с источником этого текста, способом просмотра фрагмента из фильма, послушания песни или чтения текста. Студенты потом анализируют заголовки и выявляют основные способы и модели трансформации и составляют свои примеры по моделям. На последнем этапе учащиеся делают обзор газетных заголовков на данную тему на своем родном языке, сравнивая способы создания игры и используемые фразеологизмы. Такое задание способствует развитию межкультурной компетенции, помогая иностранцам лучше видеть различия и сходства между культурами. Например, в кратком обзоре заголовков в *New York Times* со словом *money* (*деньги*) чаще всего употреблены один фразеологизм, *Money can't buy happiness* (*деньгами счастья не купишь*), который соответствует русскому *не в деньгах счастье*, и один фразеологизм, *follow the money* (*следите за деньгами*), который не имеет соответствия в русском языке.

Таким образом, газетные заголовки, содержащие языковые игры, служат ценным средством для проведения уроков по РКИ, способствуя усвоению языка, культуры и межкультурной коммуникации. Часто утверждается, что понимание юмора достигается только на высшем уровне владения языком, но с помощью таких уроков можно юмору и игре учить с начальных этапов, тем самым давая мощный стимул к дальнейшему изучению русского языка.

Литература

1. Витгенштейн, Л. Философские исследования. // Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994. 532 с.
2. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. СПб, 1999..
3. Санников, В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников.- М., 1999.

С.Г. Барбук (Минск, МГЛУ)

ИЗОМЕРИЯ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В языкознании, как и в других науках, используется собственный категориальный аппарат, создававшийся на протяжении многих веков. Лишь частично в него входят логико-философские категории, поэтому при описании неродственных языков какая-то часть категорий может не работать. Например, в русском языке нет категории будущего времени в прошедшем, а в английском отсутствует категория склонения. Большинство общеполитических категорий, таких как парные симметрия-асимметрия, изоморфизм-полиморфизм, сохранение-несохранение, хаос-система, противоречие-непротиворечие и другие, с помощью которых можно описать любой язык, не освоены современной лингвистикой. Имеются лишь несколько работ, последовательно применяющих математический [1, 3] и философский [2] категориальный аппарат в лингвистических исследованиях.

Явление изомерии, базирующееся на симметро-асимметрии, первоначально было открыто в химических соединениях. Этот феномен, заключающийся в существовании одинаковых по составу и молекулярной массе (симметрия), но различающихся по строению и, следовательно, по свойствам веществ, т. н. изомеров (асимметрия). Сто лет спустя, в 1921, была обнаружена ядерно-физическая изомерия, затем были открыты биологическая, социальная изомерии. Обнаружена была также изомерия в геологии. И, наконец, в 1992 г. в работе В.А. Карпова "Язык как система" доказывалось существование изомерии в языке.

Вышеизложенные факты позволяют нам рассматривать изомерию как всеобщее явление, а категории изомерийность-неизомерийность объектов считать лингвистическими универсалиями. Это означает то и только то, что изомерия в любом языке мира должна существовать на двух уровнях: словоформ и словосочетаний.

Дадим общее определение симметрии и асимметрии: "Симметрия — это категория, обозначающая сохранение признаков P объектов O относительно изменений I . Так как относительно другой совокупности изменений рассматриваемое множество признаков P не будет инвариантным, то необходимое дополнение любой симметрии — соответствующая ей асимметрия. Асимметрия — противоположность симметрии; это категория, обозначающая не сохранение признаков P объектов O относительно изменений I . Так как относительно другой совокупности изменений I существуют инвариантные признаки, то необходимое дополнение асимметрии — соответствующая ей симметрия" [4].

При таком определении языковая изомерия это: симметрия состава, асимметрия структуры, асимметрия значения (качества). Например, *аскет* — *сетка* — *секта* — *тесак*, состоят из одних и тех же букв, но с различным порядком следования, что приводит к несовпадению значений (семантики и грамматики). Подчеркиваем, что мы анализируем именно письменную форму языка, понимая, что "к", "с", "т" в разных комбинаторных позициях представляют то мягкие, то твердые фонемы. Просто возможны изомеры трех типов: буквенного, звукового и фонемного. Для решения проблем второго и третьего типа не имеется возможности (второй тип — записи произнесения одного и того же слова разными носителями создадут гигантское многообразие, которое можно обработать лишь с помощью компьютера; для третьего типа необходимо иметь сотни тысяч словоформ в фонематической записи).

Сразу отметим особенность языковой изомерии — мы не создаем изомеры в языке, не делаем никаких искусственных перестановок. Мы анализируем имеющийся материал и констатируем: в языке-системе есть изомерийно-неизомерийные объекты. Например, *торф* — *форт* — *фтор*; *туша* — *ушат*; *уточнение* — *уточнение*; *дарение* — *радение* — *нереида*; *уран* — *урна*. Изомерия, как общенаучная категория, присуща разным языкам. На сегодняшний день существуют словари изомеров русского, белорусского, немецкого и английского языков. Различной будет степень проявления этой категории в зависимости от свойств данного языка, так как есть факторы, которые способствуют развитию изомерии, и факторы, не позволяющие ей развиваться.

Существование внутриязыковой изомерии является гарантией того, что должна существовать и межсистемная межязыковая изомерия. Легче всего это доказывается на близкородственных языках. Более того, изомерия одних и тех же лексем — показатель и явное доказательство их генетической близости. Оно базируется на том простом факте, что конечное и ограниченное число букв в алфавитах приводит к повторяемости, а повторяемость — это разновидность симметрии. Сама же симметро-асимметрия является основой изомерии. Докажем это на примере русского, болгарского и белорусского языков. Эта возможность реализуема в силу практически одинаковой графики. В качестве ограничения исключим из анализа слова с буквами *i*, *ÿ*, *ь*. Они характерны для внутрисистемной изомерии. Приведение графики всех языков к одному виду, допустим, запись фонематическим алфавитом дало бы возможность доказательства изомерии в любых языках. Напомним, что везде речь идет об изомерии на уровне графики — именно букв, а не звуков и фонем.

Три сопоставляемые в изомерийном отношении языка позволяют построить целостную связную систему межязыковой изомерии в виде восьми подсистем.

Подсистема 1 содержит изомерийные слова всех трех языков. Суммарные фонетические отличия здесь еще большие и, естественно, что в этой подсистеме наполнение будет еще меньшим, но нам для доказательства заполнения подсистем достаточно даже одного примера — *роман*, *манор*, *норма* (рус.): *роман*, *норма* (болг.): *рамон* (бел.), *транса:страна:страна:нараст*.

Подсистема 2 содержит изомерийные формы русского и болгарского языков — *вирус:сурви, капорин:коприна, пудик:дупки, климат:клатим, примат:пратим, липарит:пратили, квота:таков:котва, линза:злина, зевни:везни, патин:липна, снеди:седни, плавка:калпав*. Как видим, эта подсистема легко заполняется.

Подсистема 3 вмещает в себя русские и белорусские изомеры — *пулям:пляму; выбор, обрыв:брыво, благе, бегал:глеба, джала:ждедала, коксу:коску, товары:вароты, ротавы; агаву:увага, скока:коска* и многие другие. Сказывается близость языков и подсистема заполняется легко.

Подсистема 4 содержит изомерную лексику русского языка — *акант:канат:накат:танка:канта, рыбка:рыбак, заливать:завалить, залива:завила:завали* (глагол): *завали* (сущ.) и многих других, количественное наполнение в данном случае не имеет значения.

Подсистема 5 содержит болгарские и белорусские изомерийные формы — *боза:абоз, кавака:какава, крака:карак, наллан, фаса:сафа*. Наличие специфических частоупотребительных букв в одном и другом алфавитах (Ъ — в болгарском, Ъ, и-десятиричного и неслогового у, двоянного "ц" и ряда других — в белорусском) уже в большой степени является преградой для появления межъязыковых изомеров в этой паре языков.

Подсистема 6 представляет изомеры внутри системы болгарской лексики — *ковач:човка, стол:лост, петрол:пролет, рыба:рыбак, път:тъп, бодил:бодли, лефер:релеф* и тысячи других — разнокоренных и однокоренных.

Подсистема 7 изомеры белорусские — *адкуль:дакуль, адказаць: даказаць, божа:жабо, абабак:абакка, рала:арла*. Количество белорусских изомеров в статике — свыше 4 тысяч узлов.

Подсистема 8 включает неизомерийную лексику трёх сопоставляемых языков и неизомерно-изомерийную лексику остальных языков, не вошедших в анализ.

Наличие межъязыковой изомерии доказано — все 8 подсистем заполнились в разной степени. Естественно, что межъязыковая изомерия охватывает меньшую часть изомерийного объема лексики каждого отдельно взятого языка. Сказываются специфика графики, фонетики, словообразования и грамматики. Важнейшим выводом является следующий — неизомерийность в одном языке при сопоставлении с лексикой других языков превращается в межъязыковую изомерию, ср. формы глагола *занять* в русском языке неизомерийны, при сопоставлении с белорусским имеем пару изомеров *занял:лазня*. Это говорит о том, что при ограниченном числе букв и звуков в разных языках неизомерийные лакуны перестановочных вариантов могут заполняться данными других языков и увеличивать общеязыковую изомерию.

Литература

1. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. Минск, 1988. М., 1983.
2. Карпов, В.А. Язык как система / В.А. Карпов. Минск, 1992.
3. Лекомцев, Ю.К. Введение в формальный язык лингвистики Ю.К. Лекомцев.
4. Урманцев, Ю.А. Система, симметрия, гармония / Ю.А. Урманцев. М., 1988.

СЛОВАРЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ В СИСТЕМЕ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Проблема машинного перевода — одна из центральных в компьютерной лингвистике и теоретической информатике. История машинного перевода насчитывает немногим более 50 лет. За это время сменилось несколько поколений систем машинного перевода — от первых программ, использовавших ограниченные ресурсы универсальных компьютеров первого поколения до современных коммерческих продуктов, использующих мощные ресурсы серверов и персональных компьютеров. Разработка качественных и высокопроизводительных систем машинного перевода способствует разрешению важнейших социально-коммуникативных задач. Эффективность работы современной системы МП в решающей степени зависит от ее удачной настройки на конкретный подязык естественного языка, на определенную лексику и ограниченный набор грамматических средств, характерных для текстов данной предметной области, а также на определенные типы документов.

Перевод как особый процесс межъязыковых преобразований затрагивает в комплексе разные уровни языка — морфологию, лексику, синтаксис, семантику. Модель перевода должна отражать иерархию языковых уровней, причем некоторым оптимальным для перевода образом. Опыт создания системы русско-белорусского машинного перевода в НИЛ Интеллектуальных информационных систем БГУ показал, что даже при переводе текстов на близкородственный язык необходимо анализировать текст на всех уровнях, включая семантический. Это объясняется системными несоответствиями различных аспектов языков, что приводит к невозможности использования метода прямого перевода. В частности, на грамматическом уровне можно выделить следующие несоответствия:

- a) Несовпадение в категории рода имен существительных: *У нее было красивое лицо — У яе быў прыгожы твар.*
- b) Несовпадение управления глаголов и существительных: *заведующий кафедрой — загадчык кафедры, гаварыць пра падзею — гаворить о событии.*
- c) Разные предлоги в идентичной конструкции: *по вкусу — да густу.*
- d) Несовпадение синтаксических конструкций: *относящиеся к делу слова — словы, якія датычацца справы.*

Для решения всего комплекса проблем, возникающих при переводе текстов с русского языка на белорусский и с белорусского на русский, в систему машинного перевода включены следующие компоненты:

- a) базовый словарь;
- b) лексико-грамматический классификатор;
- c) терминологические словари;
- d) словарь идиом;
- e) словарь сокращений;

- f) словарь синтаксических валентностей глаголов;
- g) совокупность правил морфологического и синтаксического анализа;
- h) правила синтеза текста на языке перевода;
- i) механизм настройки на предметную область.

Центральной проблемой автоматической обработки текстов на лексическом уровне до сегодняшнего дня остается проблема омонимии. Задача автоматического (реже полуавтоматического) разрешения лексической многозначности была впервые сформулирована в рамках направления науки и технологии, связанного с созданием систем машинного перевода. На сегодняшний день это критическая проблема повышения качества систем для указанного направления компьютерной лингвистики.

Различают два основных класса механизмов разрешения многозначности.

- a) Механизмы автоматические, предполагающие полностью компьютерное решение этой задачи.
- b) Механизмы интерактивные (диалоговые, полуавтоматические), предполагающие совместное решение задачи человеком и компьютером, и сводятся к тому, что компьютер предоставляет пользователю набор альтернатив, из которого он должен выбрать один вариант.

В создаваемой системе машинного перевода проблема разрешения омонимии решается автоматическими методами. Во многих случаях однозначный выбор эквивалента для перевода омонима производится на этапах лексико-грамматического кодирования и синтаксического анализа предложения. Однако в значительном количестве случаев омонимия остается неразрешенной даже после синтаксического анализа. Для таких случаев был создан словарь лексических валентностей, представляющий собой перечень возможной сочетаемости определенных лексем с одним из омонимов. На этапе синтаксического анализа предложения при необходимости выбора одного из нескольких вариантов перевода система проверяет, присутствуют ли возможные "спутники" омонима в данном предложении, и при наличии таковых выбирается единственно правильный эквивалент.

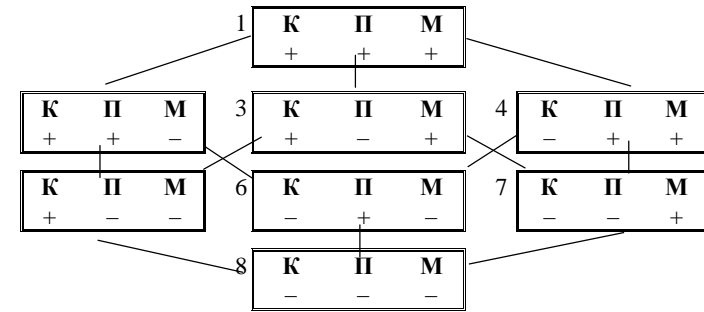
Каждая строка в словаре представлена искомой лексемой и ее однозначным переводом в сочетании с возможной соседней лексемой (при наличии знака "звездочка" (*) при переводе учитываются любые словоформы данной лексемы):

*рэч[=*речь] *паспаліты.

Представим систему лексической омонимии в виде трехмерного графа-классификации и покажем использование словаря валентностей в каждом комбинаторном случае. Основные признаки для омонимичной пары – это:

- a) класс словоформ (часть речи) – К,
- b) грамматическая позиция словоформы – П,
- c) принадлежность к одной корневой матрице – М.

Таким образом, имеется всего восемь комбинаторных вариантов при наличии или отсутствии определенных признаков:

Подсистема 1 в соответствии с условиями должна содержать одноклассовые объекты одного класса в одной позиции. Таким условиям может отвечать только разошедшаяся полисемия. В представленном примере в белорусском языке:

положение*[=месцазнаходжанне*] **планета*;

положение*[=палажэнне*] **закон*.

Подсистема 2 представляет одноклассовые однопозиционные, но разнокорневые объекты:

пшеничнай мукі[=**мукі*];

мукі[=**пакуты*] *сovesці*.

Подсистема 3 содержит одноклассовые и одноклассовые объекты, которые отличаются грамматической позицией (*жара* и *жара*, *кума* и *кума*). Сюда будут входить также все совпадения при склонении слов неодушевленных в именительном и винительном падежах, а у одушевленных существительных – в родительном и винительном, например: *стайць стол* (именительный падеж), *бачу стол* (винительный падеж). Данный вид омонимии чаще всего разрешается на этапе морфологического кодирования и синтаксического анализа.

Подсистема 4 представляет различного рода субстантивированные лексемы, некоторые из которых при переводе не являются субстантивами в переводном языке:

следчы*[=следователь*] *пракураторы*;

следчы*[=следственный*] *эксперымент*.

Подсистема 5 заполняется словами одной части речи, но имеющими различные корни и разные грамматические позиции:

стэкланная банка[=**слоік*];

нацыянальнага банка [=**банка*].

Подсистема 6 имеет сильное ограничение в виде совпадения позиций при разных классах. Встречаются единичные случаи такого омонимичного совпадения, однако их тоже необходимо учитывать при машинном переводе:

густы[=**густой*] *суп*;

мае густы [=**вкусы*].

Подсистема 7 представлена однокоренными лексемами разных частей речи, стоящих в различных грамматических позициях:

варта[=*стоит*] *заўважыць*;
пагранічная варта[=*стража*].

Подсистема 8 содержит омонимы, не совпадающие ни по одному из признаков; заполнение этой подсистемы достаточно большое. Разрешение данного рода омонимии производится как на этапе синтаксического анализа, а также при помощи словаря лексических валентностей:

актавы[=*актовый*] *зал*
другой актавы[=*октавы*].

Таким образом, практически все комбинаторные варианты омонимии могут разрешаться при помощи словаря лексических валентностей, если с помощью грамматического кодирования и синтаксического анализа выбор однозначного эквивалента невозможен.

Литература

1. Головня А.И. Омонимия как системная категория языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Мн., 1996.
2. Зубов А.В., Зубова И.И. Основы лингвистической информатики. Часть 2. 3. Компьютерная лингвистика, Мн., 1992.
2. Карпов В.А. Язык как система. Мн., 1992.
3. Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. М., 1983.
4. Совпель И.В. Инженерно-лингвистические принципы, методы и алгоритмы автоматической переработки текста. Мн., 1991.

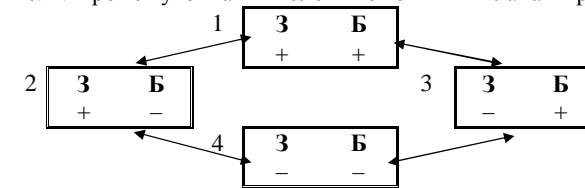
Д.Н. Гомон (Минск, БГУ)

ИЗОМЕРИЯ И ОМОНИМИЯ КАК СИММЕТРИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Понятие лингвистической изомерии как наличие словоформ, одинаковых по составу фонем, но различных по порядку следования фонем и их лексическому значению введено В. А. Карповым, развито С. Г. Барбук в работе, посвященной анализу лингвистической изомерии на разных уровнях. Пример перестановок типа "**Не** мне это надо. Мне **не** это надо. Мне это **не** надо." является одним из видов лингвистической изомерии. В плане выражения изомерия и омонимия — явления подобные, ибо характеризуются симметрией формы (разница только в порядке следования элементов) при асимметрии (хотя бы диссимметрии) содержания. Показав изоморфизм явлений, мы точнее определим место этих феноменов в числе других лексических явлений.

В противоположность взглядам многих исследователей, опиравшихся только на фонетическую или только на графическую сторону плана выражения, примем за равновозможные и равноценные оба варианта. Обозначив звуки через (З), буквы как (Б), их совпадение в словоформе как (+), несовпадение как (–), построим плюс–минусовой куб (рис. 1), показывающий виды омонимов по плану выражения. Строчная и прописная считаются разными буквами, так же, как и ударная и безударная гласные.

Рис. 1. Промежуточная типология омонимии плана выражения

В подсистеме 4 (– –) по признакам находится универсум (все множество словоформ), а в нем — все омонимы до начала их классификации. После классификации в ней останутся все неомонимичные пары, тройки и т. д. слов (разной или одинаковой длины) независимо от того, могут ли они омонимизироваться в дальнейшем: *ау — здравствуйте, до — дол — доль, шлем — шлём* (именно в такой графике), *ком — сом — том — пом* (видна смысловозначительная функция фонемы). Омонимы в этой подсистеме достаточно многочисленны и однотипны: *Борей — борей, Валю — валю, Вали — вали, Горе — горе, Иду — иду, Коли — коли, Лине — лине, Машу — машу, Норе — норе, Полю — полю, Саши — саше, Тони — тони, Ума — ума* и т. п.

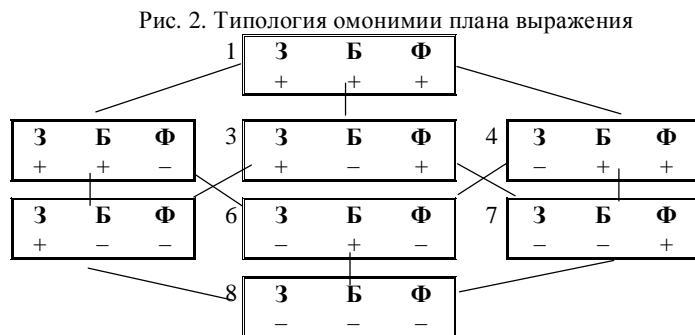
В подсистеме 3 (– +) слова различаются фонетически, но совпадают графически: *потом — потом, парить — парить, семью — семью, воле — воле, спешить — спешить*; также имена собственные *Адам — Адам, Эду* (от Эд) — *Эду* (неизменяемое); *intervēnit* (praes. ind. act., 3.sing., [он приходит]) — *intervēnit* (perf. ind. act., 3.sing., [он пришел]).

В подсистему 2 (+ –) входят слова, которые совпадают фонетически, но различаются графически: *труд — трут, дог — док, камее — камеи, eris* [ты будешь] — *aeris* [меди] {звучат — [эрис]}. Здесь же находится омонимия имен собственных и нарицательных: *Шахты — шахты, ГАЗ — газ, Коли — коли* (союз).

В подсистеме 1 (+ +) по условиям будут фонетически и графически совпадающие слова: *тонить — тонить — тонить, дучис* [ты ведешь] — *дучис* [вождь]; *Колю — Колю* (от Коля и Коль), *Поля — Поля* (от Поля и Польша).

Приведем пример грамматической омонимии. Слова первого склонения в латинском языке типа *rosā* (nom. sing.) — *rosā* (abl. sing.) не различаются графически, ибо долгота/краткость на последнем **а** не всегда ставится (нет двух разных букв **ā** и **ă**). Разница в произнесении для носителя русского языка нерелевантна, хотя, судя по системе латинского стихосложения, опирающейся на чередование долгих и кратких слогов, существует или существовала раньше. Это слова различаются фонемами **ā** и **ă**, что означает, что полная система омонимии плана выражения должна иметь и имеет три признака: (З) — звук или различие на фонетическом уровне, (Б) — буква или различие графем элементов омонимов, (Ф) — фонема или различие на фонематическом (абстрактном, мысленном) уровне (буква, которую мы пишем в данном конкретном слове, слыша некоторый звук, соотносимый с графемой или не соотносимый).

Исходя из вышесказанного, обозначим признаками **З, Б, Ф** три различных, но равноправных вида первоэлементов, через (+) их совпадение и через (-) их несовпадение у обоих элементов омопары и построим целостную непротиворечивую систему омонимии (рис. 2) применительно к плану выражения. В формальном виде эта система является универсальной и пригодна для доказательства аналогичных типологий омонимии по плану выражения в любом естественном языке на основе признаков *звук, буква, фонема*, т. к. представляет собой типологию омонимии:

Построенный ЗБФ-куб, наполним изомерами и омонимами из латинского и русского языков (для латинского "мертвого" языка это актуально). Итак, по тем же признакам, но при другом универсуме (объектом изучения является множество омонимов или изомеров) мы имеем две изоморфные системы.

Подсистема 8 (- - -). Здесь по определению не должно быть омонимов изомеров, а содержится лексический универсум до его классификации в терминах ЗБФ и распределения лексем по другим подсистемам шестью и только шестью путями. Данная подсистема необходима как переходник, связывающий эту систему с другими. Она может содержать иные признаки различия явлений помимо тех трех, которые указаны выше (например, паралингвистические или экстралингвистические). Тут же оказываются другие явления: паронимы, антонимы, синонимы, отличающиеся структурно от омонимии и изомерии. Эта подсистема является базой оппозиции для двух явлений (омонимия на фоне неомонимии, изомерия на фоне неизомерии).

Подсистема 7 (- - +) содержит примеры типа *Арно* — *рано*, *приём* — *примой*; *РАО* (ракетная астрофизическая обсерватория — рао) — *ора*; *ōrām* [границу] — *Mārō* [согнотен Вергилия] и т. д. Это фонематические изомеры. Сюда также попадут омонимы, совпадающие только по фонемному составу: *Поля* — *поля*, *Осин* 'имя' — *осип*, *Оно* 'имя собственное' — *оно* и т. д. Для латинского языка примеров пока не обнаружено, но непустоту системы может подтверждать фонетико-графический вариант *Kaisares* (nom. pl.) — *Caesares* (acc. pl.), где диграф **ae** (дифтонг **ai**) — варианты одной фонемы **ai**, но могут произноситься как [ай] или [э].

Подсистема 6 (- + -) включает в себя графические изомеры типа *приятный* — *приятный*, *банек* — *банке*, *комдив* — *видком*; *bēā* [буква] — *tābē* [гниение], *mūrēs* [мышь] — *sērūt* [позднее время]. Аббревиатуры-изомеры также войдут сюда: *БАЛ* (блок арифметико-логический) и *ЛБА* [эл-бэ-а] (легкобомбардировочная авиация). По определению тут же должны быть омопары, содержащие одни и те же графемы при разных звучании и фонемном составе: *jacēre* [бросить] — *jacēre* [лежать]. В данном случае будем считать **ē** — **ē** одной и той же буквой **e**, но разными фонемами **ē** — **ē**, что повлияло на ударение. Исторически эти формы имели вид *jacīse* — *jacēse*, т. е. отразившееся на письме фонетическое изменение **ī** — **ē** перед **r** (из **s**) привело к омонимизации этих форм. Такие омонимы можно назвать графическими из-за совпадения их буквенного состава (графической формы — чистые омографы в традиционной подаче, если не считать состав фонем). В русском языке к таким отнесем *полиграфические* омонимы: *карате* (вариант каратэ) — *карате* от *карат*, *небо* — *небо* (нёбо), *рек* — *рек* (рёк), а также *жесток* как краткая форма от *жестокый* — *жесток* от *жесткий* и т. д. При различии их и на письме такие пары выйдут из разряда омонимов.

Подсистема 5 (+ - -) содержит примеры типа *краб* — *парк*, *труб* — *прут*, *полям* — *ляпам*, *приём* — *прямой*; *мол* (1 и 2), *лом* (1 и 2) — *ЛОМ* (линейное отделение милиции — звучит *лом*); *nātā* [дочь] — *Tānā* [Танас, река], *Rēmūs* [ремы (племя)] — *sērūt* [сыворотка]. Тут также находятся омонимы, совпадающие только фонетической формой: *Poenis* (abl. pl. от *Poenus* [пуниец]) — *rēnis* [пенис], *obēdi* [разъезжать] — *oboedi* [прислушаться, подчиняться] из *obaudi*. Словоформы различаются как графикой **P** — **p**, **oe** — **ē**, так и фонематикой **oi** — **ē** и **au** — **ē**. В русском языке это пары типа *полог* — *полок*, *труд* — *прут*, *батарея* — *батареи* и т. д. Видим, в русском языке попадание в эту подсистему происходит либо за счет редукции гласных, либо оглушения согласных в конце слова перед нулем звука (в данном случае изменение фонетики является фактором схождения — изомеризации или омонимизации). Особенности фонематических различий обусловлены фонетическими изменениями либо после заимствования, либо после того, как дифтонг оказался на стыке морфем.

Подсистема 4 (- + +) включает в себя примеры графико-фонематической изомерии или омонимии типа *мойка* — *мокай* (как вариант для макай) — *мойка* (при этом одновременно можем исследовать не только графическую, но и фонетические слова), *краб* — *барк*; *vālē* [будь здоров, прощай] — *lēvā* [делай гладким], *sigma* [клеймо, сигма] — *magis* [более]; *мою* — *мою*, *потом* — *потом*, *полог* — *полог* и многие другие. Для омонимии не удалось найти пример в латинском языке, где невозможно, чтобы пары словоформ, сходные графически и фонематически, по-разному произносились. Чтобы показать непустоту системы, приведем фонетический вариант разного произнесения *caelum* (nom. sing., [небо]) — *caelum* (acc. sing.) [цэлюм — кайлюм]. Эта подсистема является антиподом подсистемы 5, поэтому попадание сюда обусловлено тем же оглушением звонкого на конце слова (при этом оно уже является фактором дивергенции) и редукции неударного гласного, а фактором является различие в ударе-

нии. Сюда также включены пары с различным ударением, а равно случаи с одинаковым ударением *тесте* из *тест* [тэст] — *тесте* из *тесть* или *тесто*.

Подсистема 3 (+ - +) содержит различающиеся графикой фонетико-фонематические омонимы или изомеры типа *проём* — *промой* — *про мой*, *рай* — *яр*, *Илью* — *июль*, *Алтай* — *латай*, *Илью* — *и Юль*; *nāīā* [дочь] — *Tānā* [Танас, река], *rūtēs* [рубцы] — *mūrēs* [мышь]; *поле* — *Поле*; *Vēnus* [Венера] — *vēnus* [любовь], *Venēres* (nom. pl.) — *venēres* (2 sing., praes conj. act. от *venēro*(I) [украшать]). Здесь же будут и графические варианты, не различающиеся произношением и фонематикой (**С** и **К** считаем одной фонемой): *Calendīs* (dat. pl.) — *Kalendīs* (abl. pl.). Таким же примером для данной подсистемы будут пары типа *ожог* — *ожег*, *туш* — *тушь*, *мыш* — *мышь*. Во всех русских примерах есть *j* как фактор изомеризации, а также связанные с его наличием изменения в графике. В остальных случаях фактором является различие прописной и строчной букв. Для аббревиатур приведем пример *БАЛ* (блок арифметико-логический — звучит *бал*) — *лба*.

Подсистема 2 (+ + -) будет содержать графико-фонетические изомеры, различающиеся только фонемами. В русском языке для полнозначных слов такие и омонимия, и изомерия невозможны. В латинском языке данная подсистема не пуста в отношении полнозначных слов: *sēcāle* [рожь] — *ēscāle* [столовое], *rāsō* (part. perf. pass., abl. sing. [скоблить]) — *rōsā* [роза], *rēmūs* [весло] — *sērūm* [сыворотка], *sīta* [построенная] — *īsta* [эта]; *terrā* (nom. sing.) — *terrā* (abl. sing.), *adventūs* (nom. sing. [пришествие]) — *adventūs* (gen. sing.); а также лексико-грамматические омонимы типа *vēnūs* (nom. sing. [любовь]) — *vēnūs* (gen. sing. [продажа]), и чисто лексические *lēvis* [гладкий] — *lēvis* [легкий]. Дивергентным признаком является фонологически значимое для латыни различие долготы и краткости гласного. Для русского языка различие долготы-краткости фонем незначимо, однако непустоту данной подсистемы можно проиллюстрировать на примере аббревиатур типа *ЗАК* (зенитный артиллерийский комплекс) — *КАЗ* (Красноярский алюминиевый завод — звучат соответственно *зак* и *каз*), *РМС* (рабочий молодежный союз; ремонтно-механическая станция; рыбоводно-мелиоративная станция). Здесь при одинаковом произнесении и написании [**Р** и **М**] имеют этимологически разный фонематический исход (тверд. — тверд., мягк. — мягк. и тверд. — мягк.). Этот тип омонимии и изомерии ранее не выделялся.

Подсистема 1 (+ + +) включает в себя примеры типа *майка* — *кайма*, *барк* — *брак*, *мать* — *тьма*, *муть* — *тьму*, *мышь* — *тьмы*, *бульба* — *бабуль*; *Арон* — *Арно*; *mērus* [неразбавленный] — *sērūm* [сыворотка], *магма* [магма] — *гамма* [гамма] (в последнем случае для изомеров, пришедших в русский язык и в латынь из греческого, будет сохраняться изомерия во всех соотносимых формах в греческом, латинском и русском языках); омонимы, совпадающие в графико-фонетико-фонематической формах: *paro* [готовить] — *paro* [приравнивать] — *paro* [барка], *intremūlus* [дрожащий] — *intremūlus* [бестрепетный]; *ласка* — *ласка* (частичное различие в парадигмах), *топить* — *топить* — *топить*

и пр. Таким образом, здесь находятся лексические и лексико-грамматические омонимы, а также примеры полисемии.

Подытоживая описание всех восьми подсистем, отметим, что для каждого языка наполнение всех подсистем необязательно и зависит от принципов графики, орфографии, фонетики и фонологии конкретного языка (фонематический, фонетический, иероглифический). Мы проиллюстрировали наполнение всех теоретически заданных подсистем классификации на примерах омонимов и изомеров двух разных языков. Этим мы подтвердили действенность классификации, а также наметили возможные способы развития данных явлений в том или ином языке. При такой классификации видны различия между, например, русским языком, где распространена редукция гласных и оглушение согласных, и латинским, где норма этого не позволяет. Такая классификация может быть построена для любого языка и использована при сравнительном описании языков с учетом группового характера явлений омонимии и изомерии по признакам ЗБФ. Также отметим, что в большинстве случаев факторами омонимизации и изомеризации в соответствующих подсистемах являются такие же или сходные процессы.

М.Ю. Крылович (Минск, МГЛУ)

СИСТЕМНЫЕ ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ У СЛАБОСЛЫШАЩИХ

Процессы восприятия и порождения устной речи остаются в русле проблематики, *актуальной* для фонетической науки и в настоящее время. Одной из неисследованных в лингвистике проблем является освоение просодии родной и иноязычной речи при нарушенном слуховом восприятии.

Смысл устного сообщения актуализируется с помощью сегментных и супraseгментных средств языка. Сегментные средства включает в себя звуки речи и их сочетания, располагающиеся последовательно в речевом потоке. Супraseгментные характеристики составляют основу просодии связной речи, которые мы воспринимаем как ее мелодику, ритм, ударения и темп. Просодия выполняет две функции: организующую и смыслообразующую. Первая из них реализуется при помощи речевого ритма, вторая — мелодики. В научных работах просодия рассматривается как самостоятельная подсистема в общей системе языка, обладающая собственными формальными и содержательными единицами.

Значимость просодии как одного из ведущих средств коммуникации, выполняющего созидательную функцию в построении и понимании устной речи, неоднократно отмечалась многими исследователями. Подчеркивалась ее важность для выражения семантики устного сообщения, так как именно просодическая структура дает слушающему первую ориентацию в поиске смысла сообщения. Неадекватное восприятие и продуцирование просодических характеристик в количественном и качественном аспектах не позволяет индивиду ни

полноценно передавать информацию, ни адекватно интерпретировать получаемое сообщение.

Общезвестно, что ребенок овладевает устной речью на основе ее слухового восприятия и подражания. Полноценное слуховое восприятие является необходимым условием нормального развития артикуляционных и фонационных навыков, обеспечивая возможность адекватного восприятия и воспроизведения фонетических единиц родного языка. Ребенок, лишенный слуха, без специального педагогического воздействия обречен на немощь. Естественный процесс формирования перцептивной и фонационной базы речи нарушается уже в раннем детстве, что вызывает отклонения от нормы реализации как сегментных, так и просодических единиц.

Научно доказано, что в раннем речевом развитии нормально слышащего ребенка формирование просодических структур происходит раньше, чем появление способности дифференцировать фонемы и артикулировать звуки [1]. Поэтому становление элементов сверхсегментного уровня является для детей с дефектами слуха даже более важной задачей, чем точная артикуляция сегментных единиц. Кроме того, именно просодические отклонения являются более устойчивыми и больше влияют на смысл высказываний, чем неточная артикуляция фонем.

Просодия чрезвычайно важна в процессе коммуникации, но она является наиболее слабым звеном в речевом развитии незлышащих. В этой связи в практике обучения слабослышащих языкам возрос интерес к поиску новых подходов к формированию просодических структур речи, учитывающих особенности данной категории детей.

Английская устная речь белорусов с дефектом слуха значительно отличается от речи нормальнослышащих носителей языка. Ей недостает внятности, она монотонна и отрывиста, характеризуется намного меньшей вариативностью интонационных структур, бедностью функционально значимыми вариантами просодии, передающими семантические изменения. Монотонность речи создается повторением одних и тех же мелодических структур вне зависимости от коммуникативного типа фразы. Отклонения наблюдаются на уровне слова, проявляясь в нарушении его ритмической структуры ввиду затянутого произнесения слогов, иногда с межслоговыми паузами, отсутствия характерного для английской речи четковыраженного контраста ударных/безударных слогов. Слова характеризуются замедленным темпом и его неустойчивостью даже при многократном воспроизведении. Системные нарушения проявляются и на уровне реализации основной коммуникативной единицы — фразы: это ненормативное начало или завершение тонов; замедленный темп; неправильная расстановка пауз и гораздо большая их длительность, чем в норме; нарушенная ритмика фонетических слов и фраз. Отклонения в ритмической организации речи отмечаются главным образом при реализации полных ударений. Следствием данных отклонений является неправильное и невыразительное интонационное и ритмическое оформление речи. Выявленные просодические отклонения в просодической структуре фраз-высказываний свидетельствуют о недоста-

точном владении незлышащими "виртуальной логико-семантической структурой языка" и о неполной осмысленности семантико-синтаксической структуры предложений [2].

Указанные отклонения от просодической нормы носят не индивидуальный, а системный характер. Нарушая ритмическую и мелодическую структуру фраз, они приводят к полной невозможности диалога как основы общения на любом, родном или иностранном, языке и достижения взаимопонимания среди его участников.

Очевидно, что для овладения английским языком слабослышащим необходимо усвоить его просодическую систему, знать ее особенности в сравнении с системой родного языка, знать особенности реализации этой системы в виде различных просодических норм, вырабатывать слуховые образы и артикуляционные навыки правильной реализации просодических единиц [3].

В формирующем эксперименте использовалась новая технология развития устной речи детей с нарушениями слуха на родном и иностранном языках — полисенсорный лингвотренинг. Совершенствование восприятия и воспроизводства просодических структур английского языка осуществлялось путем воздействия на перцептивную базу обучаемых сенсорной информации разных биологических модальностей: слуховой, зрительной, тактильно-кинестетической, необходимых для формирования соответствующих фонологических эталонов перцептивной базы изучаемого языка в условиях дефицита слуха. Эксперимент предполагал создание комплекса условий для наиболее адекватного восприятия и продуцирования мелодических и ритмических структур английского языка и включал следующие этапы.

Этап 1 — использование информации зрительной модальности, связанной с представленностью структуры фразы в буквенно-графическом коде языка. Этап 2 — использование информации зрительной модальности, несущей информацию о ритмико-мелодической структуре фразы-эталона в процессе визуализации ее интонационного контура. На этом этапе эксперимента использовалась система обозначений по О'Коннору и Арнольду с указанием 4-х направлений движения тона: восходящий, нисходящий, нисходяще-восходящий и ровный тоны и их трех уровневых градаций — высокий, средний, низкий. Этап 3 — дополнение восприятия речи, достигнутого на первых этапах, информацией зрительной модальности в виде схематического изображения движения тона во фразах, несущей информацию о ритмико-мелодической структуре фразы-эталона в процессе визуализации ее интонационного контура. Этап 4 — использование информации тактильной модальности о ритмической структуре фразы-эталона, дополняющей зрительное восприятие первых двух типов. Тактильная модальность подключалась через мануальные макродвижения испытуемых, выполняемые совместно с экспериментатором, по интонационной схеме-эталону каждой фразы. Этап 5 — содержал в развернутом виде информацию всех видов модальности, которая использовалась при работе на приборе обучающего комплекса "Лингвотренажер", специально сконструированном для индивидуальной деятельности обучаемых, полностью сопряженной

СИСТЕМА ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОГО АУДИОВИЗУАЛЬНОГО СИНТЕЗА РЕЧИ И ЕЁ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Описывается модель системы аудиовизуального синтеза речи, позволяющая осуществлять персонализированный синтез речи русской по тексту, сопровождающийся речевой мимикой персонализированной "говорящей головы". Рассмотрены некоторые возможные практические приложения разработанной системы.

Мировая тенденция развития речевых технологий указывает на актуальность органичного включения визуальной информации в качестве дополнительного канала восприятия и распознавания речи [0]. Визуальная информация очень важна при распознавании и восприятии речи в шумах и может также стать полезным дополнением при обучении и реабилитации артикуляции звуков русской речи. Число исследований в области аудиовизуального распознавания и синтеза речи постоянно увеличивается. Разработкой бимодальных систем синтеза речи занимаются, в частности, научные коллективы Кембриджского университета, Великобритания; Политехнического университета, Монз, Бельгия; Университета Крита, Греция; Университета в Загреб, Хорватия; Университета Западной Богемии, Чехия.

Для решения задачи создания систем аудиовизуального синтеза речи (часто называемых "Говорящая голова") существует два подхода: имитационный, при котором создаётся 2D или 3D модель лица и настраиваются управляющие параметры для передачи мимики, выражения лица и движения губ при говорении [0], и компиляционный, при котором "говорящая голова" формируется путём выбора соответствующих видеофрагментов или изображений из визуальной БД конкретного диктора [3].

Преимуществом первого подхода является меньший физический объём данных, необходимых для синтеза визуальной речи. К недостаткам имитационного подхода можно отнести большую вычислительную сложность его реализации, а также недостаточно реалистичные результаты при персонализации "говорящей головы", связанные с неизбежной схематичностью отображения речедвижений (рис. 1).

Рис. 1. Примеры реализации компьютерной "говорящей головы"

с руководством ею со стороны экспериментатора. Целью данного этапа эксперимента является интериоризация у испытуемых просодии, созданной в нормативно приближенном варианте, и развитие навыка извлечения сформированных просодематических обобщений из памяти. Этап 6 – контрольное воспроизведение испытуемым отработанной фразы и запись ее на магнитную ленту.

Как показали результаты эксперимента, освоение просодии иноязычной речи представляет для лиц с нарушением слуха особые трудности из-за отсутствия ее системного представления в перцептивной базе индивида, что приводит к серьезным отклонениям в понимании и передаче смысла устного высказывания. Однако акцентно-ритмическая и мелодическая структура фраз у испытуемых с разной степенью нарушения слуха совершенствовалась в ходе эксперимента. Все испытуемые сумели достичь топологического эквивалента тренируемого эталона при его многократном воспроизведении с помощью ОК "Лингвотренажер". Освоение ритмических структур английского языка является первостепенно важным звеном в процессе речепроизводства и речевосприятия, поскольку они являются опорными составляющими просодии, осуществляющими логическую организацию речи. Формирование просодических эталонов, составляющих базовые ритмические структуры английского языка, наиболее успешно осуществляется путем полисенсорного лингвотренинга. Развертывание информации о нормативной просодии в слуховой, зрительной и тактильной модальностях, затем ее свертывание на этапе намеренной имитации для интериоризации просодии позволяет сформировать у испытуемых достаточно адекватной нормативному эталон.

Экспериментальное исследование динамики освоения лицами с нарушенным слухом разновидностей коммуникативного типа повествования и вопроса в английском языке показало улучшение высотно-тональных и ритмических характеристик речи всех испытуемых: реализация высотно-тональных характеристик ядра и ядерной части адекватна эталону, интонационного контур соотносится с коммуникативным типом фразы, улучшается общая ритмика фраз.

Благодаря использованию технологии полисенсорного лингвотренинга формирование системных просодических характеристик английской речи у слабослышащих становится управляемым процессом.

Литература

1. Винарская, Е.Н. Раннее речевое развитие ребенка и проблемы дефектологии / Е.Н. Винарская. М., 1987.
2. Евчик, Н.С. Просодия и семантизация речи незлышащих / Н.С. Евчик // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. — Мн., 1998. — ч. 3.
3. Метлюк, А.А. Просодия белорусского языка в условиях двуязычия / А.А. Метлюк. Минск, 1982.

При компиляционном подходе требуемый объём БД возрастает, при этом, однако, вычислительная сложность реализации существенно уменьшается. Кроме того, компиляционный подход представляется более предпочтительным при создании системы *персонализированного* аудиовизуального синтеза речи по тексту, которое стало возможным благодаря успешному развитию теории и технологии компьютерного клонирования персональных характеристик голоса и речи [4].

1. Компиляционная модель синтеза видеонизображений речи

В основу компиляционного метода положен метод плавной сшивки отдельных кадров изображения, предложенный ранее для плавной сшивки звуковых волн в микроволновом синтезаторе речи [5]. Основная идея компиляционного синтеза видеонизображений речи заключается в следующем:

1. Полное множество фонем русской речи $\{Ph\}$ разбивается на M подмножеств $\{Ph_i\}$, каждому из которых соответствует определённая визема.

2. Для каждой виземы устанавливается её относительная длительность N_v , определяемая числом кадров показа изображения виземы:

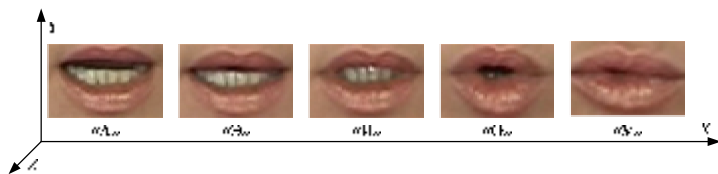
$$N_v = k \frac{T_a}{n} + 1 \quad (1)$$

где T_a – длительность текущего аллофона⁴⁰, задаваемая синтезатором речи, k – коэффициент, изменяющийся на интервале [0-1], текущее значение которого определяется типом синтезируемого аллофона, n – число кадров в секунду, согласно стандартам видеоформатов, равное 24.

3. Для каждой пары визем устанавливается длительность перехода от одной виземы к другой, задаваемая таблично числом переходных кадров.

Определение необходимого и достаточного набора визем осуществляется на основе известной классификации фонем и аллофонов русской речи по артикуляторным признакам способа и места образования с учётом эффектов коартикуляции и редукции. Как показали исследования [6], для русской речи практически полностью скрытой остаётся динамика движения тела, кончика и боковинки языка, нёбной занавески, голосовых связок. Обзору доступны лишь движения губ и нижней челюсти. Наиболее яркие различия в виземах связаны с изображениями губ говорящего (рис. 2).

Рис. 2. Виземы гласных фонем

Исходя из описанных выше явлений, выбран необходимый и достаточный набор визем русской речи, представленный в таблице 1.

Таблица 1. Соответствие "фонема-визема" для аудиовизуального синтеза речи

Визема	Аллофоны фонем	Визема	Аллофоны фонем
V ₀	пауза	V ₉	Ф, В
V ₁	А ₀ , А ₁	V ₁₀	Ф', В'
V ₂	Е ₀ , Е ₁	V ₁₁	Ц, С, З, Д, Т, Н
V ₃	И ₀ , И ₁ , И ₂ , И ₃	V ₁₂	С', З', Д', Т', Н'
V ₄	О ₀ , О ₁	V ₁₃	Г, К, Х
V ₅	У ₀ , У ₁ , У ₂ , У ₃	V ₁₄	Г', К', Х', Й'
V ₆	Ы ₀ , Ы ₁ , Ы ₂ , Ы ₃ , А ₂ , А ₃ , Е ₂ , Е ₃	V ₁₅	Ч', Ш', Щ, Ж
V ₇	Б, П, М	V ₁₆	Л, Р
V ₈	Б', П', М'	V ₁₇	Л', Р'

Процесс создания изображений визем может быть выполнен двумя способами: с использованием моментальных фотографий лица диктора, который имитирует произношение того или иного звука, соответствующего каждой виземе, и с использованием видеосъёмки диктора, произносящего фонетически сбалансированный текстовый корпус. Опыт создания визем показал, что второй способ является более предпочтительным с точки зрения соответствия полученных визем положению артикуляторных органов в процессе говорения, хотя и является более трудоёмким.

2. Система аудиовизуального синтеза речи по тексту

Общая структура системы аудиовизуального синтеза речи по тексту представлена на рисунке 3.

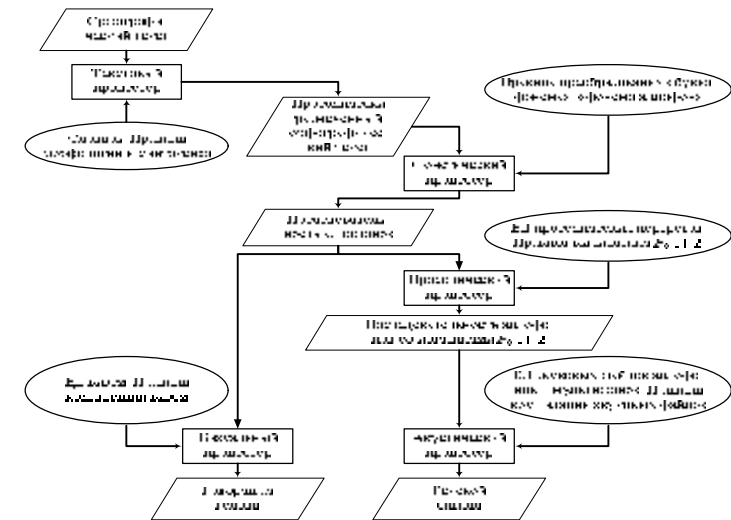

Рис. 3. Общая структура системы аудиовизуального синтеза речи по тексту

Входной орфографический текст последовательно подвергается преобра-

⁴⁰ аллофон – звуковая реализация фонемы в потоке речи

зованиям, осуществляемым несколькими процессорами: текстовым, фонетическим, просодическим, акустическим и визуальным. Особенностью реализации системы аудиовизуального синтеза речи по тексту является совместная работа визуального и акустического процессоров.

3. Перспективы практического использования системы

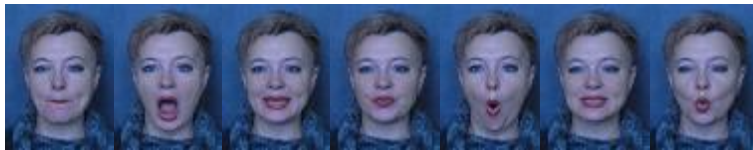
Созданная система может быть встроена и использоваться как компонент в комплексных системах дистанционного обучения с персональным виртуальным учителем; в информационных киосках; в авиационных тренажёрах; в мобильных телефонах для озвучивания SMS-сообщений; в говорящих рекламных роликах, а также в составе тренажёра для постинсультной реабилитации устной речи.

В качестве примера на рисунке 4 представлены примеры 7-ми визем для различных звуков речи, полученных на основе киносъёмки лица профессионального логопеда, специализирующегося на проблемах восстановления речевой функции при афазии (постинсультной реабилитации речи). Аудиовизуальный синтезатор речи, в основу которого положены персонализированные наборы визем и аллофонов профессионального логопеда, планируется в дальнейшем использовать в составе компьютерного тренажёра для постинсультной реабилитации устной речи.

Ошибка! Закладка не определена.

/П/ /А/ /Э/ /Ф/ /О/ /И/ /У/

Рис. 4. Примеры визем различных звуков речи

Литература

1. Issues in Visual and Audio-Visual Speech Processing. – Cambridge: MIT Press, 2004. – 478 p.
2. Tekalp A. M., Ostermann J. Face and 2-D mesh animation in MPEG-4 // Signal Processing: Image Communication, Special Issue on MPEG-4. – 2000. – V. 15. – P. 387-421.
3. Cosatto E., Graf H.P. Photo-realistic talking-heads from image samples // IEEE Transactions on Multimedia. – Sept. 2000. – V. 2. – P. 152-163.
4. Лобанов Б.М. Компьютерное клонирование персонального голоса и речи // Новости искусственного интеллекта – 2002. – № 5(55). – С. 35-39.
5. Лобанов Б.М. Микроволновой синтез речи по тексту // Анализ и синтез речи: сб. науч. тр. – Минск: Ин-т техн. кибернетики, 1991. – С. 21-38.
6. Karpov A., Tsirulnik L., Železný M., Krňoul Z., Ronzhin A., Lobanov B. Study of Audio-Visual Asynchrony of Russian Speech for Improvement of Talking Head Naturalness // Speech and Computer: proc. of International conference SPECOM'2009. – S.-Petersburg, June 21-25, 2009. In print.

Н.К. Рубашко, Г.П. Невмержицкая (Минск, БГУ)

К ВОПРОСУ РАЗРАБОТКИ СЛОВАРЕЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ "МАШИННЫЙ ФОНД БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА"

В научно-исследовательской лаборатории интеллектуальных информационных систем БГУ в рамках Государственной программы "Электронная Беларусь" была создана информационная система "Машинный фонд белорусского языка" (ИС МФБЯ). Данная система представляет собой полнофункциональный информационно-программный комплекс, создающий основу для решения большинства практических задач обработки текстов: корректировки орфографии, машинного перевода, реферирования, семантического поиска, автоматизации обучения языку и других.

Главной составляющей ИС МФБЯ является лингвистическая база знаний (ЛБЗ), включающая базу данных (классификатор свойств белорусского языка, корпуса текстов, словари) и базу данных распознающих лингвистических моделей белорусского языка, формализующих языковую компетенцию в целях автоматического анализа текста на всех уровнях его глубины.

Одним из основных компонентов любой ЛБЗ является машинный словарь (МС) естественного языка.

Существуют различные классификации типов МС, из которых можно выделить классификацию по характеру лексических единиц, включенных в словарь, и по способу организации словника. По характеру лексических единиц МС чаще всего подразделяются на словари основ и словари словоформ. По способу организации словников машинные словари подразделяются на алфавитные, обратные, частотные, тезаурусы, конкордансы и др.

Среди словарей особо выделяются двуязычные машинные словари. В таком словаре отдельной словоформе одного языка ставится в соответствие некоторое конечное множество альтернативных вариантов другого языка.

Технология разработки машинных словарей белорусского языка ИС МФБЯ включала следующие этапы:

- сбор статистического материала из различных источников белорусскоязычных документов и составление картотеки всех словоупотреблений, которые встречаются в этих источниках;
- создание на основе полученной картотеки словаря белорусского языка;
- развертывание для каждой лексической единицы всех ее грамматических форм;
- перевод каждой лексической единицы с белорусского языка на русский (для двуязычных словарей);
- перенос словаря на машинные носители информации и последующая его корректировка;
- кодирование машинных словарей с учетом разработанного классификатора лексико-грамматических свойств белорусского языка;

– автоматическое пополнение словарей за счет новых электронных текстов с развертыванием для каждой лексической единицы всех ее грамматических форм и кодирование этих форм.

Первоначальным источником для составления картотеки служили печатные тексты белорусского языка, представленные сплошными выборками по 5–10 тысяч словоупотреблений из СМИ и литературы по литературоведению, языкознанию, биологии, химии, медицине, технике, физике, праву, истории и др.

В дальнейшем словари пополнялись за счет различных словарных источников, учебных пособий и текстов из сети Интернет.

В состав ИС МФБЯ входят следующие словари белорусского языка:

- базовый аннотированный словарь (содержит 157 487 парадигм, что составляет 2 293 117 словоформ);
 - словарь имен собственных (15 926 парадигм);
 - словарь сокращений и аббревиатур (374 слов);
 - словарь синонимов (5 927 синонимичных рядов);
 - словарь омонимов (50 562 группы);
 - словарь антонимов (188 групп);
 - частотный словарь (16 480 слов);
 - обратный словарь (142 028 слов);
 - словарь ударений (112 227 парадигм);
- и двуязычные словари:
- белорусско-русский словарь (237 435 парадигм);
 - русско-белорусский словарь (237 702 парадигмы);
 - словарь идиом (5075 белорусских идиом);
 - терминологические словари (общее число терминов — 32 795).

Разработанный базовый словарь белорусского языка содержит слова, принадлежащие всем существующим в языке частям речи, включая причастия, а также вводные слова и предикативы, и является словарем словоформ, сгруппированных в парадигмы. Под парадигмой понимается совокупность всех грамматических форм некоторого слова, представленных вместе с соответствующими им лексико-грамматическими кодами (ЛГК). Каноническая форма слова представлена первой в парадигме.

При загрузке каждой парадигмы в память компьютера в прикладных программах парадигматический класс представляется в виде его неизменяемой части (квазиосновы) и квазифлексии, в состав которой включаются флексия и часть основы с чередованием. Квазифлексии с соответствующими им грамматическими значениями представляют уровень парадигм для языка флективного типа.

Разработанный словарь имен собственных содержит слова, которые повседневно употребительны, но, будучи именами собственными, традиционно в словари общей лексики не включаются. В состав словаря имен собственных входят словники: личных имен, фамилий и отчеств; наименований физико-географических объектов и территориальных единиц Беларуси; наименований

мировых физико-географических объектов и территориальных единиц; названия государственных и общественных организаций, религиозных праздников, литературных памятников, языков программирования.

Были разработаны словообразовательные цепочки "существительное–прилагательное", содержащие географические наименования и образованные от них прилагательные (около 1 000 цепочек). Эти цепочки являются комплексным справочником в границах тематически связанной группы слов, поскольку образование прилагательных от географических наименований — один из самых сложных вопросов словообразования. Разработанные цепочки могут использоваться при автоматическом анализе текста и его трансформации.

Словарь сокращений и аббревиатур представляет собой попытку собрать воедино и систематизировать наиболее употребительные аббревиатуры и сокращения современного белорусского языка. Особенностью данного словаря, в отличие от других словарей сокращений, является то, что в него включены только неизменяемые сокращения (например, *см, га, т.п.*) и несклоняемые буквенные аббревиатуры, для которых указана категория рода, определяемая по стержневому, центральному слову расшифровки. Сложносокращенные слова (например, *калгас*) и аббревиатуры (например, *МАЗ — Мінскі аўтамабільны завод*), изменяющиеся по падежам, включены в базовый словарь белорусского языка.

Разработанный словарь синонимов белорусского языка содержит не только синонимы в их классическом понимании, но и варианты слова (например, *дзіця — дзіцё*), необходимые для их полного отождествления при информационном поиске и синтезе текста. Данный словарь представляет собой список канонических форм слов, разделенных одним или несколькими пробелами, с приписанным каждому слову ЛГК и с возможностью получения полной парадигмы базового словаря для каждой канонической формы. Словарь синонимов был получен автоматически с использованием двуязычных словарей: белорусско-русского и русско-белорусского с последующей корректировкой и пополнением по словарям синонимов белорусского языка.

Словарь омонимов белорусского языка ИС МФБЯ представляет собой словарь омоформ (грамматических омонимов), поскольку лексические, или простые, омонимы содержатся в базовом словаре белорусского языка. В словаре омонимов не учитывается также внутрипарадигматическая омонимия, если омонимичные формы содержатся в одной парадигме (например, именительного и винительного падежей). Словарь грамматических омонимов был получен автоматически с использованием базового словаря белорусского языка.

Словарь антонимов белорусского языка ИС МФБЯ явился первой попыткой создания электронного словаря такого типа. Данный словарь представляет собой не просто список противоположных по значению слов, он содержит синонимические ряды, которые между собой являются антонимичными. Словарь антонимов белорусского языка был получен путем перевода словаря антонимов русского языка и пополнен с помощью синонимичных рядов словаря синонимов белорусского языка ИС МФБЯ.

Источником частотного словаря белорусского языка явился аннотированный корпус текстов, созданный в рамках ИС МФБЯ, поэтому вся статистика дается на основе данного корпуса. В разработанном частотном словаре за элемент словаря принимается лексема. Все лексемы представлены в исходных (канонических) формах с ЛГК и указанием абсолютной частоты встречаемости по всем текстам аннотированного корпуса. Слова с нулевой частотой встречаемости в итоговый словарь не включались.

В обратном словаре белорусского языка дается не просто список слов (точнее, их исходных словоформ), упорядоченных по концам, а каждое слово списка снабжено статистическими данными по количеству слов, оканчивающихся на любое четырехбуквенное, трехбуквенное, двухбуквенное сочетание и на одну букву. Обратный словарь автоматически строился для всего списка исходных (словарных) словоформ базового словаря белорусского языка с возможностью получения полной парадигмы для каждого слова.

Словарь ударений белорусского языка разрабатывался на основе базового словаря белорусского языка с указанием образования грамматических форм и особенностей расстановки ударения. Расстановка ударений осуществлялась автоматически по формальным признакам ударения с последующей корректировкой вручную.

Поскольку белорусский и русский языки являются языками с богатой формой флексий, то для двуязычных словарей также использовалась парадигматическая структура, описанная выше. Следует отметить, что в разработанном русско-белорусском словаре даются причастия, которые, в зависимости от типа (действительное или страдательное), могут переводиться на белорусский язык как одним словом, так и словосочетанием, имеющим в своем составе местоимение и глагол в соответствующем времени.

Словарь идиом представляет собой список двуязычных выражений. В словаре идиом включены наиболее частотные идиомы. Словарь содержит 1360 оригинальных русских идиом, каждой из которых соответствует несколько синонимичных белорусских, таким образом, количество оригинальных белорусских идиом составляет 5075.

Разработанные для ИС МФБЯ терминологические словари представляют восемь областей знания: биологию, военную науку, математику, физику, кибернетику, юриспруденцию, литературоведение, лингвистику. Особенностью разработанных тематических словарей является их двуязычность: словари представлены на белорусском и русском языках. Данные словари могут служить основой для создания тезаурусов по предметным областям.

Для доступа к разработанным словарям был разработан комплекс программных средств. Словари доступны пользователю как справочное средство (поиск слов, предоставление информации относительно словоизменения конкретных единиц словаря). Также была разработана справочно-информационная система МФБЯ, дающая возможность пользователю просмотреть как грамматические характеристики заданного слова, так и его словоизменительную парадигму, список синонимов, антонимов, правильную расстановку ударений, час-

тотные характеристики, собранные по корпусу текстов, а также варианты перевода на русский язык. При подключении корпуса текстов пользователю предоставляется возможность просмотреть указанное слово в определенном контексте.

З.І. Бадзевіч (Мінск, БДУ)

**ФАРМАЛЬНА-СЕМАНТЫЧНАЯ СТРУКТУРА ПРЫМЕТНІКАЎ
З ПРЫСТАЎКАМІ ЛАЦІНСКАГА ПАХОДЖАННЯ
Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ**

Кожная мова ў сваім развіцці і пашырэнні лексічнага слоўніка арыентуецца на найперш на ўласныя моўныя рэсурсы, узбагачаецца лексічнымі адзінкамі шляхам пашырэння семантыкі і валентнасных здольнасцей ужо назапашаных слоў. Разам з тым узбагачэнне лексічнай сістэмы мовы адбываецца і за кошт запазычанняў з іншых моў. Запазычвацца могуць як цэлыя словы, так і асобныя структурныя элементы (афіксы, каранёвыя часткі складаных слоў), якія і атрымоўваюць розныя словаўтваральныя магчымасці ў мове-рэцыпіенце. У сістэме сучасных беларускіх словаўтваральных сродкаў вялікую колькасць складаюць прыстаўкі лацінскага паходжання, якія ў многіх навуковых працах кваліфікуюцца як інтэрнацыянальныя афіксы. Іх пранікненню ў беларускую мову і актывізацыі ў сістэме словаўтварэння садзейнічаюць такія сацыяльныя фактары, як развіццё навукі і тэхнікі, рост міжнародных кантактаў у розных галінах грамадскага жыцця, вытворчасці.

Прыметнікі з прыстаўкамі (прэфіксаідамі) лацінскага паходжання (*віцэ-, дэ-/дэз-, ін-, ім-/ і-, ір- / і-, інфра-, інтэр-, квазі-, контр-, пост-, прэ-, рэ-, суб-, супер-, транс-, ультра-, экс-, экстра-*) — гэта вытворныя рознай дэрывацыйнай структуры, з рознымі матывацыйнымі сувязямі, як правіла, мона- і поліматываваныя. Монаматываванымі (аднаматываванымі) з'яўляюцца ўласна прыставачныя і суфіксальныя прыметнікі, поліматываванымі (множнаматываванымі) — прыставачныя або суфіксальныя і прыставачныя або прыставачна-суфіксальныя. Па сваёй лексіка-граматычнай прыродзе большасць з іх з'яўляюцца адноснымі. Яны называюць прымету праз адносіны да неаддушаўлёных прадметаў ці дзеянняў і праз адносіны да адушаўлёных суб'ектаў (па прыналежнасці). Гэты канцэпт адносінаў рэалізуецца праз агульнае словаўтваральнае значэнне прыметнікаў, якое канкрэтызуецца кантэкстуальна праз асобныя словаўтваральныя значэнні: 'зроблены з таго, што названа матывавальным словам' (*суперфасфатны*), які знаходзіцца ў тым месцы, якое названа матывавальным словам (*прэпазітыўны, постпазітыўны*; варыянты сучаснай беларускай мовы *прэпазіцыйны, постпазіцыйны*), 'які адносіцца да дзейнасці асобы, названай матывавальным словам' (*контрпрапагандысцкі*), 'уласцівы таму, хто названы матывавальным словам' (*віцэ-прэзідэнцкі, супершпіёнскі, праеконсульскі, экс-генеральскі, дэзарганізатарскі, контр-адміральскі*), 'прызначаны для выканання дзеяння, названага матывавальным словам', (*рэкультывацыйны, інфільтрацыйны*), 'звязаны з ажыццяўленнем та-

го, што названа матывавальным словам' (*дэмабілізацыйны*). Адзначаныя словаўтваральныя значэнні ўваходзяць у семантычную структуру дэрыватаў, якія ўтвараюцца па мадэлі "аснова прыставачнага назоўніка + суфікс = прыметнік": *прэпазітыўны (прэпазіцыйны)* 'які знаходзіцца ў прэпазіцыі', *субтрапічны* 'які адносіцца да субтропікаў', *рэканструктыўны* 'які адносіцца да рэканструкцыі'. Беспрыставачныя карэлятыўныя прыметнікі семантычна не суадносяцца са значэннем вытворных, параўн.: *контрсілавы* 'які адносіцца да контрсілы' і *сілавы* 'які выкарыстоўваецца для атрымання якой-небудзь энергіі'. Таму вытворныя такога тыпу мэтазгодна кваліфікаваць як суфіксальныя адсубстантыўныя ўтварэнні, паколькі прыстаўкі ў складзе такіх вытворных не выконваюць актыўнай словаўтваральнай функцыі.

Існуюць ад'ектывы, пры ўтварэнні якіх прыстаўкі лацінскага паходжання непасрэдна выкарыстоўваюцца як актыўныя словаўтваральныя фарманты. Сярод мадыфікацыйных словаўтваральных значэнняў прыметнікаў можна выдзеліць значэнні: а) 'процілегласці прыметы, названай матывавальным словам' (*ірэальны, інварыянтны*); б) 'які знаходзіцца паміж чаго-небудзь' (*інтэрвакальны*); в) 'вельмі высокую ступень праяўлення прыметы, названай матывавальным словам' (*супервостры, суперскладаны, ультракароткі, экстрамодны*); г) 'фіктыўнасці прыметы, названай матывавальным словам' (*квазінавуковы*). Дэрываты мадыфікацыйнага значэння не маюць фармальна-семантычнага разыходжання з базавай матывавальнай асновай — беспрыставачным прыметнікам.

Пры ўтварэнні прыметнікаў з мадыфікацыйным словаўтваральным значэннем у якасці базавых матывавальных асноў (слоў) могуць выкарыстоўвацца і цэласныя словазлучэнні, як правіла, гіпатаксічнага характару. Для такіх дэрыватаў характэрна разыходжанне фармальнай і семантычнай вытворнасці, паколькі семантычна такія прыметнікавыя дэрываты матывуюцца не асобным словам, а цэлым словазлучэннем, але ў складзе вытворнага слова фармальна прадстаўлены толькі матывавальным прыметнікам — назоўнік апускаецца. Параўн.: *дысгарманальны* 'які з'яўляецца вынікам хуткага распаўсюджання клетак з прычыны парушэння гарманальнай рэгуляцыі'; *субарктычны* 'які знаходзіцца побач з арктычным поясам'. Утварэнні такога тыпу — з'ява больш складаная, чым простая прэфіксацыя, але ўмоўна такія дэрываты ўключаюцца ў разрад прэфіксальных.

Дэрываты наступнай групы з'яўляюцца суфіксальнымі або прэфіксальнымі вытворнымі. Да іх адносяцца прыметнікі тыпу *дыспрапарцыянальны, дыскамфортны* і інш., якія карэлююць адначасова з беспрыставачнымі прыметнікамі і з прыставачнымі назоўнікамі. Прыстаўка выконвае функцыю семантычнага дадатка да значэння базавай утваральнай асновы, а суфікс — структурна-семантычную функцыю: ён пераводзіць слова з адной часціны мовы ў другую, спрыяючы сумяшчэнню ў змесце вытворнага катэгорыяльных значэнняў прадмета і прыметы. Множнасць матывацый прыводзіць да поліструктурнасці слоў "дыс- + беспрыставачны прыметнік = прыставачны прыметнік са значэннем 'процілегласці прыметы, названай матывавальным словам' (*прапарцыянальны*

— *дыспрапарцыянальны, гарманічны — дысгарманічны*) і "аснова прыставачнага назоўніка+ суфікс = прыметнік са значэннем 'які адносіцца да таго, характарызуецца тым, што названа матывавальным словам' (*дыспрапарцыя — дыспрапарцыянальны, дысгармонія — дысгарманічны*).

Да ліку поліматывавальных вытворных належаць таксама ад'ектыўныя дэрываты тыпу *пострадыяцыйны, празаходні, пракансерватыўны* і інш.. Для іх характэрна разыходжанне фармальнай і семантычнай вытворнасці, паколькі фармальна бліжэй аказваюцца наяўныя ў беларускай мове беспрыставачныя прыметнікі (у працэсе словаўтварэння выкарыстоўваюцца гатовыя лексічныя структуры), семантычна ж такія вытворныя ўсё ж звязаны з назоўнікамі, ад якіх у сваю чаргу ўтвараюцца суфіксальныя адносныя прыметнікі: *праамерыканскі* 'які дзейнічае ў інтарэсах Амерыкі' і *амерыканскі* 'які адносіцца да Амерыкі'; *субклетачны* 'які з'яўляецца больш дробны, чым клетка' і клетачны 'які адносіцца да клеткі'; *суперэфектыўны* 'які валодае высокай эфектыўнасцю' і *эфектыўны* 'які мае адносіны да эфектыўнасці'. У пэўнай ступені гэта тлумачыцца прыналежнасцю суфіксальных адносных прыметнікаў да ліку сінтаксічных дэрыватаў, якія могуць быць толькі фармальна ўтваральнымі, паколькі іх значэнне тоесна значэнню папярэдняга члена словаўтваральнага ланцужка. Лексічны дэрыват (прыставачны прыметнік) у якасці фармальна ўтваральнага слова выкарыстоўвае сінтаксічны дэрыват — беспрыставачны прыметнік, а семантычна ўтваральным словам з'яўляецца зыходнае слова рада аднакаранёвых слоў — назоўнік, ад якога і ўтвараюцца сінтаксічны дэрыват. На гэтай падставе такія прыметнікі можна лічыць або прэфіксальнымі (прэфікс мадыфікуе значэнне суфіксальнага адноснага прыметніка), або прэфіксальна-суфіксальнымі (конфікс уносіць ў матываванае слова агульнае значэнне адносінаў з прадметнай канкрэтызацыяй). Аднак у апошнім выпадку неабходна адзначыць, што ў беларускай мове існуе тыповая схема ўтварэння прыставачна-суфіксальных (конфіксных) прыметнікаў — гэта "прыназоўнік, які трансфармуецца ў прыстаўку, + аснова назоўніка + суфікс" — *безмястоўны — без зместу, прыдарожны — пры дарозе, заморскі — за морам*. Прэфіксы лацінскага паходжання практычна не маюць у сучаснай беларускай мове карэлятыўных прыназоўнікаў, да якіх яны маглі б быць узведзены, а таму і падстаў да канфікснага ўтварэння прыметнікаў практычна не існуе.

Словаўтваральныя тыпы прыметнікаў з прыстаўкамі лацінскага паходжання ў сучаснай беларускай мове ўжываюцца пераважна ў розных тэрміналагічных сферах (напр.: *праімперыялістычны, прафранцузскі* — грамадска-палітычная сфера, *субатамны, субклетачны, суб'ядзерны* — біялагічная сфера, *суперсучасны, суперэфектыўны, суперскладаны* — газетна-публіцыстычная сфера, *транскантынентальны, трансатлантычны, трансакіянскі* — геаграфічная і інш) і валодаюць рознай ступенню прадуктыўнасці.

ГЕНИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ОФИЦИАЛЬНО ДЕЛОВОМ СТИЛЕ (на материале испанского языка)

Официально-деловой стиль – это стиль документов разных жанров: международных договоров, государственных актов, юридических законов, постановлений, уставов, инструкций, служебной переписки, деловых бумаг и т.д. Но, несмотря на различия в содержании и разнообразии жанров, официально-деловой стиль в целом многими исследователями (М.И. Басаков, П.В. Веселов, И.С. Вольская, О.Я. Гойхман, И.Б. Голуб, М.В. Кирсанова, О.И. Омоле, Н.Н. Разговорова, И.Д. Суханова и др.) характеризуется общими и самыми важными чертами. К ним относятся:

1) точность, исключающая возможность интолкований;

2) языковой стандарт.

Эти черты находят свое выражение:

а) в отборе языковых средств (лексических, морфологических и синтаксических);

б) в оформлении деловых документов.

В данной статье мы рассмотрим типы генитивных отношений официально-делового стиля на примере некоторых источников на испанском языке, а именно статей 108-119, 193-198 Гражданского кодекса Испании (Шарапов, 2002) и деловых писем на испанском языке (Фирсова, 2000).

Генитивная конструкция является средством выражения притяжательности (принадлежности, посессивности), т.е. представляет собой грамматическую категорию родительного падежа.

Генитив – то же, что родительный падеж. [Ахманова, 2007: 96]

Родительный падеж – это падеж, выражающий значения принадлежности, связи, отношения и т.п. Родительный падеж конкретизируется терминологическими сочетаниями, отсюда выделяют различные виды родительного падежа.

В испанском языке О.С. Ахманова, например, выделила 6 типов родительного падежа [Ахманова, 2007: 390-391]:

1) *genitivo de abundancia* (родительный изобилия);

2) *genitivo partitivo* (родительный количественный);

3) *genitivo objetivo* (родительный объекта);

4) *genitivo explicativo* (родительный объяснительный);

5) *genitivo de definición* (родительный определительный);

6) *genitivo de relación* (родительный отношения).

В настоящей статье мы не приводим данные качественного анализа генитивных отношений (т.е. типов генитива, характерных для тех или иных официально-деловых документов). Таким образом, нас интересовали любые случаи употребления родительного падежа в исследуемых источниках официально-делового стиля на испанском языке, т.е. статьях Гражданского кодекса Испании и коммерческих письмах.

Объясним выбор данных видов текстов для исследования. Дело в том, что одним из синтаксических признаков официально-делового стиля в русском

языке является нанизывание родительного падежа, т.е. употребление цепочки имен существительных в родительном падеже:

- *resultados de actividad de los órganos de la policía fiscal ...*
- *para la aplicación de medidas de carácter público ...*
- *en el ámbito de la transparencia de la actuación de los órganos de control ...*

Из примеров видно, что в русском языке возможно нанизывание до 6-ти существительных в родительном падеже. Характерен ли данный признак испаноязычному официально-деловому стилю? Для удобства исследования мы сделали сплошную выборку из 100 случаев употребления генитивных блоков в статьях Гражданского кодекса и 100 генитивных блоков в деловых (коммерческих) письмах на испанском языке.

Под генитивным блоком мы понимаем группу взаимосвязанных слов с одним и более генитивными отношениями (т.е. употребление существительного (*sustantivo*) с предлогом *de*). Таким образом, можно встретить *однокомпонентный генитивный блок* (sust. + *de* + *sust.*), *двухкомпонентный генитивный блок* (sust. + *de* + *sust.* + *de* + *sust.*), *трёхкомпонентный генитивный блок* (sust. + *de* + *sust.* + *de* + *sust.* + *de* + *sust.*) и так далее.

Результаты наших подсчётов в текстах юридического содержания на испанском языке таковы:

- однокомпонентный генитивный блок (т.е. однократное употребление предлога *de*) в выборке из 100 генитивных блоков составил 74 случая употребления. Например:

- *la presunción de paternidad matrimonial*;
- *la determinación de una filiación*;
- *causa de la separación legal*;
- *la declaración de fallecimiento*.

- двухкомпонентный генитив (т.е. двукратное употребление предлога *de*) – 22 случая употребления. Например:

- *determinación del representante legal del hijo*;
- *la inscripción del matrimonio de los padres*;
- *la fecha del matrimonio de los progenitores*;
- *los trámites de los juicios de testamentaria*.

- трёхкомпонентный генитив (т.е. трёхкратное употребление предлога *de*) – 3 случая употребления. Например:

- *dos años contados de fecha de un riesgo inminente de muerte*;
- *mención circunstanciada del Notario autorizante de las escrituras de transmisiones*;
- *a virtud de las actas de protocolización de los cuadernos particionales*;

- четырёхкомпонентный генитив (т.е. четырёхкратное употребление предлога *de*) – 1 случай употребления. Например:

- *desde la fecha de salida de la nave del Puerto inicial del viaje*.

В юридических документах на испанском языке встречаются случаи употребления 5-ти и даже 7-ми компонентного генитива, однако они не вошли в нашу выборку, т.к. это примеры из административного соглашения, структура и стиль которого несколько отличаются от статей кодекса. Например:

- *en el artículo 12,2 de la Ley 2/1995 de 23 de marzo, de Sociedades de Responsabilidad Limitada*;
- *en el artículo 58,3 de la Ley 12/1995 de 11 de mayo, de Incompatibilidades de los Miembros del Gobierno de la Nación*.

Максимальное количество генитивных отношений, выраженных предлогом *de*, которое нам удалось встретить в деловых письмах на испанском языке – 2. Приведём некоторые примеры двухкомпонентного генитива:

- *el cheque No. 345678 del Banco de Bogotá*;
- *el valor del pedido de carpetas*;
- *la guía de embarque Air Waybill № 001-20126540 de American Airlines; copia de la guía*;
- *en el vuelo del 10 de marzo*;
- *una solicitud de información de carácter comercial*.

Основную долю в нашей выборке составил однокомпонентный генитив:

- *su experiencia de operaciones*;
- *volumen global de inversiones reales*;
- *asunto de negocios*;
- *los servicios del centro*.

В количественном выражении двухкомпонентный и однокомпонентный генитив в испаноязычном деловом (коммерческом) письме (на одну сотню употреблений) соотносится как 12/88.

Генитивные отношения ярко проявляются в экономической терминологии, употребляемой в деловых письмах, а именно в двусоставных и многосоставных терминах. Например (из Кузнецов, 2000):

Двусоставные термины:

- carta de crédito* – аккредитив;
- corriente de fondos* – движение средств;
- intercambio de deudas* – обмен долгами;
- precio de cuenta* – цена, расчётная.

Многосоставные термины:

- efecto de buena calidad* – акция/бумага высококлассная;
- precio de equilibrio del Mercado* – цена равновесия на рынке.

Н.А. Волотовская (Минск, БГУ)

СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГРУППЕ ДИАЛЕКТНЫХ НАЗВАНИЙ БЛЮД ИЗ ЯИЦ В БЕЛОРУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Лексика каждого отдельного языка представляет собой систему, основанную на разных видах синтагматических и парадигматических связей. Системная организация слов наиболее ярко проявляется при объединении их в тематические группы (названия растений, мебели и т.д.). Семантика предметной лек-

стики часто становится объектом исследования лингвистов (Ю.А. Найда¹, А. Вежбицкая², авторский коллектив под руководством Р.М. Фрумкиной³ и др.). Названия блюд неоднократно исследовались лингвистами, причем чаще всего анализу подвергались названия отдельных блюд в пределах одного диалекта или группы наречий. Такие исследования существуют как на материале белорусского (Ж.М. Буглак⁴, Г.Ф. Вештарт⁵ и др.), русского (И.С. Лутовинова⁶ и др.), так и украинского (М. Бигусяк⁷, М.М. Бубряк⁸ и др.) языков.

В данной работе представлена попытка описать, проанализировать и сопоставить случаи внутридиалектных и междиалектных системных отношений: полисемии, омонимии, синонимии, гетеронимии, а также определить модели организации значений полисемантов и способы мотивации диалектных названий блюд белорусского и украинского языков на материале названий блюд из яиц.

Названия блюд из яиц входят в состав группы названий густых блюд комплексной классификации диалектных названий блюд и представлены 41 лексемой белорусского и 21 — украинского языков.

Лексемы белорусской подгруппы превосходят своих украинских аналогов не только в количественном плане (41 против 21), но и в широком разнообразии названий отдельных видов рассматриваемых блюд.

Все, за исключением трех, украинские диалектизмы данной подгруппы имеют значение 'яичница' и представляют собой синонимический ряд лексем, распространенных в разных регионах Украины. В пределах северного диалекта встречаются следующие названия: *сшниця* (Слзп1), *пращеня* (Слзп2), *ясшниця* (Слзп2), *ясшниця* (Слзп2) — западнополесские; *смаженя* (СлМ) — среднеполесские говоры. Юго-восточный диалект включает лексемы *есшниця* (МслГ), *есшниця* (ГГ), *сшниця* (ГГ), *ісшниця* (ГГ), *ясшниця* (ГГ), *смашка* (ГГ), *ясшниця*

¹ Найда, Ю.А. Процедуры аналізу компонентної структури референційного значення / Ю.А. Найда // Нове в зарубіжній лінгвістическій. Вип. XIV. — М.: Прогрес, 1983. — С. 61–74.

² Вежбицкая, А. Прототипи і інваріанти / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1996. — С. 201–231.

³ Семантика и категоризация / Ин-т языкознания; отв. ред. Ю.А. Шрейдер. — М.: Наука, 1991. — 168 с.

⁴ Буглак, Ж.М. Намянацы мясных вырабаў у народнай мове (семантычная характарыстыка, паходжанне) / Ж.М. Буглак // Веснік Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. I, Гуманітарныя навукі. — 2002. — № 2 (10). — С. 126–132.

⁵ Вештарт, Г.Ф. Лінгвагеаграфічная дыферэнцыяцыя Прыпяцкага Палесся (на матэрыяле назваў ежы): дыс. ... канд. філал. навук: / Г.Ф. Вештарт. — Мінск, 1969. — 249 с.

⁶ Лутовинова, И.С. Названия обрядовых кушаний в псковских говорах / И.С. Лутовинова // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. — Л., Изд-во ЛГУ, 1972. — С. 56–57.

⁷ Бигусяк, М. Із спостережень над весільною лексікою гуцульскага гаворку / М. Бигусяк // Гуцульскі гаворкі. Лінгвістычны та этнолінгвістычны даследаванні. Відп. Ред. Я. Закревська — Львів, НАН України Інститут українознавства ім. І.П. Крип'якевича 2000. — С. 125–148.

⁸ Бубряк, М.М. Назви традиційних страв у гавірках Українських Карпат / М.М. Бубряк // Українська мова на Закарпатті у минулому і сьогодні: матеріали наук.-практ. конф., — Ужгород, 1993. — С. 71–73.

(МслГ) гуцульських говорів; *сшниця* (МслБ2) — буковинських; *смаженя* (СлдО) — одесських; *ясшниця* (Слб2) — бойковських говорів (наблюдаються внутрідіалектні збігання в гуцульських і буковинських говорах — *сшниця* (МслБ2, ГГ)). Употребування наступних лексем характерно для всієї території України: *бануша* (Слукр1), *ісшня* (Слукр2), *смаженя* (Слукр4), *смажниця* (Слукр4), *ясшниця* (Слукр4), *ясшня* (Слукр4).

Різні види блюд із яєць (омлет і визначений вид яєчниці) називають лексеми *пращеня* (Слукр3) 'омлет, яєчня з мукою і молоком'; *глазуня* (МслС) 'яєчня з неразболтанними жєлтєками' — вєсточнополєсєські гєворы; *яйца цалком* (Слж, Слп) — 'яєчня з цєльєми жєлтєками' — полєсєські гєворы.

В діалєктах белєруського язєка названє яєчниці, в звєисємості од єє вєдє, мєжно распєдєлєтьє наступним образом: общєє (напримєр, *ясшня*, *яєчня* (МслГ, КслМ) — Гроднєнщєна і Мєгєлєвщєна (мєждіалєктнєє збігання); *каўзуньня* (КслМ) — Мєгєлєвщєна; *крахмалёўка* (Слцр), *пательмаха* (Мслм3) — сєрднєбєлєруськєє гєворы; *умочанка* (ДслБ) — Брєстчєна); названє яєчниці із разболтаннєх яєць (напримєр, *балтєшєка* (Слцр), *балтєшєка* (Слцр) — сєрднєбєлєруськєє гєворы; *калбатєшєка* (СлГ, МслГ), *тєцєкала* (МслГ) — гєворы Гроднєнщєны; *ляпушка* (Псл) — полєсєські гєворы); названє яєчниці із нєразболтаннєх яєць (напримєр, *цєлкавєшєка* (ДслБ) — Брєстчєна; *цєлкавєшєка* (КслМ) — Мєгєлєвщєна; *бєсєя яєшня* (Слп-зБ1) — гєворы сєвєрє-зєпаднєй частє Белєрусьє); названє яєчниці, пригєтовлєннєй в чєгунє в пєчє (бєўтєланєка (Жсл)).

В сєстав гєпєрє названєх блюд із яєць вхєдєтьє однєзначнєє лексємы (бєл. 35; укр. 20) і полєсємантєы (бєл. 6; укр. 1). Слєва, імєючєє омонимєчнєє фєрмє в другєх лексєко-граммєтєчєскєх гєпєрєх, распєдєлєнє однєй лексємєй белєруського і нє распєдєлєнє в укрєїнськом язєку.

Бєлєруськєя діалєктнєя лексєма *луєа* (Слп-зБ1) імєєт омонимєчнєє фєрмє со наступнєючєми значєнєямєи:

анат. 'губа (у корєвы, конєя)' (*Кає нє гєтєя лєує, бєў бє красєвєы*);

бот. 'губа' (*Луєа расцє нє стєвалє, нє пнєх*);

'яєчня з дєбєвлєнєм муєкє' (*Разбєлє нєкалькє яєць, малєлєко ўлєлє і пєдкєлєцєлє муєкоу — луєа гєтовєя*);

'вєсєвєкє' (*Луєу вєсєпєлє з сєтєя*);

'мєтєлєчєскєє колпєчєк в лампє' (*У ламтє лєує єсє*).

На пєрвєє вєзглєд, звєязь мєждє губєй живєтнєго, рєстєнєєм, яєчницєй, вєсєвєкєми і колпєчєком в лампє отсєтєвєєт. Нє прєвєдєннєє вєшєє омонимєы і их значєнєя вєывлєют прєблємє разгєрєнєчєнєя омонимєи і полєсємєи в діалєктах. В частнєстє, пєрвєє трє значєнєя, отвєчєючєє пєланє вєрєжєнєя *луєа* (*анат.* 'губа', *бот.* 'губа', 'яєчня з дєбєвлєнєм муєкє'), мєгут бєтьє отдєлєнєми значєнєямєи полєсємантєа, звєязаннєми мєждє собєю мєтєфєрєчєскєми отнєшєнєямєи.

Вєє полєсємантєы дєннєй гєпєрє і белєруського, і укрєїнського язєков клєссєфєцєруєтєє в соотвєтєствєи с мєдєлєю отнєшєнєй мєждє значєнєямєи 'блєдє 1' — 'блєдє 2' і звєязєвєючєє гєтєрєонимєчєскєми отнєшєнєямєи мєждє отдєлєнєми значєнєямєи кєждєй лексємєы, напримєр:

бел. *грыбок* (Слп-зБ1) 'омлет' (*Разбіваюць яйкі, туды малака, трохі мукі і пякуць грыбок*); 'запеканка из творога' (*Грыбок робіцца з тварагу, дабаўляюць манкі, яйкі, сліўкі, сахару, дробачку соды, выбіваюць усё на патэльнію і пякуць*);

бел. *латушнік* (Слцр) 'омлет из яиц, молока и пшеничной муки' (*Чыгунок латушніку на абет наставіла, і, што вы думаеця, усё ззелі!*); 'бабка из тертого картофеля' (*Латушнік ядзём с саладухай, а дзеці ядуць з малаком*);

бел. *падкалотка, подколотка* (ДслБ) 'яичница' (*Ранком сям'я ела бліны з подколоткою*); 'картофельный суп, заправленный мукой' (*Як падварыцца бульба, то муку ўсып у падкалотку*);

укр. *яешня* (Слукр4) 'яичница' (*Спрягти яешню*); 'разбитые яйца' (*Ніс коробку яец побіля Івана та й побив їх чисто, танцюючи, і сам, як чортяка, убрався в яешню*).

По способу мотивации названия блюд из яиц можно классифицировать следующим образом:

1. немотивированные в современном языке:

бел. *яешня* (ДслБ), *яечня* (МслГ, Тсл5, КслМ, Жсл, Слп-зБ5), *яешня* (КслМ, МслГ, Нарл, Нсл, Слп-зБ5), *яешница* (Слп-зБ5) и др.;

укр. *єшниця* (МслГ), *яшниця* (Гг, МслБ2, Слзп1), *їешня* (Слукр2), *яешниця* (Слб2), *яешниця* (МслГ), *яешенька* (Слукр4) и др.;

2. мотивированные способом приготовления, например:

бел. *балтуха* (Слцр) 'яичница, приготовленная из муки и яиц на молоке' (*Разьмешваюць малако з мукою і яйкамі, усё гэта выліваюць на скавараду і пякуць балтуху ў печы*);

бел. *цалкавуха* (ДслБ) 'яичница с цельными желтками' (*Цалкавуха ў цябе ўдалася смачная*);

укр. *смажениця* (Слукр4) 'яичница';

укр. *смаження* (СлМ) 'яичница'.

Названия блюд из яиц – составляющая часть группы названий густых блюд комплексной классификации диалектных названий блюд, представленная 41 лексемой белорусского и 21 – украинского языков. Среди диалектизмов рассмотренной подгруппы зафиксированы случаи внутрдиалектной и междиалектной полисемии, представлены типичные модели взаимоотношений между значениями полисемантов (гетеронимия между 'блюдо 1' – 'блюдо 2'), а также определены способы мотивации названий блюд из яиц. Междиалектная и внутрдиалектная полисемия и омонимия, внутрдиалектная синонимия в рамках каждого из родственных языков, междиалектные совпадения и частичные совпадения создают сложную систему названий блюд из яиц в диалектах белорусского и украинского языков.

Список сокращений

Гг Гуцульські говірки: короткий словник / Відп. Ред. Я. Закревська – Львів: ІУ ім. І. Крип'якевича, 1997. – 232 с.

ДслБ Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. М.М. Аляхновіч [і інш.] – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.

Жсл Живое слова / . – Мінск: Навука і тэхніка, 1978. – 288 с.

КслМ Бялькевіч, І.К. Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны / І.К. Бялькевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 512 с.

МслБ2 Матэрыялы до словника буковинських говірок. Ред. Ю.О. Карпенко та інш. – Чернівці: ЧДУ, 1971. – Вип. 2. – 60 с.

МслГ Піпаш, Ю. Матэрыялы до словника гуцульских говірок / Ю. Піпаш, Б. Галас. – Ужгород: УНУ, 2005. – 266 с.

МслГ Сцяшкловіч, Т.Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці / Т.Ф. Сцяшкловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972. – 620 с.

Мслм-м3 Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / пад рэд. М.А. Жыдовіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1977. – 144 с.

МслС Дорошенко, С.І. Матэрыялы до словника діалектної лексики Сумщини / С.І. Дорошенко // Діалектологічний бюлетень Ін-ту мовознавства АН УРСР. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1962. – Вип. 9. – С. 101–122.

Нарл Сцяцко, П.У. Народная лексика. Бытовая лексика гаворак Зэльвеншчыны / П.У. Сцяцко; рэд. М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 176 с.

Нсл Народнае слова / пад рэд. А.Я. Баханькова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 360 с.

Псл Кучук, І.М. Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён / І.М. Кучук, А.К. Малок. – Мазыр: МазДПП імя Н.К. Крупскай, 2000. – 156 с.

Слб2 Онишкевич, М.И. Словник бойківських говірок: у 2 ч. / М.И. Онишкевич. – Київ: Наук. думка, 1984. – Ч. 2. – 516 с.

СлГ Слоўнік рэгіянальнай лексики Гродзеншчыны / А.І. Багдзевіч [і інш.]; пад рэд. М.А. Даніловіча, П.У. Сцяцка. – Гродна: ГрДУ, 1999. – 151 с.

СлдО Москаленко, А.А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області / А.А. Москаленко. – Одеса, 1958. – 78 с.

Слж Лысенко, П.С. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины / П.С. Лысенко // Славянская лексикография и лексикология / П.С. Лысенко. – М.: Наука, 1966. – С. 5–60.

Слзп1 Аркушин, Г.Л. Словник західнополіських говірок: у 2 т. / Г.Л. Аркушин. – Луцьк: «Вежа» ВДУ ім. Лесі Українки, 2000. – Т. 1. – 354 с.

Слзп2 Аркушин, Г.Л. Словник західнополіських говірок: у 2 т. / Г.Л. Аркушин. – Луцьк: «Вежа» ВДУ ім. Лесі Українки, 2000. – Т. 2. – 458 с.

СлМ Паламарчук, Л.С. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіївки Вчорайшенського району Житомирської області / Л.С. Паламарчук // Лексикографічний бюлетень Ін-ту мовознавства АН УРСР. Ред. П.П. Доценко та інш. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1958. – Вип. 6. – С. 22–35.

Слп Лысенко, П.С. Словник поліських говорів / П.С. Лысенко. – Київ: Наукова думка, 1974. – 260 с.

Слп-зБ1 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю.Ф.Мацкевіч [і інш.]; рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – Т. 1. А – Г. – 512 с.

Слп-зБ5 Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. / уклад. Ю.Ф.Мацкевіч [і інш.]; рэд. Ю.Ф. Мацкевіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986. – Т. 5. С – Я. – 563 с.

Слукр1 Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. / Б.Д. Гринченко. – Київ: Вид-во АН УРСР, Т 1. А-Ж. – Киев, 1907. – 494 с.

Слукр2 Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. / Б.Д. Гринченко. – Київ: Вид-во АН УРСР, Т 2. З-Н. – Киев, 1908. — 574 с.

Слукр3 Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. / Б.Д. Гринченко. – Київ: Вид-во АН УРСР, Т 3. О-П. — Киев, 1909. — 506 с.

Слукр4 Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка: в 4 т. / Б.Д. Гринченко. – Київ: Вид-во АН УРСР, Т 4. Р-Я. — Киев, 1909. — 564 с.

Слцр Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – Т 1. – 287 с.

Тсл5 Тураўскі слоўнік: у 5 т. / склад. А.А. Крывіцкі [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1987. – Т. 5. – 423 с.

ДА ПЫТАННЯ ПЕРАКЛАДУ З АНГЛІЙСКОЙ МОВЫ НА БЕЛАРУСКУЮ ЛЕКСІЧНЫХ АДЗІНАК З СЕМАНТЫКАЙ ЖАДАННЯ

Сувязь такіх лінгвістычных дысцыплін, як перакладазнаўства і супастаўляльнае мовазнаўства па сённяшні дзень знаходзіцца пад пільным назіраннем з боку даследчыкаў і "працягвае заставацца прадметам спрэчак" [3, с. 10]. Аднак важнасць і карысць, якую яны складаюць адна для адной сумневу не выклікаюць. Тэарэтычнае значэнне супастаўляльнай лінгвістыкі заключаецца ў аналізе структурных асаблівасцей сістэм моў параўнання і вызначэння характарыстык моўных адзінак ў плане выяўлення і плане зместу. З практычнага боку кампаратывны аналіз дапамагае ўдакладніць адпаведнасць перакладу міжмоўных адзінак і рашыць пэўныя лінгвадыдактычныя задачы.

Часам у адзінцы мовы арыгіналу і яе адпаведніках на мове перакладу, якія выступаюць слоўнікавымі эквівалентамі, утрымліваецца розны набор семаў – мінімальнага значэнняў слова. Дзеля вызначэння рэlevantнасці варыянтаў, прапанаваных слоўнікам і прыкладамі з фактычнага матэрыялу, неабходна звярнуцца да семнай структуры аналізуемай лексічнай адзінкі і прасачыць, як рэалізуюцца яе семантычныя кампаненты ў перакладчыцкіх рашэннях.

Матэрыялам для даследавання паслужыў лексічны кампанент функцыянальна-семантычнага поля апататыўнасці англійскай мовы *desire* і яго адпаведнікі на беларускай мове.

Для атрымання неабходных дадзеных намі былі праведзены семантычны аналіз, у ходзе якога былі вылучаны дыферэнцыйныя і інтэграцыйныя семы даследуемых адзінак, і дыстрыбутывны аналіз, на падставе якога было ахарактарызавана семантычнае атачэнне аналізуемай лексемы і вылучаны класы з'яў, дзеянняў і прадметаў, якія ўжываюцца з адзінкай *desire* і выступаюць у якасці аб'екта жадання. Так, *desire* можа абазначаць:

1. Жаданні звязаныя з фізіялагічнымі патрэбамі: харчаванне, сэксуальнае задавальненне. *When it grew worse he thought only of the pain itself, and of his desire for food* (J. Orwell). *They passed through a brief blossoming – period of beauty and sexual desire* (J. Orwell).

2. Жаданні звязаныя з чалавечай экзістэнцыяй: смерці, жыцця, адзіноты. *Then the memory of her face came back, and with it a ranging, intolerable desire to be alone* (J. Orwell). *At the sight of the words I LOVE YOU the desire to stay alive had welled up in him* (J. Orwell).

3. Жаданні афарбаваныя адмоўнымі намерамі, або нізкімі пачуццямі: эгаістычнае, шалёнае, забіць, катаваць. *It was all table manners, not derived from any sense of kindness or decency or humanity, but originally from an egoistic desire to look like gentlemen and ladies* (R.M. Pirsig). *A hideous ecstasy of fear and vindictiveness, a desire to kill, to torture, to smash faces in with hammer seemed to flow through the whole group of people* (J. Orwell).

Ужыванне пэўных дзеясловаў і прыметнікаў, якія абазначаюць жаданне (*desire*) малое карціну, пры якой яно выступае як нешта вонкавае, або тое, што знаходзіцца ў пасіве, што можна запрасіць (*invite*), ўзняць, абудзіць (*arouse*), ці

якое можа супакоіцца і паменшыцца (*slow down*). Жаданне можна адчуваць (*feel*) ці мець (*have*), задавальняць (*satisfaction of desire*), або быць пад яго ціскам (*pressure of desire*) ці праследавацца ім (*desire obsesses*); яно можа быць неадольным, ашаламляльным (*overwhelming*), зменлівым (*shifting, wandering*). Усе гэта сведчыць пра пэўную персаніфікацыю жадання ў свядомасці чалавека і спробу матэрыялізаваць яго хаця б у мове, што з кагнітыўнага пункту гледжання тлумачыцца неабходнасцю трымаць пад кантролем феномены, якія цяжка ці амаль не паддаюцца вытлумачэнню.

Слоўнік "The Random House College Dictionary" заўважае, што *DESIRE* – "моцнае пачуццё, вартае ці нявартае, якое заахвочвае да дасягнення ці валодання чаго-н." [4, с. 360]. Калі ступень інтэнсіўнасці або патрэбы не грае сэнсавараспазнавальнай ролі, *desire* выступае як больш афіцыйнае і ўзнёслае ў параўнанні з *wish* 'жадаць' і *want* 'хацець'. *Desire* можа ўжывацца да любога патэнцыйнага жадання, якое ўзбуджае эмацыяна, незалежна ад таго мае яно фізічны ці духоўны характар, нармальнае і натуральнае, ці вычварэнскае: *the desire for food, the desire for peace*. Можа выкарыстоўвацца спецыяльна для абазначэння сэксуальнага жадання, аднак не заўсёды перадае ўніжальныя канатацыі, калі абмежавана гэтым значэннем. *Desire* імпліцытна кантрастуе з *will* і *volition* 'валявы акт, воля', так як не нясе ў сабе імплікацыі рашучасці, або намагання валодаць ці здабываць [5, с.232].

Падсумоўваючы вышэйпрыведзеныя факты, можна зрабіць выснову, што *desire* можа пазначаць любое жаданне (духоўнае ці фізіялагічнае), з'яўляецца стылістычна больш афіцыйным і ўзнёслым, аднак не мае яскрава выражанага валявога кампаненту. Згодна з праведзеным намі семным аналізам на падставе слоўнікавых дэфініцый, дыферэнцыйнымі семамі адзінкі выступаюць 1) 'інтэнсіўнасць', 2) афіцыйны (узнёслы) стыль 3) 'сэксуальнае жаданне', 4) 'загадны характар', а інтэграцыйнай семай – 'наяўнасць жадання'.

Англа-беларускі слоўнік пад рэд. В. Пашкевіч прапануе наступныя варыянты перакладу: – v. 1. жадаць, хацець; прагнуць. 2. паграбаваць. – n. 1. жаданне; прага. 2. прадмет жадання. 3. пажадлівасць (у сэксуальным сэнсе), жадоба [2, с. 293].

Фактычны матэрыял утрымлівае 18 прыкладаў з адзінкай *desire*, якія атрымалі такія перакладчыцкія рашэнні, як: → жаданне (11)⁴¹ *Then the memory of her face came back, and with it a raging, intolerable desire to be alone* (J. Orwell). Тады яму зноў прыгадаўся яе твар, і разам з гэтым з'явілася шалёнае, амаль нясцерпае жаданне пабыць аднаму (пер. С. Шупа); → прага (1) *At the sight of the words I LOVE YOU the desire to stay alive had welled up in him, and the taking of minor risks suddenly seemed stupid* (J. Orwell). Словы "Я цябе кахаю" зноў абудзілі ў ім прагу да жыцця, і яму здалася бессэнсоўным дзеля дробязяў падстаўляць сваё жаццё небяспецы (пер. С. Шупа); → хацецца (1) *Silence for the time being she desired more than anything else* (G. Greene). Крышку памаўчаць – вось чаго ёй зараз хацелася болей за ўсё на свеце (пер. В. Небышынец); → пахацімства (1) *Not merely the love of one person but the animal*

⁴¹ У дужках пазначана колькасць выпадкаў

instinct, the simple undifferentiated desire: that was the force that would tear the Party to pieces (J. Orwell). *Не проста каханне, скіраванае на адну асобу, але жывёльны інстынкт, простае сляное пахацімства – вось сіла, якая разарве Партыю на шматкі* (пер. С. Шупа); → каханне (1) *But his quick mind saw that in all this he was merely trying to conceal from himself the desire which obsessed him* (S. Maughan). *Але вельмі хутка ён зразумеў, што ўсімі гэтымі планами імкнецца схавачь сваё моцнае каханне, што цалкам ім авалодала* (пер. В. Валынскі); → генералізацыя (1); → сэнсавае разгортванне (2).

Прасочым семны склад найбольш актыўнага беларускага адпаведніка адзінкі *desire*. На аснове слоўнікавых дэфініцый для лексемы жадаць вылучаецца інтэгральная сема: ‘мець жаданне’; і дыферэнцыйныя семы: 1) ‘сіла, інтэнсіўнасць жадання’, 2) ‘нецяярлівасць’, ‘прагавітасць’, ‘неўтаймаванасць жадання’, 3) ‘зычыць што-н. каму-н.’. Як бачна, міжмоўныя адзінкі супадаюць па інтэгральнай семе ‘мець жаданне’, што тычыцца дыферэнцыйных семаў, то супадзенне ідзе па семе ‘сіла, інтэнсіўнасць жадання’. Так як лексема жадаць не ўтрымлівае выключна ўсе семы, што належаць *desire*, пры перакладзе выкарыстоўваюцца іншыя адзінкі, якія здатныя перадаць адсутныя семантычныя кампаненты. Так, сема ‘сексуальнае жаданне’ актуалізуецца праз лексемы *пахацімства* і часткова *каханне, прага*, пра што сведчаць прыклады з фактычнага матэрыялу.

Пры перакладзе на беларускую мову выкарыстоўваліся перакладчыцкія трансфармацыі (ПТ). Згодна з В. Камісаравым, перакладчыцкія, або міжмоўныя трансфармацыі – гэта пераўтварэнні, пры дапамозе якіх можна ажыццяўляць пераход ад адзінак арыгіналу да адзінак перакладу [1, с. 172]. Зварот да ПТ абумоўлены адсутнасцю слоўнікавага адпаведніка, або немагчымасцю яго выкарыстання праз умовы кантэксту. Прыкладам генералізацыі служыць наступны выраз:

During the month that he had known her the nature of his desire for her had changed (J. Orwell).

За гэты месяц, што яны сустракаліся, яго пачуццё да яе змянілася (пер. С. Шупа).

Генералізацыя – гэта лексіка-семантычная замена адзінкі мовы арыгіналу з вузкім значэннем адзінкай мовы перакладу з больш шырокім значэннем [1, с. 246]. У нашым выпадку лексема *desire* перадаецца больш шырокім па сэнсе словам *пачуццё*, што апраўдана кантэкстам фразы і дазваляе перакладчыку звярнуцца да гэтага віду ПТ.

Сэнсавае разгортванне або мадуляцыя – прыём, калі значэнне адзінкі перакладу выводзіцца на аснове лагічнага развіцця падзеі, апісваемай адзінкай зыходнай мовы, і мае звычайна прычынна-выніковы характар [1, с. 177]. Прыкладам сэнсавага разгортвання выступае наступная пара сказаў:

Is there anything else that you desire to know? (A. Christie).

Вас цікавіць што-небудзь яшчэ? (пер. П. Марціновіч).

Фраза *desire to know* ‘жадаеце ведаць’ перасэнсоўваецца перакладчыкам і лагічна выводзіцца ў сінанімічнае ў дадзеным выпадку *цікавіць*.

Такім чынам, несупадзенне семнага складу адзінкі мовы арыгіналу і яе іншамоўнага адпаведніка прыводзіць да неабходнасці ўжывання падчас перакладу не толькі звыклых слоўнікавых варыянтаў, але і тых лексем, што ўтрымліваюць дыферэнцыйныя семы, якія могуць адсутнічаць у адпаведніках, прапанаваных слоўнікамі. Таксама карыснымі выступаюць перакладчыцкія трансфармацыі, якія дазваляюць перадаць дэнататыўную і канататыўную інфармацыю фразы, не ўжываючы літаральнага перакладу і захоўваючы пры гэтым яе камунікатыўную функцыю.

Літаратура

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. М., 1990.
2. Пашкевіч, В. Ангельска-беларускі слоўнік: каля 30 000 слоў / пад рэд. С. Шупы. – Мінск, 2006.
3. Швейцер, А.Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А.Д. Швейцер. М., 1988.
4. The Random House College Dictionary. – Revised ed. – N.Y. Random House. 1988.
5. Webster's Desk Dictionary of the English Language: Based on the Classic Edition of the Random House Dictionary. – N.Y.: Portland House, 1990.

Е.В. Глинка (Брянск, БрГУ)

ЭЛЕМЕНТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ БОЛГАРСКОЙ И РУССКОЙ СИСТЕМЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТЕРМИНАХ СИММЕТРИИ / АСИММЕТРИИ

Симметрия и её антипод асимметрия являются фундаментальными общенаучными понятиями, пронизывающими всё мироздание.

На уровне языка наиболее наглядно симметрия проявляется в словообразовании. Дериватика представляет собой симметрию корня и асимметрию аффиксов, и новые значения возникают, как правило, в результате асимметризации словообразовательных морфем на базе симметричного корня.

В качестве иллюстрации рассмотрим по данным Обратного словаря русские и болгарские глаголы с общей корневой морфемой со значением проявления и не проявления признака говорения: это глаголы с корнями *говор-*, *каз-/каж-*, *молч-/мълч-*.

Деривативные способности глаголов с вышеуказанными корнями в двух родственных славянских языках даже при наличии у них общего словообразовательного инструментария в виде разнообразных префиксов существенно различается. Префиксы, присоединяемые к глаголам, сходны в обоих языках, но возможности их присоединения различны.

Так, русский глагол *молчать* и болгарский *мълча* присоединяют к себе следующие префиксы (в таблице наличие префикса обозначено знаком "+").

Префиксы	Русский язык <i>молчать</i>	Болгарский язык <i>мълча</i>
<i>За-</i>	+	+
<i>Поза-</i>		+
<i>На-</i>		+ (<i>се</i>)
<i>Пере/пре-</i>	+	+
<i>По/пре-</i>		+
<i>Из-</i>		+
<i>По-</i>	+	+

Префиксы	Русский язык <i>молчать</i>	Болгарский язык <i>мълча</i>
Про-	+	
С-	+	+ (<i>се</i>)
По/с-		+ (<i>се</i>)
У-	+	+
Поу-		+

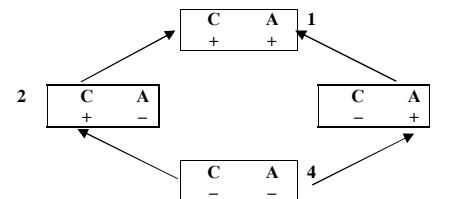
При симметрии общего корня наблюдается асимметрия аффиксов. В болгарском языке активнее используются полипрефиксация. В русском языке дериваты глагола *молчать* образуются посредством приставок *за-* (*замолчать*), *пере-* (*перемолчать*), *по-* (*помолчать*), *про-* (*промолчать*), *с-* (*смолчать*), *у-* (*умолчать*). Болгарские дериваты с корнем *мълч-* образуются при помощи префиксов, характерных для русских глаголов (кроме префикса *про-*). Помимо этого, в словаре отмечены и следующие дериваты: *позамълча* с оттенком протяжённости действия во времени; *намълча се*, выражающий семантический компонент интенсивности действия; *попремълча* с ограничительным значением, "немного"; *посмълча се*, *поумълча се* с временными и количественно-интенсивными характеристиками действия. Эти лексемы не представлены в Болгарско-русском словаре С.Б.Бернштейна, что свидетельствует об отсутствии однозначных соответствий в русском языке.

Сопоставление лексем *говорить* и *говоря* обнаруживает частичное совпадение значений дериватов: *заговорить* — *заговоря*, *наговорить* — *наговоря*, *подговорить* — *подговоря*, *договорить* — *договоря* и некоторых других. Наряду с симметричными в двух языках формами наблюдаются и несовпадения, касающиеся болгарских полипрефиксальных глаголов. Чаще всего при этом к уже имеющемуся префиксу присоединяется приставка *по-*, образуя дериваты *позаговоря*, *понаговоря*, *попреговоря*, *пораговоря(се)*, *поизговоря*, *попроговоря*, *потговоря*, которые не обнаруживают однозначных соответствий в русском языке. В некоторых русских глаголах (*возговорить*, *приговорить*, *оговорить*, *недоговорить*, *выговорить*) отмечаются префиксы, не используемые в образовании болгарских дериватов. Русский глагол *говорить* образует 19 дериватов, болгарский *говоря* — 20.

Наиболее продуктивными в деривационных возможностях являются глаголы с корнем *каз-* в русском языке и *каж-* в болгарском. Следует отметить, что глагол *казать* в современном русском языке практически не употребляется без приставки (хотя и зафиксирован Обратным словарём). В болгарском языке отмечено 40 дериватов глагола *кажа*, большинство которых — полипрефиксальные образования, состоящие из двух и трех префиксов — *недоизкажа*, *позаприкажа*, *понаприкажа*, *поразприкажа(се)*, *поизприкажа*, *поподскажа* — и даже одного глагола с четырьмя префиксами: *поизпоприкажа*.

У соответствующего русского глагола *казать* отмечено 25 дериватов. Некоторые из них значение говорения выражают опосредованно, в качестве неосновной семы (*заказать*, *наказать*, *доказать*, *показать*, *отказать*, *указать*). Этот глагол и в русском языке отмечается значительным количеством полипрефиксальных дериватов (*понасказать*, *обсказать*, *предсказать*, *досказать*, *порассказать*, *нарассказать* и др.), если учитывать этимологически объяснимый префикс *с-*.

Таким образом, при сравнении словообразования русских и болгарских глаголов отмечаются как случаи совпадения формы и значения дериватов в обоих языках, так и различия. Совпадения, или сходства, соответствуют определению **симметрии (С)**, несовпадения — **асимметрии (А)**.

При рассмотрении языковых особенностей глагольного словообразования русского и болгарского языков в терминах симметрии/асимметрии мы получаем 4 подсистемы: подсистему симметричных явлений (П2); подсистему с признаками асимметрии (П3); подсистему, в которой при частичном совпадении словообразовательных моделей и корней проявляется специфика языков (П1) и подсистему, в которой не выявлены классификационные признаки симметрии/асимметрии, или нуль-систему. Рассмотрим каждую из подсистем в отдельности.

Подсистема 2 (СА + –) обнаруживает признаки симметричных, или сходных явлений в двух языках: это сходство корня, словообразовательных моделей и семантики сопоставляемых глаголов. Например, *заговорить* — *заговоря*, *подговорить* — *подговоря*, *договорить* — *договоря*, *предсказать* — *предскажа*, *подсказать* — *подскажа*, *замолчать* — *замълча*, *помолчать* — *помълча*, *умолчать* — *умълча*.

В подсистеме 3 (СА – +) наблюдаются признаки асимметрии, или несовпадения семантики и морфемного строения лексем в русском и болгарском языках, например: *кричать*, *беседовать*, *бормотать*, *болтать* — *викам*, *мърморя*, *дърдоря*, *карам се* и др.

Подсистема 4 (СА – –), или нуль-система, в которой не выявлены признаки симметрии или асимметрии, не является пустой. Она заполняется разнообразным лингвистическим материалом обоих языков. Это языковые явления до их рассмотрения в терминах симметрии/асимметрии. Из подсистемы 4 возможен переход в П2 (при обнаружении сходства), или в П3 (при выявлении различий), а также, через П2 или П3, в подсистему 1.

Подсистема 1 (СА + +) является наиболее интересной и информативной с точки зрения языковых закономерностей. Сюда входят лексемы, в которых при сопоставлении обнаруживаются и элементы сходства, и различия. Например, при общем для двух языков корне используются специфические словообразовательные аффиксы, отсутствующие или не употребляющиеся в другом языке. Так, множественные полипрефиксальные глаголы болгарского языка часто не имеют прямых соответствий в русском: *позамълча*, *попремълча*, *измълча*; *пре-разкажа*, *недоизкажа*, *заприкажа*, *разприкажа*, *поизпоприкажа*; *позаговоря*,

надговора, поизговора и др. При этом корневые элементы этих глаголов в обоих языках сходные. Другими словами, симметрия корней и асимметрия префиксов (а также семантики лексем) выявляет специфику, свойственную болгарскому словообразованию.

Можно сделать вывод, что во многом благодаря полипрефиксации болгарские глаголы в значительно разнообразнее способны передавать дополнительную семантику, характеризующую характер протекания действия с точки зрения его временных и количественных характеристик.

Явление, при котором наблюдается совпадение — **симметрия** — признаков (в данном случае это общий корень) при частичном несовпадении — **асимметрии** — префиксов, представляет собой **диссимметрию**. Именно диссимметризация даёт приращение информации: расширение семантической структуры болгарских глаголов происходит во многом за счёт специфических деривационных возможностей языковой системы.

Литература

1. Бернштейн С.Б. Болгарско-русский словарь / С.Б. Бернштейн. М., 1975.
2. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
3. Обратен речник на съвременния български език. София, 1975.

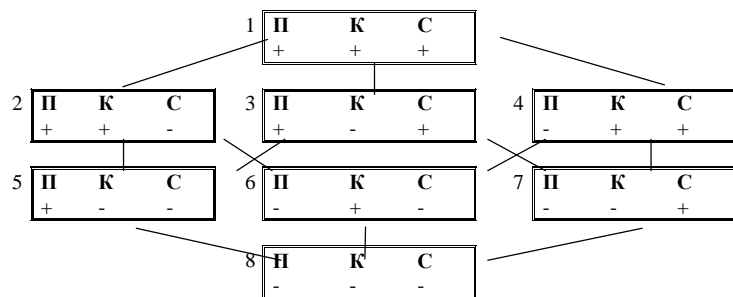
А.И. Головня (Минск, БГУ)

АФФИКСАЦИЯ КАК СИСТЕМА

При преподавании словообразования отдельно даются способы префиксации и суффиксации. Можно попытаться создать целостное представление.

Возьмём для этого за исходные системообразующие три структурных элемента слова — префикс (П), корень (К) и суффикс (С) — и построим целостную связную систему аффиксации в виде трёхмерного плюс-минусового куба (аналога кода Грея, используемого широко в разных предметных областях для представления и приращения знаний от электротехники до биологии).

Аффиксация как целостная система

Построенный граф имеет 8 подсистем. Сначала покажем его использование как полного классификатора и выясним вероятностную сторону явления

словообразования. Вероятности представляют возможность реализации четырех макросостояний, имеющих от 1 до 3-х микросостояний (по числу плюсов/минусов). Они представлены матрицей 2.

Матрица 2. Вероятности наполнения подсистем

макросостояние 1	макросостояние 2	макросостояние 3	макросостояние 4
микро + + +	микро + + -	микро + - -	микро - - -
	+ - +	- + -	
	- + +	- - +	
вероятность 1/8	вероятность 3/8	вероятность 3/8	вероятность 1/8

Как видим, вероятности подсистемы 1 и подсистемы 8 равны, также равны вероятности макросостояний 2 и 3 и составляющих их микросостояний. Это говорит о теоретически равных возможностях, хотя мы знаем, что число префиксов и суффиксов меньше числа корней и слов, созданных префиксацией и суффиксацией и совместно префиксацией и суффиксацией. Но нужно помнить, что малочисленность предлогов, от которых созданы префиксы, компенсируется высокой частотой их использования, что снимает противоречие.

Подсистема 8 представляет все множество слов русского языка до классификации в терминах префиксов, корней и суффиксов. Здесь же находится и ученый и результаты классификации. После классификации эта подсистема будет содержать только ученого или пользователя, студента.

Подсистема 5 содержит список префиксов, которые после начала классификации ученый переправит в эту подсистему сравнивая *ходить*, *выходить*, *сходить*, *заходить* и т.п. у которых будет симметричная часть — *ходить* и асимметричные начала. Для проверки он может взять глагол *водить* и сопоставить его с аналогичными *сводить*, *поводить*, *подводить* и т.п. При этом он может не знать значения слов и действовать формально.

Подсистема 6 будет содержать список корней — от самых коротких слов — *дом*, *рот*, *сыр* и т.п. до более длинных — *шаман*, *карман*, *ватман* и т.п.

Подсистема 7 будет содержать список суффиксов, которые опять же выделяются на базе симметрии и асимметрии — ср. *ход* и *ход-ок*, *хол-ка*, *ход-ить*, *ход-ули* и т.п.

Подсистема 2 будет содержать слова из префикса и корня — *по-ход*, *за-ход*, *вы-ход*, *до-ход*, *пере-ход* и т.п. При этом для надежности можно сравнить его с рядом — *по-вод*, *за-вод*, *вы-вод*, *до-вод*, *пере-вод*.

Подсистема 3 будет представлять рамку как инструмент префиксации и аффиксации одновременно. Такие рамки существуют в нашем сознании как эталоны для алгоритмов моделирования. Допустим, рамка "*за-....-ить*" вычленяется в сознании на базе существования ряда переменных корней при постоянной рамке — *за-ход-ить*, *за-вод-ить*, *за-нос-ить*, *за-лож-ить* и тысячи других уже с другой длиной корневой части — *за-пуст-ить*, *за-стрел-ить* и т.п. Количество таких рамок исчисляется комбинаторикой десятков префиксов и десятков суффиксов. С учетом полипрефиксации и полисуффиксации из тысяч рамок следует отобрать наиболее продуктивные и наиболее частотные.

Подсистема 4 содержит слова из корня и суффикса и таких слов множество — *ход-ок, ход-ка, ход-ули, ход-унки* и т.п., другими словами все финальные остатки, получаемые при выделении префиксов и корней.

Подсистема 1 должна содержать и содержит слова со всеми тремя словообразующими элементами — префикс, корень и суффикс. Вспомните данные Частотного и Обратного словарей, чтобы убедиться, что большая часть стотысячного словаря представлена полным набором [2], [3].

Теперь покажем действие алгоритма заполнения ниш объектами. Сравнивая попарно объекты подсистемы 8, допустим, элементы множества *по/ход и заход, за/ходить и вы/ходить* и т.п., мы заполняем подсистему 5 элементами *по-, за-, вы-* и подобными. Аналогичным образом сравнивая элементы *вы/ходить и вы/водить* или другие, получаем заполнение подсистемы 6 элементами *-ход-, -вод-* и т.д. Сравнение можно проводить не только парами, но и тройками, четвёрками, "энками". Действуя таким же образом с объектами типа *ход/ить и ход-ок, ход-ка* и т.п., заполняем подсистему 7 элементами *-ить, -ок, -ка*. Сопоставление пар вроде *за/ход/ить и за/ход* даёт возможность заполнения подсистем 2 и 1; парами *за/ход/ить и ход/ить* — подсистем 1 и 7, а сравнение *вы/ход/ка: по/ход/ный* позволяет заполнить третью и шестую подсистемы.

Обязательным моментом является существование взаимодействия элементов, предполагающее и невзаимодействие. Так, взаимодействие в данном случае касается возможности композирования элементов подсистем друг с другом, допустим, элемент *за-* и элемент *-ить* могут образовать рамку "*за-...-ить*" [1, 61].

Обратимся к примерам. Пусть мы хотим получить некоторый объект подсистемы 1, состоящий из префиксальной, корневой и суффиксальной части. Для этого можно взять рамку из подсистемы 3 и корень из подсистемы 6. Возможность соединения данных двух элементов в виде абстракции — это закон композиции, семантическое взаимодействие корня и рамки конкретно указанных *ход* и "*за-...-ить*", то есть отношения единства.

Соединяя "+ + +" и "- + -", получаем операцию в виде умножения. Наложив эту операцию на подсистему 8, извлекаем из неё и переносим в подсистему 1 элемент *за/ход/ить* или обнаруживаем таковой в подсистеме 1. Но точно такого же результата мы можем добиться и другими способами, например, созданием элемента *за/ход/ить* из элементов подсистемы 5 (*за-*) и подсистемы 4 (*ход/ить*). Операция "-" получается в результате перемножения кодов подсистем 5 и 4 ("++ --" на "- + +"), умножением-наложением операции на подсистему 8 получаем желаемое.

Всё вышеизложенное можно обобщить в следующем виде: классификация объектов-систем как системы объектов данного рода при знаковой дихотомии "+" и "-" и признаковой дихотомии "П", "К", "С" для множества "первичных" элементов даёт 7 новых объектов-систем своего рода.

Теперь свяжем это представление с данными Частотного словаря и напомним схему конкретными примерами, чтобы описать подробнее каждую подсистему, чтобы она была бы готова к преподаванию на уроках.

Подсистема 8 содержит все слова русского языка до их классификации в терминах префикс, корень, суффикс.

Подсистема 5 — префиксы, связанные с предлогами (*на* и *на-*, *по* и *по-*, *из* и *из/ис-*, *под* и *под-*, *без* и *без/бес-*, *в* и *в-*, *с* и *с-* и др.) и префиксы, не связанные с предлогами (*воз/вос-*, *пере-*, *раз/рас-* и др.).

Подсистема 6 содержит чистые корни: существительные мужского рода — *год* (2167), *день* (1345), *раз* (1230), *товарищ* (1162), *глаз* (1093), *мир* (1038), *свет* (1031), *друг* (817), *город* (803), *дом* (799), *отец* (605), *час* (488), *лист* (286), *номер* (110) и другие; существительные женского рода: *рука* (1596), *страна* (1084), *земля* (1074), *сила* (986), *вода* (891), *мать* (564), *мама* (350), *цель* (321) и другие; среднего рода: *дело* (1919), *время* (1856), *слово* (1039), *место* (989), *лицо* (745), *небо* (284) и другие.

Сюда же можно с оговоркой отнести и первичные наиболее древние глаголы — *быть* (13307), *мочь* (3373), *идти* (1818), *лечь* (16), *гнить* (7), *звать* (190), *знать* (65) и множество наречий — *где, куда, так, там* и другие. Личные местоимения — *я, ты, он, вы* также входят в эту подсистему и могут служить основой для создания глаголов — *тыкать* (говорить на ты), *выкать* (говорить на вы), существительных — *яканье, ячество* и т.п. К чистым корням следует отнести часть букв алфавита, все служебные слова нечленимые морфологически, так как и они вносят свой вклад в словообразование, переходя из подсистемы 6 в подсистему 4 — ср. *и того* (словосочетание) — *итого* — слово, *а, о* — буквы (звуки) и *акать, аканье, окать, оканье* (типы произношения). Или междометия *ох, ах, ух* и глаголы — *охнуть, охать, ахнуть, ахать, ухнуть, ухать* и т.п. Это ядро всей системы, развивающееся в подсистеме верхних уровней.

Подсистема 7 содержит суффиксы, с помощью которых создаются новые слова (например, *-ка, -ист, -тель, -ение/-ние, -ова, -енн, -чик, -ик* и т.д.).

Подсистема 2 содержит слова, состоящие из префикса и корня: существительные: *на-род* (984), *во-прос* (909), *рас-стрел* (15), *рас-спрос* (4), *за-гул* (2), *вы-ход* (122); глаголы: *по-йти* (1027), *вз-ять, по-нимать, с-делать, у-ходить, в-ходить, у-йти, у-видеть, с-просить, про-течь* (2), *про-шагать* (3), *у-плыть* (3), *со-лгать* (11); наречия: *со-обща* (7) и др.

Подсистема 3 является своеобразной рамкой: "*по-...-ать*", в которую помещаем потом корни (*по-чит-ать, по-пис-ать, по-игр-ать; за-пис-ать, за-жим-ать*); "*у-...-ить*" (*у-том-ить, у-лом-ить, у-ман-ить, у-воз-ить* и т.п.). Такие же рамки можно создать и для существительных — ср. "*по-...-ение*" (*поручение, понуждение, повеление* и т.п.) или "*по-...-ство*" (*по-мыкатель-ство, по-пуститель-ство, по-печитель-ство, по-мешатель-ство, по-ручатель-ство*) уже с двумя и тремя суффиксами. Аналогично дело обстоит и с наречиями: *не-измер-имо, не-вынос-имо, не-завис-имо, не-обход-имо* и другими. Каждая конкретная рамка характерна для создания одинаковых или разных частей речи.

Подсистема 4 содержит слова из корня и суффикса: существительные: *жизнь* (1547), *раб-от-а* (1103), *душ-ок* (2), *ком-изм* (1); глаголы: *казать-ся, да-вать, дыр-яв-ить* (1), *нян-чить* (4), *мыть-ся* (5) и др.

Подсистема 1 содержит слова, состоящие из префикса, корня и суффикса: глаголы: *выращивать* (17), *заваривать* (11), *насолить* (1), *высохнуть*

(7); существительные: *высадка* (18), *очарование* (1), *потепление* (2); наречия: *несомненно* (72), *подолгу* (10) и другие.

Как видим, создана целостная полносвязная система аффиксального словообразования русского языка в виде непротиворечивой логико-математической модели, представленной трехмерным кубом.

Рассмотрение языковых законов словообразования русского языка вылилось в построение вероятностной модели и её наполнение реальными фактами, что позволило дать им содержательную непротиворечивую интерпретацию в виде классификации и модели словообразования, взаимодействий и взаимонедвижений морфем всех трех типов в плане лингвистического и экстралингвистического факторов [1, с. 60–65].

Сам факт нахождения словообразовательных рядов; выделения словообразующих основ и аффиксов, выявление отношений производности и мотивированности и построение на этом основании словообразовательных моделей — все эти явления в лингвистике не новые. Но применение системного подхода к традиционному материалу в виде ОТСУ дало приращение знания на качественно ином уровне, математическом. Именно такой тип приращения знаний за счёт их переструктурирования, "новых способов организации уже имеющегося знания" считается некоторыми философами одним из важнейших.

Литература

1. Карпов В.А. Язык как система / В.А. Карпов. М., 2003.
2. Обратный словарь русского языка. М., 1974.
3. Частотный словарь русского языка. М., 1977.

Н.Н. Гордей (Гродно, ГрГУ)

ВОКАЛИЗАЦИЯ СУБСТАНТИВНОЙ ОСНОВЫ КАК ОСОБЕННОСТЬ ЯЗЫКА ФУЗИОННО-ФЛЕКТИВНОГО ТИПА (на материале русского и белорусского языков)

Известно, что одной из характерных черт флективных языков является особая техника внутрисловного объединения морфем, которая заключается в контекстной модификации их означающих. Контекстные условия морфемной модификации могут иметь разную природу — фонологическую, грамматическую или лексическую, в связи с чем говорят о разных видах морфемного варьирования, причем в языках фузионно-флективного типа, в том числе в русском и белорусском языке, наблюдается тенденция к эволюции от автоматического (фонологически обусловленного) к неавтоматическому варьированию морфемных сегментов слова [5]. **Цель** данной статьи — рассмотреть эволюцию контекстной обусловленности чередования *o* → *гласная* в исходе основы имени существительного в русском и белорусском языках.

Вокализация основы существительного — это реализация в ней чередования фонологического нуля с гласной фонемой, следствием которого является развитие алломорфии [4, 35; 3, 95; 1]. **Позиционным условием** вокализации основы имени существительного является **нулевая флексия** муж. И. ед. и немуж. Р. мн., а позиционно обусловленным альтернатом в чередовании гласной фонемы с фонологическим нулем оказывается **гласная фонема**. Из этого следует, что в парадигмах существительных как не-мужского, так и мужского рода

чередование происходит в направлении *o* → *гласная*: *сесторá* → *сестёр* и *костор-á* → *костёр*, *досокá* → *досок* и *високá* → *висок*. В белорусском языке наблюдается такая же **эпентеза** гласной, сравн.: жен. *пéсьня* → *пéсьнь* и муж. *вэрасяня* → *вэрасень*, жен. *дачокá* → *дачок* и муж. *бачокá* → *бачок*. Чередование *o* → *гласная*, рассматриваемое в обратном направлении (т.е. как *гласная* → *o* перед материально выраженными флексиями), всегда оказывается позиционно не обусловленным.

Основным и исторически первичным фактором чередования *o* → *гласная* в субстантивных основах является **фонологический**. Гласная эпентеза неизбежно возникает в исходе основы имени существительного перед нулевой флексией в тех случаях, когда финальная консонантная группа основы не допускается правилами фонемной комбинаторики в позиции конца слова. Например, консонантное сочетание **Сй** (*согласная* + *й*) невозможно в позиции конца слова ни в русском, ни в белорусском языке, поэтому основы с таким консонантным исходом обязательно модифицируются в позиции перед нулевой флексией, например: русск. *руч'й-á* → *руч'ей*, *лад'й-á* → *лад'ей*, *кэл'й-á* → *кэлий*, *руж'й-ó* → *ружей*; белор. *вєраб'й-á* → *вєраб'ей*, *сьм'й-á* → *сьм'ей*. **Фонологической обусловленностью** чередования *o* → *гласная* обеспечивается его автоматическая реализация, безотносительная к грамматическим характеристикам словоформ.

Вокализация субстантивной основы может быть обусловлена также **грамматическим** фактором. Результатом действия данного фактора является то, что гласная эпентеза возникает в таких финальных консонантных группах субстантивной основы, которые допускаются в позиции конца слова, но невозможны именно перед нулевой флексией как носителем определенных грамматических значений. Например, консонантная группа **-др** возможна в позиции конца слова в современном русском языке: *октáэдр*, но невозможна перед нулевой флексией Р. мн. существительных среднего рода: *ведрó* → *вёдер*. То же самое: сочетания *бл'*, *вл'*, *мл'*, *рг* допускаются в позиции конца слова: *рубль*, *журавль*, *кремль*, *торг*, но требуют вставной гласной перед нулевым окончанием Р. мн. в существительных женского рода и pluralia tantum: *оглóбля* → *оглóбель*, *крóвля* → *крóвель*, *земля'* → *земель*, *кочєргá* → *кочєрэг*, *грáбли* → *грáбель*. В современном белорусском языке морфонологически обусловленная эпентеза реализуется в тождественных условиях и словоформах: жен. Р. мн. *аглабéль*, *зямéль*; ср. Р. мн. *вёдзер* (и *вядзёр*); pl.t. *грабéль*. **Морфонологически обусловленное** чередование *o* → *гласная*, как и фонологически обусловленное, является регулярным, но сфера реализации этой регулярности уже ограничивается — ею становится определенный фрагмент системы субстантивного словоизменения, а именно парадигмы существительных не-мужского рода.

Очень мощным системным фактором вокализации субстантивной основы в русском и белорусском языках является также **словообразовательный** фактор. Наиболее продуктивные суффиксы — носители определенных словообразовательных значений, например **-#к** и **-#ц**, — выявляют в этих языках устойчивую тенденцию к вокализации, сравн.: русск. муж. Р. ед. *малькá*, *стáрца* → И. ед. *малёк*, *стáрец*; жен. И. ед. *метёлка* → Р. мн. *метёлок*; pl.t. И. *жмúрки* → Р. *жмúрок*; белор. муж. Р. ед. *малькá*, *стáрца* → И. ед. *малёк*, *стáрац*; жен. И. ед. *мяцёлка* → Р. мн. *мяцёлак*, pl.t. И. *жмúрки* → Р. *жмúрак*. Словообразователь-

ный фактор чередования *o* → *гласная* действует на очень широком лексическом поле имен существительных, прежде всего производных, но не только. Эпентеза гласной возможна также в основе непроизводных слов — в тех ее фрагментах, которые оказываются формально идентичными суффиксальным морфам, сравн.: русск. муж. Р. ед. *курка́* → И. ед. *куро́к*, ср. И. ед. *кольцо́* → Р. мн. *коле́ц*, жен. И. ед. *ма́ска* → Р. мн. *ма́сок*; белор. муж. Р. ед. *курка́* → И. ед. *куро́к*, жен. И. ед. *ма́ска* → Р. мн. *ма́сак*. Таким образом, словообразовательный фактор поддерживает регулярность чередования *o* → *гласная*, которое, в свою очередь, провоцирует формальную членимость и структурную неустойчивость основ непроизводных существительных, в том числе заимствованных.

В русском и белорусском языках есть также такие имена существительные, вокализацию основы которых невозможно объяснить ни фонологическим, ни грамматическим, ни словообразовательным факторами, например, русск.: *бобёр*, *бугор*, *свёкор*, *угол*, *уголь*; белор.: *бабёр*, *бугор*, *свёкар*, *вугал*, *вугаль*. Во-первых, данные существительные не являются производными словами, во-вторых, финальные консонантные группы *-бр*, *-гр*, *-кр*, *-гл* допускаются в позиции конца слова, или перед нулевой флексией муж. И. ед., сравн.: русск. *канделя́бр*, *ана́гр*, *акр*, *сингл*, *мангль*; белор.: *кандэля́бр*, *ана́гр*, *акр*, *сінгл*, *мангль*. Таким образом, чередование *o* → *гласная* в основе существительного может оказаться **позиционно не обусловленным**. Единственным фактором, объясняющим такое чередование, оказывается **лексический**. Как правило, существительные с позиционно не обусловленной эпентезой являются исконно русскими и белорусскими словами, и вокализация их основы в соответствующей падежной форме осуществляется по традиции.

Итак, чередование *o* → *гласная* в исходе субстантивной основы уже достаточно отдалено от собственно фонологической зоны как в русском, так и в белорусском языке — оно не имеет полностью автоматического распределения альтернатив, и значит, создает неудобную для носителей языка вариантность. У такого чередования есть, как известно, два пути дальнейшего развития: либо оно перестает действовать, либо, все более утрачивая фонологическую обусловленность, двигается в сторону дальнейшей морфологизации и лексикализации [2, 59]. В системе субстантивного словоизменения современного белорусского языка чередование *o* → *гласная* выявляет обе эти тенденции.

Тенденция к прекращению существования чередования *o* → *гласная* в исходе основы имени существительного становится очевидной при анализе данного чередования в обратном направлении *гласная* → *o*. Поскольку реализация фонологического нуля в исходе субстантивной основы абсолютно не зависит от позиции основы перед материально выраженной флексией, в парадигме существительного фонологический нуль отменяется и основа приобретает устойчивую структуру. Разумеется, что в течение некоторого времени варианты словоформы с нулем и гласной в основе сосуществуют, например: белор. муж. *Лён* — *льну́* и *лёну*, *люббу́* — *любви́* и *любви́*, *кіпень* — *кіпню* и *кіпеню*, *золак* — *зо́лку* и *зо́лаку*, *прóмень* — мн. *прóмні* и *прóмені*. В сфере существительных немужского рода вокализация основы устраняется в связи с "экспансией" флексии Р. мн. *-аў*, которая ликвидирует позиционное условие чередования *o* → *гласная*, и значит, само это чередование: белор. жен. *сястра́* → *сясьцёр* и *сёстры́*,

каралёўна → *каралёвен* и *каралёўнаў*, *вішня* → *вішань* и *вішняў*; ср. *чысло́* → *чы́сел* и *чы́слаў*, *акно́* → *акон* и *во́кнаў*, pl.t. *каноплі́* → *канапéль* і *канапéляў*.

Противоположная тенденция к сохранению чередования *o* → *гласная* проявляется в том, что в процесс вокализации втягиваются основы заимствованных существительных, но не всех, а только тех, которые характеризуются **общеупотребительностью** и/или **высокой частотностью** в речи. Именно этой причиной объясняется структурная неустойчивость основ таких заимствованных существительных, которые обозначают родственные отношения, предметы повседневного употребления, инструменты трудовой деятельности и т.д. Сравн.: белор. *шля́гера* — Р. ед. *шля́гера*, но *шва́гера* → Р. ед. *шва́гера*; *шы́фера* — Р. ед. *шы́фера*, но *ку́фара* → Р. ед. *ку́фара*; *гры́фель* — Р. ед. *гры́феля*, но *шу́феля* → Р. ед. *шу́феля*. Приведенные примеры заимствованных существительных со структурно неустойчивой основой являются фактами белорусского литературного языка. Однако заметим, что в разговорном стиле белорусского произношения явление вокализации основы как заимствованных, так и исконно белорусских слов представлено значительно шире, чем в строгой литературной речи, например: *ме́т^ар*, *лі́т^ар*, *зу́б^ар*, *Дне́^ар*, *ду́б^аль*, *бі́нок^аль*, *Бяго́м^аль*. Данные примеры иллюстрируют действие еще одного фактора вокализации субстантивной основы, а именно **фонетического**. Появление так называемого [ʰ]-подобного призвучья во всех данных случаях является результатом снижения требовательности говорящего к артикуляции звуков и сочетаний звуков и ослабления артикуляции согласных в позиции конца слова, которое возможно потому, что славянской речи свойственно так называемое слабое отступление — постепенный переход органов речи от работы к спокойствию. Стоит, однако, еще раз подчеркнуть, что вставной гласный призвучья развивается в основе не любого существительного, а только такого исконно белорусского или адаптированного заимствованного слова, которое является хорошо знакомым и/или широко употребляемым в речи, как, например, *сін^ал*, *біт^ал*, *матацы́к^ал* в речи молодежи или *каліб^ар*, *цылінд^ар*, *арбіт^ар*, *педыя́т^ар*, *магі́ст^ар* в профессионально-корпоративном общении. Именно эти лексические характеристики существительного могут способствовать структурной неустойчивости его основы и закреплению впоследствии чередования *o* → *гласная* как нормы в его парадигме, сравн.: *цыстэ́рна* → Р. мн. *цыстэ́рані*, хотя *каве́рна* → Р. мн. *каве́рні*.

Итак, очевидно, что тенденция к структурной устойчивости субстантивной основы в падежной парадигме вызывается потребностями адресата, которому в этом случае становится легче распознавать слова, а тенденция к сохранению вокализации основы является результатом речевого поведения адресанта, говорящего так, как ему удобно. Это противоречие между "говорящим" и "слушающим" обеспечивается избыточной вариативностью в системе субстантивного словоизменения, свойственной русскому и белорусскому языкам как языкам фюзинно-флективного типа.

Литература

1. Гардзей Н.М. Вакалізацыя субстантыўнай асновы ў сучаснай беларускай мове / Н.М.Гардзей // Беларуская лінгвістыка. 2008. Вып. 61. — С. 21–29; Вып. 62. С. 19–27.
2. Плу́нган В.А. Общая морфология: Введение в проблематику / В.А. Плу́нган. М., 2003.
3. Толстая С. М. Морфонология в структуре славянских языков / С.М. Толстая. М., 1998.
4. Чурганова В.Г. Очерк русской морфонологии / В.Г. Чурганова. М., 1973.

5. Janda R. "Phonologization" as the Start of De-phoneticization — Or, On Sound Change and its Aftermath: Of Extension, Generalization, Lexicalization, and Morphologization // B.D. Joseph, R.D. Janda. The handbook of historical linguistics. Oxford, 2003. — P. 401–422.

Григор Григоров (България, Благоевград)

**ОНОМАСТИКА И МИСТИФИКАЦИЯ
(ЛИЧНИТЕ ИМЕНА В ПОЕТИЧНИЯ ЦИКЪЛ "НА ОСТРОВА
НА БЛАЖЕНИТЕ" ОТ П.П. СЛАВЕЙКОВ ОТ ГЛЕДНА ТОЧКА
НА ЕЗИКОВАТА ИЗОМЕРИЯ НА В.А. КАРПОВ)**

Научното наследство на езиковед В.А. Карпов е разнообразно и приносно в много посоки включително и за българския език. На него дължим добър учебник по български език и множество статии разглеждащи българска проблематика. Изключително интересна остава неговата теория за езиковата изомерия, която намира приложения най-вече в обучението по чужд език. В българската хуманитаристика езиковата изомерия може да подсказва интересни решения за разгадаването на естетическите послания на ранния български модернизъм изградени посредством индивидуално езиково творчество.

В историята на българската литература и култура творчеството на Пенчо Славейков заема особено място. Всепризнат е неговият принос в изграждането на модерната българска литература. Със своят талант и с новаторските си възгледи за литературата и изкуството Славейков се очертава като най-крупната фигура в литературата от началото на 20 в. Поезията му категорично напуска пространствата на национално и социално ангажираното писане и се вдъхновява пред чистото изкуство поставящо в центъра на света индивидуалния човек. Индивидуализмът като направление в литературата е идейно и естетически осъзнат от Славейков и той в жанрово многообразното си творчество многократно е заявявал своите позиции. Около неговата борбена и неспокойна личност се формира интелектуалният кръг "Мисъл" от силни и индивидуални таланти, който завинаги променя българската литература.

"На острова на блажените" е книга антология издадена в 1910 г. и уникална по своя характер. В нея са представени творбите на 19 въображаеми поети живеещи на измислен остров. Славейков създава литературна мистификация, като сам се превъплъщава в поети, чиито имена и биографии сам измисля. За неговото творчество това не е новост. Преди тази творба П. Славейков е публикувал свои стихове, които подписвал като преводи от поетите Ферхад Меддах и Олаф ван Гелдерн. И двете имена са измислени. Първото от тях звучи твърде източно асоциирайки с персийската словесност. Второто име звучи твърде западно словообразувано в англо-германските езици. И двете имена изпълняват обща цел да се отдалечат от българския език. В "Острова на Блажените" е кодирана българската политическа и литературна картина от времето на Славейков. В този цикъл от стихове проявява разнообразния талант на поета. Към стиховете на измислените поети са добавени кратки биографични портрети, които детайлно разкриват факти съпадащи с биографията на самия П. Славейков или на други български поети [3, с. 41–113].

Особен интерес представляват личните имена. За име на столица на измисления остров е поставен град Артания, което прочетено на обратно съвпада с името на река Янтра. Говори се също за град Анварт, което е обратно прочитане на родния град на Славейков — Трявна. Родният град на измислената поетеса Силва Мара се нарича Овеилвес, което съвпада с обратното прочитане на град Севлиево, който от своя страна е роден град на поетесата Мара Белчева. Съответно покойният мъж на Силва Мара се нарича Чибел, което е анаграм на фамилията Белчев. Подобни размествания на буквите и звуковете при образуването на поетичните имена се срещат често и много от тях са прозрачни за читателите и литературните изследователи.

Богатството от причудливи и красиви имена дава основания да се погледне към тях през теорията за езиковата изомерия разработена от Карпов в книгата му "Езикът като система."

Като погледнем към имената на поетите ще видим, че всичките са с по две имена. Боре Вихор, Видул Фингар, Спиро Година, Доре Груда, Велко Меруда, Китан Дожд, Нено Вечер, Стамен Росита, Чевдар Подрумче, Иво Доля, Бойко Раздяла, Тихо Чубра, Секул Скъта, Нягул Кавела, Ралин Стубел, Витан Габър, Недан Ветко, Вита Морена, Силва Мара, Боне Войдан. Славейков е ползвал сборникът с песни на братя Миладинови от където е извадил някои от имената [1, с. 528–529]. Някои от тези имена е променил с цел да им придаде поетично звучене. Повечето личните имена съвпадат с българската именна система, но като цяло остава усещането за старинни, забравени и красиви лични имена. Втората част от имената пряко или асоциативно отговаря на някакъв предмет, понятие или качество. Засилва се усещането, че имената на поетите са образувани от лично име и прозвище — традиция каквато е съществувала в именната система на българите, преди да се прибави наставката –ов за оформяне на фамилно име.

Макар, че имената на поетите са авторска мистификация те са словообразувани в българска езикова среда. Теорията на Карпов за изомерията в езика предлага следната възможност. Всяка словоформа да се разгледа като набор от букви заемащи различни позиции. При промяна на позициите на същите букви се построява нова словоформа различна по граматика и семантика. Изомерни се наричат думите, които имат свои съответствия при размяна на подредбата на буквите. Така например почти всяка двубуквена дума има свой огледален изомер изомер. Карпов привежда следните примери от руски език: ад:да ан:на ал:ла аз:за и др. (2, с. 153) При трибуквените думи вариантите са 6, а при четрибуквените думи са 24. По правило колкото повече са буквите в словоформата, толкова по-малко са неговите изомери.

Името Иво Доля с което П. Славейков най-недвусмислено визира собствената си личност е и най-краткото име в творбата. Разложено на съставните си букви и отново комбинирано ни дава следните възможности:

Иво — оив — иов — вои — вио — ови.

Вариантите на първото име не дават пълни съответствие, но дават възможност чрез близкия по звучене и изписване глайд (й) да изведем две възможности — библейското име "Йов" и съществителното "вой". Съответно името Доля дава следните възможности:

звучные "делом глупцов". Для Славейкова благозвучие напоминает повозку (char a banks), в которой есть скамейки: "она — красивая, элегантная, но не для долгого путешествия, а для прогулки по бульвару" [2]. Особую иерархию благозвучия гласных выстраивает в своей "Истории болгарского языка" проф. Бене Цонев: "Звук **ъ** не из самых благозвучных — наоборот, для неболгарского уха он даже неприятен." В связи с этим Цонев предлагает ограничить, насколько это возможно, его употребление в литературном языке, заменив на "на много более благозвучный гласный **а** в суффиксах и окончаниях". Рассуждая о том, как следует произносить гласный на месте старого "ятя", Б.Цонев полагает, что эвфонические потери при отказе от чередования *e/a* в пользу постоянного *e* невелики, так как "звук *e* — благозвучен", а в литературном языке и так достаточно часто встречается *a* (*няма нужда от повече*) [7]. Как мы видим, даже в работах признанных ученых того времени нередки довольно субъективные взгляды на частные факты языка. Авторы старались привести и какие-то логические аргументы, но это не всегда им удавалось. Некоторые поэты и писатели искали реальные эталоны для своих сравнений (напр., у А. Каралийчева: "гибкий, упругий, стойкий (*жилав*) как тростник, твердый как сталь, нежный как дуновение вечернего ветра, горячий как молодое сердце, острый как меч") [2]. Перечень характеристик болгарского языка постоянно пополнялся новыми и вариациями старых: красивый, богатый, яркий, мужественный, дивный, активный, мистический, язык — избранник и пророк священных тайн, храбрый, буйный, полный движения в самых неожиданных направлениях. Разнообразные определения фактически сводятся к одному: болгарский язык способен выразить сложные мысли и чувства, динамику действий, ярко описать конкретную обстановку. Автор одной из первых работ по психологии болгарского народа Тодор Панов все-таки считает, что "он более пригоден для неторопливого процесса мышления, чем для быстрого перехода от одного явления к другому", а ясность, доходящая до лаконичной суровости, причает "скорее думать, чем говорить". Этими своими чертами, по мнению Панова, болгарский язык ближе к немецкому — "языку философии", чем к французскому — "языку поэзии и изящной литературы". Реализм в языке формирует, согласно Панову, реализм в характере. Поддерживая идею о связи языка и психологии народа, другие авторы решают вопрос об их взаимовлиянии в ином ракурсе. Одной из причин изменений в языке профессор Б.Цонев называет "душевный строй болгар, во многом отличающийся от характера других славян" [7]. Логическая цепочка: изменения в мышлении и во взглядах на окружающий мир ведут к изменениям в строе языка и для профессора Ал. Теодорова-Балана объясняет переход болгарского языка от синтетизма к аналитизму. Главную тенденцию развития Баллан формулирует так: "от формального — к предметному, от абстракции — к конкретике, от идеального — к реальному" [6].

Славянский в лексическом плане, болгарский язык разошелся сильно в грамматическом строе со своими собратьями. Оставаясь "умеренно консервативным" в отдельных фрагментах и активно развивая инновации в других, болгарский язык приобретал специфические черты в славянской семье. Самыми важными из них считаются морфологическое выражение определенности в именах, распад падежной системы в именном склонении и сильно развитая

система глагольных категорий (вид, время, залог, наклонение). Сравнения с другими славянскими языками привели к необходимости решать вопрос о "потерях" и "приобретениях", "обогащении" или "обеднении" болгарского. В период становления литературного языка членные формы имен, наряду с обсуждением статуса гласного **Ъ** стали "болевым точкой" дискуссии представителей разных школ. Членные формы воспринимались их противниками как препятствие к сочинению хорошей поэзии. "Архаизаторы" не видели членных форм в текстах на церковнославянском языке, ошибочно принимаемом ими за староболгарский. На этом основании они считали членные формы излишеством и уродством, портящим язык. Происхождение этих форм для них оставалось или неизвестным ("из небытия произведенные" — Хр. Павлович) или считалось результатом иноязычного, греческого влияния [5]. Важную роль в оценке упомянутого явления сыграл и авторитет российского ученого, автора первой грамматики болгарского языка Юрия Ивановича Венелина. Он не мог не заметить наличие членных форм и неизменяемых по падежам форм имен, но установка: "болгары и так суть русское племя, русские выходцы" не позволила ему увидеть и определить правильно суть фактов, чуждых русскому языку: "Кто-то, видя в болгарской книжке частое, хотя нелепое повторение сего указательного местоимения, принял его за член задсловный, но несправедливо". Падежные "правильные" окончания он считает не исчезнувшими, а "спавшими с голоса" и это происходит "от продолжительности времени или старости языка, но еще более от влияния более жаркого климата, который действительно послабляет действия всех членов нашего тела и располагает язык к укорочению слов и умягчению оных" [3]. Заступники членных форм доказывали, со своей стороны, что они — не излишество, а необходимость, привносящая в речь нужную определенность смысла. С решением вопроса о принятии народной основы литературного языка необходимость членных форм была принята окончательно и бесповоротно. В дальнейшем их наличие оценивалось только положительно: как "важная и ценная особенность" (Л. Андрейчин) [1], приобретение, придающее мысли "ясность и определенность" (Ив. Вазов) [2]. Обогащение и обеднение языка не связано обязательно с увеличением или уменьшением количества словоформ, тем более это не может быть определяющим критерием в решении вопроса о "развитости" или "неразвитости" языков. Распад падежной системы имен воспринимается писателем Эмилианом Станевым не как потеря, а как проявление "болгарского гения", удивительное достижение (*чудо*) "простых и безграмотных пастухов и жнецов" [2].

Контраст между количеством и характером категорий, составляющих грамматическое значение болгарского глагола и глаголов остальных славянских языко, тоже является поводом для толкований. Б.Цонев выражал мнение, что "болгарин высказывает свои мысли чаще всего в целых глагольных выражениях, в глаголах лучше всего отражается дух языка, он — самая важная и самая мощная часть болгарской речи"[7]. Редкой и оригинальной особенностью болгарского языка назвал проф. Л. Андрейчин формирование особого наклонения пересказа для передачи несвидетельской информации., встречающееся из языков Европы **только** в турецком [1]. На самом деле такими наклонениями располагают также эстонский и латышский языки, но в рамках славянской

общности это действительно уникальное явление. Вопрос о его генезисе и о роли турецкого влияния остается до сих пор открытым. Один из первых исследователей форм пересказа Юрдан Трифонов напрямую связывает их появление с определенными чертами народного характера: "предосторожность, уклонение от ответственности за то, в чем прямо не участвуем, так мы и стараемся в своей речи на каждом шагу подчеркнуть, что мы видели своими глазами и о чем лишь слышали от других людей". Трифонов ищет и языковое объяснение, допуская развитие форм на основе прошедшего неопределенного времени. Взаимодействием языковых (внутрисистемных) и этнопсихологических факторов в конце XX века пытался также объяснить существование форм времени "будущего в прошедшем" болгарский лингвист Михаил Виденов: "Для болгарина важно при описании нереализованного действия подчеркнуть, что у него было намерение совершить его и это намерение — достаточное основание для выхода с честью из неприятной для него ситуации"[4].

"Странности" болгарского языка, своего среди чужих и чужого среди своих, вызывали и будут вызывать повышенное внимание специалистов и дилетантов с филологическими интересами. Субъективность и объективность при этом всегда шли рядом, но часто из их сочетания появлялись оригинальные и перспективные идеи в науке о языке.

Литература

1. Андрейчин Л. Основна българска граматика / Л. Андрейчин. София, 1978.
2. Българските писатели за родния език и художествено слово. София, 1973.
3. Венелин Ю.И. Грамматика нынешнего болгарского наречия / Ю.И. Венелин. М., 1985.
4. Виденов М. Езиковата култура на българите / М. Виденов. София, 1995.
5. Строители и ревнители на родния език. София, 1982.
6. Теодоров — Балан Ал. Български записи / Теодоров — Ал. Балан. София, 1956.
7. Цонев Б. История на българския език / Б. Цонев. София, 1985.

А.М. Калюта (Беларусь/Турция)

ГРАФФИТИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Текст как "первичная данность" (М. Бахтин) филологии является тем единственным объектом изучения, который привлекает исследователей. Текстами можно признать все, что пишется рукой или с помощью технических средств или произносится в устной форме. Граффити — это один из распространенных видов текста, встречающийся буквально "на каждом углу": на стенах зданий, тротуаре, в подъездах домов, в общественном транспорте, на столах студенческих аудиторий и даже, как пел Высоцкий, "в общественном парижском туалете", где "есть надписи на русском языке". Это явление интернациональное, свойственное всем современным обществам. Исторически феномен граффити принадлежит археологии и истории, но его выход за рамки этих двух наук, его тотальное распространение произошло в 20 и 21 веках, приобретая уже не исторический, а психосоциолингвистический характер. Исследователи отмечают, что впервые собрал и систематизировал граффити в 1731 году англичанин Трумбо, который опубликовал онтологию надписей, собранных на зданиях и в

общественных местах Лондона. Его материал содержал высказывания о любви, браке, пьянстве, трезвости, скандалах, политике, играх, а также проповеди. А в 1935 году американец Рид, проанализировав надписи, собранные в общественных туалетах, пришёл к выводу об изменении в значениях слов (см.: [2]).

Студенческие аудитории оказались весьма подходящим местом для появления такого рода текстов. В 2000 году нами была составлена картотека граффити, имевшихся на столах аудиторий филологического факультета БГУ. Таких надписей оказалось около полутора тысяч. Можно сколько угодно стыдить безвестных авторов граффити, взывать к их сознанию и даже угрожать разоблачением, но искоренить этот текстовый вал вряд ли возможно. Попробуем разобраться в психологической основе граффити и выявить лингвистический характер этих текстов.

Современные граффити полимотивированы. Если в эпоху Древней Руси граффити являлись средством идентификации личности или предмета, то во времена массовой культуры они становятся утверждением личностной или групповой идентичности, выражают протест против социальных или культурных норм, несут в себе сексуальные, развлекательные и творческие мотивы. Кроме того, они могут быть отголоском молитв или заклинаний, отражающих страх перед угрозой приближающегося события: "Господи, помоги мне!", "Боже, за что?"

Первые граффити относились к жанру "Здесь был Вася". Этот наиболее простой вид граффити вызван стремлением "увекочить" своё имя в истории. Как полагают некоторые исследователи, "графффити представляют собой аналог архаических, филогенетически ранних поведенческих реакций, свойственных животным (например, пометка территории)" [2], [5]. Это примитивный вид творчества, "...это попытка сделать эфемерное вечным... Аристотель назвал среди главных стимулов человеческой деятельности атанатизейн — желание обессмертить себя посредством великих деяний и произведений искусства. Это желание свойственно почти всякому из живущих. Правда, осуществить его мало кому удаётся, но зато успех этих немногих кружит голову остальным. Оставить о себе память хочется не только царям, поэтам и философам. Самый распространённый опус в жанре атанатизейн — надписи на видных местах в жанре "Здесь был Коля". Безвестный Коля хочет, чтобы его помнили, чтобы о его существовании знали незнакомые ему люди..." [6]. Обратим внимание, что граффити всегда появляются в местах скопления людей, что как раз подтверждает мысль Аристотеля об атанатизейне. На столах в аудиториях также есть многочисленные начертания имён, часть которых вызвана "атанатизейном". Так студенты метят "свою территорию", свой ареал вузовского обитания. Правда, иногда встречаются имена других людей, которые нравятся или не нравятся автору граффити: "Оля, Оленька, Олька, Олечка, Олюшка, Оленёнок, Ольчик, Олюшик, Олик, Олюнчик, Олюша", "Олег Быков — сила и красота" или "Тимур козёл". Таким доступным способом автор оповещает мир о своём отношении к конкретному лицу или группе лиц, "сливает" накопившиеся эмоции. Близи этой группе граффити музыкальные пристрастия молодёжи, выразившиеся в начертаниях названий исполнителей иногда аксиологического характера: "Нэн-

си", Вика Цыганова, Миша Шуфутинский, NRM, "Nirvana — говно!", "Аквариум", Б.Г., Deep Purple, Led Zeppelin, Elton John, "Попса — дерьмо" и др.

Главный психологический фундамент при создании граффити — анонимность и безнаказанность. Осознание того, что тебе за это "ничего не будет", часто толкает людей даже на уголовные преступления, а уж в ситуации "коллективного безразличия", которое царит обычно в студенческих аудиториях, производство надписей ручкой или даже вырезание их ножом считается обычным делом. Подчеркну, что анонимность в этом случае обычно обеспечивается коллективным попустительством, потому что граффити создаются на глазах у других студентов, которые, конечно же, никогда не донесут на их автора. Более того, одновременно в создании граффити могут участвовать несколько человек. Подобно тому, как в тёмном зале кинотеатра можно вызвать "эффект цепного кашля", так и в аудитории вид одного пишущего на столе студента может создать аналогичную цепную реакцию. Такое творчество иногда носит непроизвольный характер, человек не всегда осознаёт, что, слушая лектора, он выводит ручкой какие-то знаки на столе. Я сам не раз был свидетелем того, как студенты что-то писали или рисовали на столах, внимая преподавателю, и как они смущались, когда им делалось замечание, потому что сами не осознавали, что портят мебель. Психологи даже пытаются найти зависимость между формой знаков, которые слушающий наносит на листке бумаги или на столе, и образом мышления. Но нас более интересуют сознательные действия, в результате которых создаются граффити.

То, что создание граффити часто принимает коллективные формы, подтверждается диалогическим характером части из них. Надпись становится стимулом, который вызывает отложенную по времени реакцию: читающий надпись откликается на неё, добавляя свою. Иногда такой процесс становится затяжным: в ряде случаев насчитывается до 10 графических тактов, созданных разными людьми. При этом нередко нарушаются все мыслимые этические нормы языка, чему во многом способствует то, что участники общения друг другу не известны. В таких диалогах нет табу ни на темы, ни на средства. Среди граффити обычны диалоги типа: "Таня свинья. — А я Марина. — И ты свинья!"; "Я не хочу сессию! А ты? — Кто же её хочет? — Я! — Ну и дура!" Иногда встречаются элементы словотворчества: "Люблю негра. — А я еврея. — А я евронегра".

Причиной появления ещё одной группы граффити стала оппозиция власти, бунтарство, свойственное молодёжи во все периоды истории. Многие из таких надписей стали выражением юношеского максимализма, крайней эмоциональности и боязни выразить протест легальным способом. То есть граффити обнаруживают подавленные, скрытые проблемы, внутренние личностные и социальные конфликты. В надписях протестного характера упоминаются также известные политики или организации, не принадлежащие власти. Граффити содержат политические лозунги, призывы иногда экстремистского содержания: "Трымайся, Албания, Беларусь з табою!"; "Жыве Беларусь!"; "Задолбал БНФ"; "Сегодня НАТО бомбит Белград, завтра будет Брест"; "Смерть пидору Клинтону и жидовской сукке Олбрайт!"; "Геть за Беларусь!"; "С жиру бесишься? Голо-

суй за Жириновского!"; "Люби Беларусь! Яна твая калыска, твой хлеб, твой апошні прытулак!"

Вообще среди студентов протест является обычным "настольным" жанром, содержащим негативные оценки политиков, собственных преподавателей, сокурсников, писателей или музыкальных исполнителей. Иногда такие оценки содержат инвективы, появляющиеся, как уже было сказано, от осознания, что "мне за это ничего не будет", хотя молодые люди знают, что уголовное или административное наказание может наступить и за вербальный проступок. Инвектива — обычный элемент граффити, отражающий процессы разговорной речи, "вербальное нарушение этического табу, осуществлённое некодифицированными средствами" [4]. С помощью инвектив и кодифицированных средств протеста происходит освобождение от запретов доминирующей культуры, которая стремится подавить агрессию и сексуальные влечения. Отсюда и появление инвектив, непристойных портретных и иных рисунков.

Что касается негативных оценок преподавателей, то они стали или каналом выплеска отрицательных эмоций, связанных с личностью самого преподавателя, или осознанием собственного бессилия овладеть его предметом, что ассоциативно отрицательно отражается на лекторе. Эти надписи порой образны или содержат претензию на афористичность, хотя чаще это пошлый вульгаризм. Из более-менее этичных приведём: "Имярек — злобная старушка", "Не могу больше видеть Имярека!", "Хороший Имярек — мёртвый Имярек", "Здесь кнопка выброса препода в плотные слои атмосферы".

Близка этой и тема неустроенности, тоски, нежелания учиться. Такие "крики души" часто очень экспрессивны, иногда они зарифмованы. "Как всё задрало!"; "Как меня всё достало!"; "Не хочу слушать античку!"; "Меня всё как-то задолбало!"; "Лучше быть хвостом макаки, чем учиться на филфаке"; "Философия — галиматья"; "Филфак — полнейшее болото. Куда мы попали?"; "А не пойти ли мне на занятия? — подумал студент и не пошёл!"; "Ненавижу введение в литературоведение"; "Ненавижу латинский!"; "Если я доживу до конца пары, поставьте мне памятник. О. К. ?"; "Мудрейшая птица на свете — сова, всё знает, но очень скупа на слова, чем больше узнает, тем меньше болтает — вот этого лектору, блин, не хватает!"; "5 лет свободы не видать!"; "Пива хочу!"; "Люблю рыб. Они молчат!"; "Не сплю! Не сплю! Не сплю!"; "Встану рано утром, выпью банку рутути и пойду подохну в этом институте". Правда, встречаются и патристичные рифмовки, в которых автор как бы объясняет, почему он учится на филфаке: "Если ты тупой немного, на физфак тебе дорога. Если ты тупой совсем, поступай на ФПМ".

Некоторые исследователи определяют граффити как вид субкультуры со своими правилами, традициями, перенятыми у жанров устного творчества. Вот почему среди надписей встречаются довольно крупные по размеру стихотворные формы, афоризмы, спортивные кричалки. Цитирование иногда бывает авторским: несколько раз нам встретились тексты Высоцкого, Пушкина, афоризмы Чехова и Л. Толстого, рок-цитирование и одностишья Вишневского ("Спасибо мне, что есть я у тебя"; "Кишка тонка, зато она моя"; "Я не хотел туда идти. Меня послали", "Не так я вас любил, как вы стонали"). При цитировании часто происходит замена цитат как признак фольклора: пишущий стремится

добавить что-то своё, чтобы максимально эффективно воздействовать на потенциального читателя: "Я тучка, тучка, тучка, я вовсе не студент, а как приятно тучке с лекций улететь"; "Как много девушек хороших, но что-то тянет на плохих"; "Вот на кладбище пойду, гробик откопаю, мертвеца в дом приведу, а потом схочу"; "Машу пальцем не испортишь"; "Мой дядя самых честных грабил"; "Кто есть who?" и т.д.

Нелепицы, чёрный юмор, страшилки, ритуальные стишки часто сексуального содержания, игры словами и смыслами — обычные виды граффити: "Ёжики! Чем мы не кони?"; "Нас убьют за то, что мы гуляем по трамвайным рельсам"; "Хто сказаў, што моладзі трэба толькі наркатыкі, дыска і сэкс? Няпраўда! Найперш ёй трэба грошы для ўсяго гэтага"; "Здесь была, есть и будет есть Настя"; "В лесу голубые ели, они ещё и пили"; "Дыягназ: агульная млявасць, поўная абьякавасць да жыцця, цяга да самазагубства"; "Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт"; "Мне бы рожу как у жабы, я б тебе приснился, крошка"; "Лучше гипс и кровать, чем гранит и оградку"; "Кто стучится в дом моя? Видишь, дома нет никто. Приходи ко мне вчера — будем прыгать в ширину"; "Ну и запросы у вас! — сказала база и зависла".

Постоянно возникает в граффити тема разделённой и неразделённой любви с её запретами и сексуальными фантазиями. В таких граффити больше домысла, чем реального опыта. Это, скорее, чужое знание, с помощью которого автор воображает, что он в любовных утехх тёртый калач: "Наташа — 3 рубля и наша"; "Чего-то хочется, а кого не знаю"; "Sex учёбе не помеха"; "Почему так бывает на свете: любишь ты, но не видишь кого"; "Женщины — то же вино, которое может испортиться"; "Ты ушёл, меня не замечаю, конфетку шоколадную жуя. Так пусть тебя полюбит сука злая, а не такое солнышко, как я!"; "Мальчик жестом объяснил, что его зовут Хуаном". Вообще афористичность — один их атрибутов граффити. Она отражает завышенную самооценку автора, желание поэстетизировать, поиграть словами, самоутвердиться на фоне не понятно что делающего у доски преподавателя. Кроме того, афористичность в жанре граффити — часто обманутое ожидание, рассчитанное на эффект парадокса. "Смерть стоит того, чтобы жить"; "Дайте студенту точку опоры, и он уснёт"; "Когда рядом нет того, кого я люблю, я люблю того, кто рядом"; "У каго няма дарогі, той ідзе ў педагогі"; "Не всхрапни на лекции, дабы не разбудить рядом спящего"; "Хочется большого и чистого — помой слона!"; "Все гении мертвы"; "Люблю работу. Могу смотреть на неё часами"; "Ничто так не красит женщину, как перекись водорода"; "Люди! Прежде чем зайти к кому-то в душу, снимайте ботинки: там и без вас может быть грязно"; "У нас есть что вспомнить, но нечего рассказать детям"; "Я не люблю, когда мне врут, но от правды тоже устаю"; "Благодарность проходит быстро, страх — никогда"; "Мужчина — Бог. Но он всегда у наших ног"; "Крошка, ты не из нашего батона"; "Быть христианином зачастую труднее, чем атеистом или сатанистом"; "Поэтами не рождаются, поэтами умирают" и т.д.

Иногда авторы граффити сознательно идут на нарушение норм словосочетания и орфографии, используют просторечия и вульгаризмы. Причина — стремление к снижению порога официальности, подсознательное желание показать, что то, о чём они пишут, несерьёзно, что к этому нужно относиться как

к шутке: "Женюся"; "Чаво табе?"; "Харёк"; "Щаз спою". Такие надписи сродни принятому ныне в компьютерном общении написанию, отражающему максимальную свободу от разного рода языковых норм. Это такая вывернутая наизнанку языковая эстетика, форма наслаждения от осознания заведомо неправильно написанных или произнесённых слов. Правда, во многих случаях компьютерного написания это также удобная возможность скрыть собственную безграмотность.

По граффити можно изучать географию поступивших на факультет, обычно это названия белорусских городов, хотя иногда встречаются российские и иные топонимы: Сморгонь, Борисов, Витебск, Быхов, Могилёв, Лида, Смоленск, Brookline и др. Очевидно, что такие надписи — это не только своеобразная форма любви к малой родине, тоска по ней, но также и страхи человека, оказавшегося в чужом месте. Их можно рассматривать также как пометку территории, которая должна стать своей.

Тексты в жанре граффити написаны преимущественно на русском языке, хотя белорусские слова или предложения тоже нередки. Из других языков преобладает английский, встречается также латынь, польский, сербский, немецкий, итальянский, старославянский. Очевидно, иноязычные вкрапления отражают сферу прагматических интересов автора или степень популярности языка: "I love you", "She was the first girl of the moon"; "I don't like wisky, but wisky likes me"; "Per aspera ad astra"; "Italiano bandito — e un grande bandito"; "Geinz fon Guderian: Wermacht Tank Group Chiefcommander"; "srpska knjizevnost" и др.

Несомненно, что создателей граффити забавляет их творчество, они расценивают всё это как коллективную игру, как канал коммуникации: "Товарищи! Сделайте парты произведениями искусства!"; "Хочу залик по истории белоруской литературы! — Учись грамоте сначала"; "Студенты филфака! Начнём решительную борьбу с алкоголизмом!" и даже "Господа, не пишите на партах!"

Таким образом, в белорусской студенческой аудитории мы наблюдаем разнообразие жанров и языковых вариантов исполнения граффити. С психологической точки зрения граффити выражают сознательное или бессознательное стремление к самоутверждению, они выступают в качестве механизма "снятия коллективного напряжения, средством борьбы с групповыми страхами, обеспечивая репрезентацию себя или объекта страха". Современные граффити можно также рассматривать как часть процесса социализации молодежи [3], как вид конъюнктурного словотворчества.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М.М. Бахтин. — Русский гуманитарный интернет-университет, 2004. Электронный ресурс: info@vusnet.ru
2. Белкин А.И. История становления, развития и современное состояние проблемы граффити в зарубежной и отечественной психологической науке / А.И. Белкин. В: "История отечественной и мировой психологической мысли: постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее. Материалы международной конференции по истории психологии "IV московские встречи", 26-29 июня 2006 г.". М., 2006, с.145-151.
3. Бочарова О., Щукин Я. Минитекст молодёжных граффити / О. Бочарова, Я. Щукин // Искусство кино, 1997, №1, с. 100-109.

4. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В.И. Жельвис // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. -Барнаул, 2000. — с. 194-206.
5. Седнев В. Надписи и рисунки в общественном транспорте (попытка классификации) / В. Седнев // Философская и социологическая мысль, 1993, №1, с.170-173.
6. Чхартишвили Г. Писатель и самоубийство / Г. Чхартишвили. М., 2006.

Н.А. Погребная (Минск, БГУ)

АНТОНИМИЯ ЗНАКОВ В ПОСЛОВИЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА

Концептуализация в пословичной картине мира (ПКМ) существенно отличается от концептуализации в кодифицированном языке. Ю.С. Степанов в своей работе "Концепты. Тонкая пленка цивилизации" писал, что "концепты, принадлежащие к сфере "художественное, национальное", то есть "не-научное", тем не менее так же, как и "научные", естественно располагают в некоторых случаях обсуждать их парами, как противопоставленные, оппозитивные" [5, с. 126]. К таким концептам по нашему мнению относятся антонимические концепты, которые мы выделили в отдельный тип концепта. Соответственно и способы концептуализации будут специфическими для данного типа концепта. Мы бы хотели остановиться на особенностях антонимической концептуализации знаков, входящих в семантические поля антонимических концептов в наивной картине мира двух языков — русского и английского.

Ю.С. Степанов говорит о расширении концепта: "...осознание этого [концепта как словесного образа бытия, имени, осуществления] — не только "имя", но часто просто фраза, целое высказывание, даже, может быть, музыкальное или живописное, картина..." [5, с. 192]. Таким образом, концепт находит свое продолжение в большом количестве типов текстов, в том числе в паремиях, которые составляют корпус пословичной картины мира (см.: [2]).

Пословичная картина мира как часть наивной картины мира нами была выбрана по той причине, что пословичный корпус, даже не являясь активной частью словаря говорящего на русском или английском языке, оставляет за собой роль носителя максимального количества оценок различных жизненных реалий, данных обществом.

В.М. Мокиенко отмечал, что пословица чаще всего суждение, которое имеет назидательный характер, выраженный образно [3, с. 5]. Воспитательная функция пословицы не подлежит сомнению, а ее корни, по мнению ученых (В.М. Мокиенко, А.А. Потебни), уходят к басне. Образ, получавший оценку, первоначально содержащийся в басне, постепенно, путем "сгущения мысли", становился пословицей.

В памяти восстанавливается пословица, когда говорящий упоминает только ее часть (но самую образную, сильную).

Самым запоминающимся и упоминаемым в пословице (как ранее в басне) выступает не само назидание или понятие, а концепт. В концептах нет "знания" вне "эмоций". Именно этим концепты и отличаются от "понятий просто" [5, с. 114].

Концепт в силу своей эмоционально-оценочной окрашенности может выражать не понятие и даже не идею данного понятия. Он дает нам возможность уловить отражение идеи в сознании, а следовательно, в культуре носителей языка. Наше понимание концепта в данном случае близко тому, что Ю.С. Степанов назвал "чистой ошутимостью", предельной минимализацией [5, с. 109].

Однако нам в первую очередь важно подчеркнуть, что предельно четко проиллюстрировать оценку можно именно при помощи антонимического концепта, потому что противопоставление положительного и отрицательного лежит в самой его основе. Всего нами было рассмотрено 10 концептов. Мы продвигались от сущности самого человека к внешним факторам его существования.

Проанализированный пословичный материал позволяет нам говорить о характерных принципах антонимической концептуализации.

Иллюстрации ситуаций *проигрыша* и *выигрыша* в паремииологическом материале представлены достаточно широко. Важно подчеркнуть, что в концептуализации и русской, и английской ПКМ используются знаки ситуаций — *грудь в крестах / голова в кустах, в стремя ногой / в пень головой; одно / другое* (рус.); *потеряешь на качелях / восполнишь на каруселях, из кобыл / в клячи, плавать в грехе / утонуть в горе, утонуть / выплыть, седло отвоюю / лошадь потерять, одна дверь закрывается / другая открывается* (англ.). Специфически английским является положение о том, что *избежать беды — это уже выигрыш*, в то время как в русских паремиях подчеркивается, что нет абсолютного счастья и абсолютного горя.

В русской пословичной картине мира используется концептуальное противопоставление *серенькое — красенькое* (специфична уменьшительная форма), *белое — черное* в значении *плохое — хорошее*. Общее мнение состоит в том, что и плохое не вечно, но и хорошее заканчивается: *Утреннее солнце не на весь день; Скверное утро может смениться ясным днем; Самое темное время перед рассветом — для английской и Будет ночь — будет и день — для русской пословичной картины мира.*

В концептуализации взаимосвязи счастья и несчастья участвуют силы природы. Сакральное *солнце* противопоставляется *ненастью* и *дождю* в русской наивной картине мира: *Не все ненастье, проглянет и красно солнышко; После дождичка будет солнышко; После грозы — ведро, после горя — радость; тучам — в английской: If there were no clouds, we should not enjoy the sun (Если бы не было туч, мы бы и солнцу не радовались)*. В английской паремииологии противопоставлены также *буря — затишье: After a storm comes a calm (После бури наступает затишье)* и *дождь — ясная погода: After rain comes fair weather (После дождя приходит ясная погода)*, в концептуализацию втягиваются конкретные временные рамки: *Rain before seven, fine before eleven (В семь часов дождь, в одиннадцать — ясная погода)*. Специфична зависимость выделена в русском материале — *Чем ночь темней, тем ярче звезды*, то есть чем опаснее ситуация, тем счастливее будет ее финал.

Трудовая деятельность концептуализируется на базе противопоставления сезонных работ: *Летом нагуляешься, зимой наголодаешься*; действий и знаков

действий, которые вне контекста, вне иллюстрации не антонимичны: *Лето пролежишь — зимой с сумой побежишь* (пойдешь просить милостыню); *Летом не вспотеешь — зимой не согреешься*; *Летом с удочкой — зимой с сумочкой* (ловить рыбу / нищенствовать).

По мнению Ю.С. Степанова, противопоставление — одна из самых тонких пленок грамматической формы. Но вместе с тем — и один из самых старых приемов сравнения в фольклоре, сравнение через отрицание сравнения [5, с. 99].

Мы приходим к выводу, что противопоставление лежит в основе антонимической концептуализации в ПКМ. В пользу такого вывода выступают следующие особенности процесса концептуализации в ПКМ.

В систему антонимического концепта входят слова, которые противопоставляются в семантическом поле концепта зачастую благодаря лишь своему символическому значению; фреймы, ситуации, типичные для данной культуры и понятные всем носителям языка; а также другие концепты, которые либо втягиваются в содержание исследуемого концепта, либо сами его поглощают.

Именно те понятия, символы и фреймы, которые составляют внутреннюю форму пословицы, отражают национально-культурный компонент картины мира определенного народа. В ПКМ встречаются такие противопоставления, которые способны отразить явления, с трудом поддающиеся семантизации напрямую. Их компоненты с точки зрения теоретического языкознания не являются антонимами, но для носителей культуры они являются концептуальными противоположностями и отражают совершенно определенные грани рассматриваемого концепта.

Базовые компоненты концептов в кодифицированном языке являются антонимами на основе общей архисемы. В ПКМ эта архисема расширяет свое значение настолько, что подчиняет себе все понятия, попадающие в семантические поля концептов. Элементы ядра могут быть осмыслены только при сопоставлении друг с другом, а содержание одного из элементов является противоположностью всему содержанию второго. Явление не мыслится без своей противоположности. За счет такого слияния достигается объемность мыслимого концепта, ведущая к целостности общей картины мира. При этом в части паремий могут выступать национально-культурные компоненты антонимической пары.

Смысл вербализуется при помощи антонимичных понятий, которые могут выражаться существительными, глаголами, наречиями, прилагательными. Пословичная картина мира любое средство выражения использует для раскрытия глубинной идеи, "форма есть поверхностная часть ("тонкая пленка") содержания" [5, с. 99]. Любое слово, попадая в поле антонимического концепта, находит свою оппозицию на основе актуального в момент речи признака или качества. Прежде всего этим объясняется, почему антонимические пары могут образовывать слова, не являющиеся антонимами с точки зрения кодифицированного языка. Но для пословичной картины мира важен не столько сам предмет, сколько его характерный признак, то есть противопоставляются не денотаты, а качественные характеристики. На определение такого качества существенное влияние оказывают контекст и замысел говорящего.

Противоположности могут выражаться при помощи концептуальных антонимических пар или при использовании отрицательных конструкций. При этом отрицательным маркерам уделяется больше внимания, чем положительным или нейтральным. Подчеркнем главное — любой аспект содержания концептов может быть рассмотрен, проанализирован и вербализован носителями ПКМ, только будучи сопоставленным со своей концептуальной противоположностью.

Литература

1. Гварджаладзе, И.С. Английские пословицы и поговорки / И.С. Гварджаладзе. М., 1971.
2. Иванова, Е.В. Пословичная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.20 / Е.В. Иванова. СПб., 2003.
3. Мокиенко, В.М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений / В.М. Мокиенко. СПб., 2006.
4. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений / сост. А.А. Хазан. Смоленск, 2001.
5. Степанов, Ю.С. концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. М., 2007.
6. Фелицына, В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановед. Слов / В.П. Фелицына. М., 1979.
7. Шасцімоўны слоўнік прыказак, прымавак і крылатых слоў / Н.А. Ганчарова [і інш.]; пад рэд. А.А. Ганчаровай. Мінск, 1993.
8. Kuskovskaya, S. English proverbs and sayings. Minsk, 1987.
9. PASSWORD: англо-русский толковый словарь / ed. A. Pihlak. – Tallinn: TEA Language Center Ltd, 1996.

И.Е. Севрюк (Минск)

КОГНИТИВНЫЕ КЛЮЧИ ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ

Обращение лингвистов к когнитивной парадигме исследований в настоящее время объясняется переносом акцента на изучение языковой способности человека как центральной черты инфраструктуры его мозга. Однако, если изучение процесса речепроизводства получило широкое освещение в литературе последних лет, то процесс восприятия до сих пор ставит перед учеными ряд вопросов, требующих детального изучения слухоречевого поведения в когнитивном аспекте. Как известно, предметом изучения когнитологии является устройство и функционирование человеческих знаний. Какие же лингвистические знания необходимы слушающему для процедуры смысловой идентификации звучащей информации, и как они используются им для достижения одной из основных целей коммуникации — понимания?

Реконструкция смыслового содержания звучащей речи происходит в результате структурирования, членения поступающей информации на линейные кванты-последовательности, определённые единицы, характеризующиеся семантико-синтаксической целостностью, оформленной просодически. Ведь в своем взаимодействии с чувственно воспринимаемым миром человек отнюдь не "отражает" окружающую его среду — он членит ее соответственно своей собственной интерпретации, ее релевантности для осуществления им эффективной коммуникации, салиентности, т.е. возможности фокусирования своих ресурсов восприятия на наиболее важной и соответствующей ситуации перцептивной информации, и т.д. По какому же принципу происходит выделение не-

обходимых для понимания смысловых единиц, что служит опорой при декодировании информации, т.е. что выступает для слушающего в качестве когнитивных ключей, открывающих путь к пониманию смысла?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, нами было проведено экспериментальное исследование, **цель** которого заключалась в исследовании выбора слушающими места локализации паузы в процессе речевосприятия. Как известно, пауза является маркером синтагматического членения речи, т.е. выступает у испытуемого в качестве определённого функционального сигнала, соответствующего структурной границе выделяемой им смысловой единицы. В качестве **гипотезы** исследования выступило предположение о том, что в качестве когнитивных ключей процесса восприятия выступают просодически маркированные слоги и слушающий, ориентируясь на них, локализует паузы именно в таких местах. Таким образом, пауза, выполненная за просодически маркированным слогом, может служить знаком понимания содержания, включенного в только что прозвучавшую смысловую единицу.

Для участия в эксперименте были привлечены 4 группы испытуемых с различной степенью сформированности просодических обобщений французской речи:

- *в первую группу* вошли выпускники Минской лингвистической гимназии с углубленным изучением французского языка;
- *вторую группу* составили студенты 4 курса факультета французского языка МГЛУ, занимающиеся по общепринятой в специальном языковом вузе программе;
- *третья группа* была представлена студентами 4 курса факультета французского языка МГЛУ, прошедшими курс Аудитивного лингвотренинга;
- *четвёртая группа* состояла из переводчиков-синхронистов.

Задача испытуемых состояла в определении ими границ смысловых единиц, необходимых для понимания звучащей речи. Самостоятельно руководя подачей записи, испытуемые могли прослушивать её "удобными" порциями, останавливая запись клавишей "пауза". В результате проведённого исследования была получена следующая таблица.

Локализация перцептивных пауз испытуемыми
(в % относительно общего количества выполненных пауз)

группы испытуемых	на границе просодически сильно маркированных единиц	на границе просодически слабо маркированных единиц	внутри смысловых единиц
I	30,5	23,9	45,6
II	33,7	18,5	47,8
III	71,0	17,3	11,7
IV	97,2	2,6	0,2

У I и II групп испытуемых преобладающим является остановка внутри смысловых единиц в процессе восприятия (45,6% и 47,8% соответственно). Наличие перцептивной паузы как на границе просодически сильно маркированных слогов (30,5% и 33,7% соответственно), так и на границе перцептивно слабых слогов (23,9% и 18,5% соответственно) не позволяет выявить для данных групп испытуемых надёжные признаки при реконструкции смысла звучащей

речи. Можно предположить, что именно недостаточная степень сформированности просодических обобщений не даёт испытуемым в полной мере использовать просодические признаки в качестве когнитивных ключей. У III и IV групп наблюдается определённая тенденция к выполнению перцептивной паузы преимущественно на границе с сильным просодическим маркированием (71,0% и 90,2% соответственно), количество пауз на границе просодически слабо маркированных единиц (17,3% и 2,6% соответственно) и остановок внутри акцентных единиц (11,7% и 0,2% соответственно) незначительно. Сформированность просодических обобщений у данных групп испытуемых позволяет им использовать просодические признаки в качестве маркеров границ смысловых единиц, т.е. служить когнитивными ключами при распознавании смысла.

Таким образом, в ходе проведённого экспериментального исследования были сделаны следующие выводы:

- в качестве когнитивных ключей процесса восприятия выступают просодически маркированные слоги на границе акцентных единиц.
- использование просодических признаков в качестве когнитивных ключей для членения на смысловые единицы зависит от степени сформированности перцептивных просодических обобщений.

В.А. Скачкова (Гомель)

СПЕЦЫФІКА СЛОВАСПАЛУЧАЛЬНАСЦІ Ў СПРАВАВЫМ МАЎЛЕННІ

Пісьмовае справавае маўленне характарызуецца спецыфічнай словаспалучальнасцю, якая заключаецца ў тым, што большасць слоў выкарыстоўваецца толькі з адным словам ці з абмежаванай групай слоў.

Такое спалучэнне дасягае максімальнай семантычнай сувязі у справавым маўленні, бо з'ядноўваецца, сінтэзуецца ёю практычна ў асобную непадзельную адзінку.

Словазлучэнні з дзеясловам у ролі галоўнага кампанента з'яўляюцца самым распаўсюджаным тыпам у справавай дакументацыі. Тлумачэннем гэтаму лічым той факт, што ў дзелавой дакументацыі галоўную ролю адводзяць дзеянню, якое дазваляе рэалізаваць аўтару свае мэты і намеры. Адначасова ключавыя словы-дзеясловы выражаюць не толькі сэнсавыя аспекты паведамляемага, але і вызначаюць танальнасць паведамлення. У пісьмовым справавым маўленні з дапамогай дзеяслоўных канструкцый выражаюцца наступныя маўленчыя дзеянні:

- паведамленне: *паведамляем, хочам паведаміць Вам;*
- прапанова: *прапануюваем;*
- просьба, патрабаванне, распараджэнне: *прашу, просім, заяўляем, аб'яўляем;*
- загад: *загадваю, абавязваю;*
- абяцанне: *завяраем, абяцаем, гарантуем;*
- напамінак, папярэджанне: *напамінаем, папярэджваем;*
- адказ: *вымушаны адказаць, не можам выканаць Вашу просьбу, не маем магчымасці задаволіць Вашу просьбу;*

выраженне адносін (формулы этыкету): *са шкадаваннем паведамляем, просім прабачэння, выказваем удзячнасць, дзякуем, жадаем поспехаў, выказваем спачуванне.*

Лексіка-граматычны аналіз дзеяслоўных словазлучэнняў справавога маўлення дазволіў вылучыць наступныя разнавіднасці:

1) Дзеяслоў + назоўнік у родным склоне.

Словазлучэнні гэтай групы выражаюць пераважна аб'ектныя адносіны са значэннем жадання, дасягнення аб'екта. Галоўным кампанентам тут выступаюць дзеясловы са значэннем жадання, імкнення, дасягнення, адносін, якія абумоўліваюць семантыку залежнага кампанента –назоўніка з абстрактным значэннем: *пазбаўляць магчымасці, пазбаўляць правоў, пазбаўляць кіраўніцтва, патрабаваць тлумачэнняў, удастоіцца адказу, дабівацца згоды, дабівацца палішэння, дасягаць узроўню.*

2) Дзеяслоў + назоўнік у давальным склоне.

Словазлучэнні дадзенай групы выражаюць дадатковыя адносіны. У якасці залежных слоў тут выступаюць абстрактныя назоўнікі: *садзейнічаць развіццю, садзейнічаць выкананню, дапамагаць кіраўніцтву, абавязваць функцыям.*

3) Дзеяслоў + назоўнік у вінавальным склоне.

Словазлучэнні гэтай групы выражаюць аб'ектныя адносіны з адценнем канкрэтна-фізічнага ўздзеяння на аб'ект. У якасці залежных выступаюць як абстрактныя, так і канкрэтныя назоўнікі з абагульняючым значэннем: *затрымаваць развіццё, укараняць распрацоўку, даваць распіску, рабіць рэвізію, выдзяляць сродкі, парушаць умовы, выказаць заўвагі, абгрунтаваць высновы, узгадняць дзеянні, разглядаць пытанні, рыхтаваць кадры, павышаць кваліфікацыю, прызначаць камісію, здзяйсняць каардынацыю.*

4) Дзеяслоў + назоўнік у творным склоне.

Словазлучэнні гэтай групы выражаюць аб'ектнае значэнне са шматлікімі адценнямі, звязанымі з семантыкай галоўнага і залежнага слоў: *абменьвацца звесткамі, валодаць сілай, адказваць згодай, пераконваць фактамі, валодаць ініцыятывай, быць выключэннем, абкладаць падаткам, дзяліцца вопытам, карыстацца магчымасцю, з'яўляцца гарантыяй, валодаць кампетэнцыяй, кіравацца наменклатурай, кіраваць пошукам.*

5) Дзеяслоў + прыназоўнік + назоўнік у родным склоне.

Словазлучэнні гэтай групы выражаюць наступныя значэнні: аб'ектнае — *здымаць з абмеркавання, выключаць з арганізацыі, выходзіць з друку, адступаць ад нормы, накіроўваць для абагульнення, прыцягваць да адказу*; азначальна-акалічнаснае — *зводзіць да мінімуму, пакінуць без адказу.*

6) Дзеяслоў + прыназоўнік + назоўнік у вінавальным склоне.

Словазлучэнні гэтай групы шырока ўжывальныя ў справавым маўленні. Яны выражаюць аб'ектнае значэнне: *накіроўваць у камандзіроўку, браць пад кантроль, даваць у крэдыт, заносіць у працякол, укладацца ў тэрмін, уступаць у канфлікт.*

7) Дзеяслоў + прыназоўнік + назоўнік у творным склоне.

Словазлучэнні гэтай групы выражаюць аб'ектнае значэнне — *выступаць з ініцыятывай, трымаць пад кантролем, лічыцца з меркаваннем, выступаць са зваротам, звяртацца з просьбай, выступаць з патрабаваннем, звяртацца з*

пытаннем, выступаць з дакладам і сумеснасці дзеяння — узгадняць з арганізацыяй.

8) Дзеяслоў + прыназоўнік + назоўнік у месным склоне.

Словазлучэнні гэтай групы выражаюць значэнні: аб'ектнае — *ляжаць у аснове, прадугледзець у плане, быць у падпарадкаванні, узаўляць на рабоце, выкарыстоўваць на прызначэнні*; прасторавае — *знаходзіцца ў полі зроку.*

Большая частка словазлучэнняў заснавана на сінтаксічнай сувязі кіравання, сустракаюцца выпадкі іменнага прымыкання. Ім уласцівыя прамы парадак слоў — постпазіцыя залежнага слова.

Дзеясловы у функцыі ключавых слоў у справавым маўленні могуць выкарыстоўвацца ў форме трэцяй асобы адзіночнага ліку, калі называюць дзеянне, якое ажыццяўляецца ад імя ўсёй арганізацыі ("*САЮЗЛЕГПРАМ*" *прапаноўвае...*; *АТ "Белфарм" гарантуе...*) і трэцяй асобы множнага ліку (*адміністрацыя і прафсаюзы камітэт універсітэта прадастаўляюць...*). Калі аўтар дакумента — асоба фізічная, то дзеянні перадаюцца ад першай асобы адзіночнага ліку (*загавяю; абавязваю; прашу паведаміць...*; *прапаноўваю правесці...*) і ад першай асобы множнага ліку (*Запрашаем Вас...; нам прыемна паведаміць Вам...*).

Часцей за іншыя ў тэкстах дакументаў сустракаецца дзеяслоў *прасіць*. Ён уключаецца ў тэксты заяў, службовых запісак, скаргаў, пісем-запытаў, пісем-прапаноў, пісем-запрашэнняў і іншых. Такая выкарыстальнасць і шматфункцыянальнасць дадзенага слова тлумачыцца этыкетнымі патрабаваннямі да мовы справавых папер, а таксама псіхалагічнымі законамі зносін, бо заўсёды лягчэй выканаць дзеянне, выражанае ў форме просьбы, чым у форме загаду ці ўказання, напрыклад: *Просім неадкладна пагасіць запазычанасць за 2005 год...; Прашу спыніць неправамоцныя дзеянні каменданта інтэрната...*

Словазлучэнні з дзеясловам у ролі галоўнага кампанента з'яўляюцца самым шматлікім і разнастайным тыпам словазлучэнняў у справавым маўленні. Абумоўлена гэта шырокай спалучальнасцю і разнастайнасцю семантыка-сінтаксічных значэнняў самога дзеяслова, які з'яўляецца граматычным і семантычным ядром сказа і ўступае ў падпарадкавальныя сувязі амаль з усімі даданымі членамі сказа.

Ян Сяоянь (Кітай)

ГЕНДЕРНЫЕ РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПАРЕМИЯХ

Гендерные отношения существуют на земле с древности и, конечно же, очень интересно проследить, как в паремиях были отражены родственные отношения с точки зрения гендера.

Нами исследовано 157 пословиц и поговорок, которые включают в себя семь родов в русском языке. Это указывает на то, что русский народ много внимания уделяет родственникам, родство занимает важное место в бытовой жизни русского народа. Лексемы *муж* и *жена* наиболее употребительны в пословицах и поговорках с семами родства. А слова *свёкор* и *тесть* используются редко в русской наивной картине мира.

Лексемы с обозначением родства в пословицах и поговорках могут использоваться не по одиночке, например, лексема *муж* часто встречается с лексемой *жена*; лексема *брат* — с лексемой *сестра*; лексемы *отец* и *мать* часто встречаются с лексемой *дети*; лексема *зять* — с лексемой *сын* и с лексемой *тёща*.

Лексемы с обозначением родства в пословицах и поговорках часто встречаются с уменьшительно-ласкательными суффиксами, например, в поговорке *Чай устала моловиши, невестушка, поди-ка, потолки* имеется слово *невестушка* с уменьшительным суффиксом. Здесь уменьшительный суффикс *-ушк-* обозначает ласковое обращение к невестке, хотя в данном контексте и имеет отрицательный оттенок. А в поговорке *У тещи зятек любимый сынок* имеется слова *зятек* и *сынок* с уменьшительными суффиксами *-ёк-* и *-ок-*. Но здесь эти суффиксы ласкательные и имеют положительный оттенок. В поговорке *Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровица* имеются слова *свекровушка* с ласкательным суффиксом и *свекровица* с увеличительным суффиксом. Здесь уменьшительный суффикс *-ушк-* обозначает ласковое обращение к свекрови, но в данном контексте он имеет отрицательный оттенок, суффикс *-иц-* всегда имеет отрицательную окраску. Эти суффиксы придают особую коннотацию терминам родства.

Есть уменьшительно-ласкательные суффиксы в пословицах и поговорках, которые обозначают разные коннотации, несмотря на то, что суффикс один и тот же. Например, в поговорке *Матушкин сынок, да батюшкин горбок* имеются слова *сынок* и *горбок* с уменьшительными суффиксами *-ок-*. В этом контексте суффикс *-ок-* в слове *сынок* обозначает положительный ласкательный оттенок, а суффикс *-ок-* в слове *горбок* имеет нейтральную окраску.

Но в пословицах и поговорках наличие суффиксов может не нести никаких оттенков в контексте, потому что эти пословицы и поговорки взяты из бытовой жизни. Например, в пословице *Неудатный сынища отцу-матери покор* имеется слово с увеличительным суффиксом "*-иц-*", который обозначает негативное обращение к сыну. В поговорке *Четыре сестрицы в одну лунку плюют* имеется слово *сестрицы* с уменьшительным суффиксом, лексема *сестрицы* имеет нейтральную окраску.

В пословицах и поговорках есть один уменьшительно-ласкательный суффикс, который в одной поговорке обозначает и уменьшительное, и ласкательное значение, например: в поговорке *Маленькие детки, маленькие бедки, а вырастут велики — будут большие* имеются слова *детки* и *бедки* с уменьшительными суффиксами *-к-*. В пословице *Все детки, да не одной матки* имеются слова *детки* с уменьшительным суффиксом *-к-*, и слово *матки* с ласкательным суффиксом *-к-*.

В поговорке *Матушкин сынок, да батюшкин горбок* слова *матушкин, сынок, батюшкин* и *горбок* с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-ушк-*, *-ок-*, *-юшк-* и *-ок-* выражают хорошие отношения между матерью и сыном и плохие отношения между отцом и сыном.

В пословицах и поговорках эти слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами выражают не только отношение между родственниками, а и образ родственников. Например, в поговорке *Кому свекровь свекровушка, а кому и*

свекровица имеются слова *свекровушка* и *свекровица* с ласкательным суффиксом *-ушк-* и увеличительным суффиксом *-иц-*. Как раз здесь уменьшительный суффикс *-ушк-* имеет положительное значение, а *-иц-* имеет отрицательный оттенок, и образ свекрови становится противоречивым.

Глаголы, как это типично для пословиц и поговорок, которые используют лексемы с обозначением родства, часто опущены, существование их подразумевается и конкретное действие зависит от контекста употребляемой пословицы. Например, в пословице *Зять — на дворе, пирог — на столе* опущенный глагол может быть *стоит*. В поговорке *Муж от жены на пядень, а жена от мужа на сажень* опущенный глагол может быть *отойдет*.

Те пословицы и поговорки, в которых отсутствует глагол, обычно еще более лаконичны. Они состоят из двух частей, вторая часть которых дефинирует первую — поясняет и раскрывает ее смысл. Такие пословицы в своем составе чаще всего имеют существительные, прилагательные, местоимения и союзы, например: *Муж — голова, жена — душа; Жена без мужа — вдовы хуже*. В таких пословицах заместителем глагола выступает тире, которое связывает две части пословицы в одно монолитное, законченное и нераздельное смысловое целое.

Глаголы в пределах одной пословицы иногда противопоставляются один другому, подчеркивая антитезисный характер выражения и смысл двух противоположных частей текста. Например, в поговорке *Зять по дочке помилеет, а сын по невестке опостылеет* глаголы с противоположным смыслом *помилеет, опостылеет* выражают хорошее отношение между зятем и тещей, а плохое отношение между невесткой и свекровью.

Глаголы в пословицах употребляются чаще всего в неопределенной форме, в повелительном наклонении или в форме третьего лица единственного и множественного числа. Неопределенная глагольная форма не указывает на действующее лицо и поэтому обладает большой степенью обобщения. Например: *Жене спускать — добра не видать*. Часто повелительное наклонение глаголов используется с отрицательной частицей *не* и обозначает запрет какого-либо действия и предостережение. Например: *Не жени сына на теще, не отдавай дочери за свекра*.

Пословицы и поговорки, которые включают в себя семы родства, часто употребляют родительный падеж, указывающий на принадлежность или отсутствие предмета. Часто родительный падеж употребляется с предлогом *без*. Обычно в таких пословицах и поговорках налицо двойное отрицание, или два раза повторяется предлог *без*, или *без* и частица *не*. Например: *Ни в сыворотке сметаны, ни в зяте племени; Без мужа, не жена; Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт*.

Прилагательные в пословицах и поговорках также имеют смысловую и тематическую окрашенность, они передают конкретную суть отношений родственников. Такие прилагательные, как *добрый, плохой, хороший, худой*, имеют высокую степень употребления, например: *Добрая жена дом сбережёт, плохая рукавом растрясет; Хорошая невеста, худая жена*.

В своем собственном значении определений прилагательные в пословицах и поговорках часто употреблены в сравнительной степени, например: *Жена без мужа — вдовы хуже*.

Употребление кратких прилагательных характерно для пословиц и поговорок, поскольку они создают впечатление лаконичности, ритмичности и концентрированного смысла. В пословице *Муж стар, жена молода, дожидайся детей* краткие формы от полных прилагательных *старый* и *молодая* противопоставлены по значению и употреблению.

Краткие прилагательные употребляются не только в парах, но и отдельно, например, прилагательное *богатый* употреблено в краткой форме в единственном числе в пословице *Кто богат, тот мне и брат*. Как видим, краткие прилагательные повторяют особенности употребления полных прилагательных, но формируют особый лаконизм и ритмику пословичной паремии.

Прилагательные в пословицах и поговорках иногда употребляются как антонимичные пары и противопоставляются в пределах одного высказывания: *Плохой муж в могилу, добрая жена по дворам*.

Чаще всего противопоставляются пословицы и поговорки, в которых имеются лексемы *муж* и *жена*. В рубрике "*муж — жена*" пословицы и поговорки исследуют взаимосвязанное отношение между мужем и женой. Необходимо отметить, что отношения между мужем и женой не являются однозначными, в этих пословицах и поговорках показывается, что муж и жена зависят друг от друга, например: *Муж с женой, что мука с водой, а теща дрожжи*.

Пословицы и поговорки при всей своей, свойственной только им, категоричности суждений обладают, как правило, двойственностью мнения об одном и том же лице. Одна и та же пословица может утверждать два противоположных мнения. Например, в поговорке *Честный муж одну только жену обманывает* утверждается честный характер у жены и нечестный характер у мужа.

Отношения между мужем и женой, по-видимому, гармоничны и носят характер согласия, лада: домашние ссоры случаются, но *Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится*, и статус жены не может быть выше статуса мужа: *Жена верховодит, так муж по соседям бродит*.

Отношения между мужем и женой в паремиях характеризуются очень низким социальным положением женщин, и жена зависит от мужа, например: *Жена без мужа — вдовы хуже*.

В пословицах и поговорках русского языка термины родства при характеристике человека имеют как нейтральную, так и положительную и отрицательную оценки. Они могут иметь воспитательную роль и учить молодое поколение доброму отношению к более старым людям, например: *Подсади деда на печь, тебя внуки подсадят*. В народе считалось, что от плохих родителей нельзя ждать хороших детей: *От плохого семени не жди доброго племени*. Очень ценится в наивной картине мира братская любовь: *Братская любовь крепче каменных стен*. В паремиях порицается пристрастие к водке: *Муж — за рюмочку, а жена — за стаканчик; Муж за чарку, а жена за палку; Муж задурит — половина двора горит, а жена задурит, и весь дом сгорит; Муж запьёт — полдома пропьёт, жена запьёт — весь дом пропьёт*. В пословицах: *Муж — как бы хлеба нажить, а жена — как бы мужа избыть; Муж — комельком, же-*

на — язычком; Жена взбесилась и мужа не спросилась; Муж в бедах, а жена в гостях; Муж в дверь, а жена в Тверь; Муж пашет, а жена пляшет; Муж по дрова, а жена со двора; Муж по дрова — жена соломенная вдова; Муж по деревням, а жена в ожерелье; Муж носит в дом мешком, а жена выносит горшком — жена характеризуется с отрицательной стороны, а муж с положительной.

Нейтральную коннотацию имеют пословицы и поговорки: *Муж без жены — что гусь без воды; Муж без жены — что конь без узды; Всякому мужу своя жена мила; Между мужем и женой нитки не протацишь; Жена мужа и не бьёт, а под свой норов ведет; Муж — голова, жена — душа; Муж тяни гуж, а жена шей рубашки; Муж возом не навозит, что жена горшком наносит; Муж да жена — одна душа; Муж да жена больше, чем брат и сестра; Муж жене — отец; жена мужу венец; Муж и жена — из одного кремня искры; Муж и жена — одна сатана; муж крепок по жене, а жена крепка по мужу; Муж молоти пшеницу, жена пеки паленицы; Муж с женой бранится, чужой не вяжись; Муж с женой, что лошадь с телегой: везут, когда они исправны — в этих паремиях показано, что семья у русского народа всегда была на первом месте.*

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Адамович Т.И. (Минск, БГУ) Представление таланта в виде объекта-системы в свете системной философии	5
Важнік С.А. (Минск, БГУ) <i>Шаноўныя браты і сябры, каб вас воўк паеў!</i> , або Працяг нашаніўскай лістоўнай традыцыі ў эпістальнай спадчыне Якуба Коласа	9
Голенков В.В., Гулякина Н.А. (Минск, БГУИИР) Базовые средства формального представления сложноструктурированных знаний	15
Евчик Н.С. (Минск, МГЛУ) Результат как доминирующий фактор речевой функциональной системы	18
Зубов А.В. (Минск, МГЛУ) Формализация процесса порождения текста	23
Коваль В.И. (Гомель, ГГУ) Оценочная семантизация лексики как проявление гендерной асимметрии (на материале "женско-мужского словаря")	25
Прохорова С.М. (Минск, БГУ) Вспоминая В.А. Карпова	29
Скоропанова И.С. (Минск, БГУ) Тайнопись в стихотворении Н. Заболоцкого "Лебедь в зоопарке"	32
Чумак Л.Н. (Минск, БГУ) Тенденции развития и инновации в методике преподавания РКИ	36

Секция 1

методика преподавания языков

Белакурская Ж.Я. (Минск, БГУ) Адукацыйна-асветніцкія праблемы ў зборніку Якуба Коласа "другое чытанне для дзяцей беларусаў"	40
Будай В.Г. (Турция, Эрджиевский ун-т), Джоши Шьяма (Индия, Химачал Прадеш ун-т) Корректное использование пословиц, поговорок, фразеологизмов как элемент владения социокультурной компетенцией	44
Бурак А.Г. (Минск, БГУ) Топонимы в лингвокультурологическом комплексе "Беларусь"	48
Гербик Л.Ф. (Минск, БГУ) Система обучения иностранных студентов: типовые программы по РКИ и сложности их реализации	51
Гордей А. Н. , Овчинникова А. Н. (Минск, БГУ) Методология изучения китайского языка с опорой на универсальные семантические категории	53
Долбик Е.Е. (Минск, БГУ) Решение проблемных задач как метод активного обучения русскому языку	64
Егоркина Ю.Э. (Минск, БГУ) Белорусские праздники: традиции и новации в обучении РКИ (на материале комплекса "Беларусь")	68

Казанкова Е.А. (Минск) Факторы редукции коммуникации в повествовании от 3-го лица (на материале повести Л. Улицкой и в. Потапенко)	71
Касюк Н.С. (Минск, БГУ) "Когда строку диктует чувство..." (опыт анализа стихотворения Б. Пастернака "Марбург")	75
Коваленок Т.В., Сазонова Т.С. (Минск, БГУ) Использование проектных технологий в процессе формирования коммуникативной компетенции при обучении иностранным языкам	79
Ле Тхи Тхюм (Вьетнам) Лексико-грамматические разряды глаголов совершенного и несовершенного вида в рассказе М. Горького "Старуха Изергиль"	82
Матюнова А.А. (Минск, БГУ) Принцип историзма при преподавании РКИ	85
Пахомова Ю.Н. (Минск, БГУ) Языковая среда как фактор формирования межкультурной компетенции у иностранных студентов-филологов при обучении русскому языку	88
Руто Д.Л. (Минск, БГУ) Белорусские прецедентные тексты на занятиях по РКИ	91
Хоанг Тхи Бен (Вьетнам) Картина беспредложного глагольного управления в повести Н. Карамзина "Бедная Лиза"	93
Шириня Е.Л. (Минск, Институт непрерывного образования БГУ) К вопросу разработки лексико-грамматических тестов по РКИ для начального этапа обучения	99
Д. Дж. Хилмерс (Америка / Беларусь) Заголовочные языковые игры в преподавании РКИ	102

Секция 2

Прикладная лингвистика

Барбук С.Г. (Минск, МГЛУ) Изомерия в русском, белорусском и болгарском языках	105
Воронович В.В. (Минск, БГУ) Словарь лексических валентностей в системе русско-белорусского машинного перевода	108
Гомон Д.Н. (Минск, БГУ) Изомерия и омонимия как симметричные явления	111
Крылович М.Ю. (Минск, МГЛУ) системные просодические характеристики диалогической речи на английском языке у слабослышащих	116
Лобанов Б.М., Цирульник Л.И. (Минск, НАН РБ) система персонализированного аудиовизуального синтеза речи и её возможные приложения	120
Рубашко Н.К. , Невмержицкая Г.П. (Минск, БГУ) К вопросу разработки словарей информационной системы "Машинный фонд белорусского языка"	124

Секция 3
Общая теория систем

Бадзевіч З.І. (Минск, БГУ) Фармальна-семантычная структура прыметнікаў з прыстаўкамі лацінскага паходжання ў сучаснай беларускай мове	129
Безус С.Н. (Пятигорск, Россия) Генитивные отношения в официально деловом стиле (на материале испанского языка)	132
Вологовская Н.А. (Минск, БГУ) Системные отношения в группе диалектных названий блюд из яиц в белорусском и украинском языках	134
Гапеева В. М. (Минск, МГЛУ) Да пытання перакладу з англійскай мовы на беларускую лексічных адзінак з семантыкай жадання	139
Глинка Е.В. (Брянск, БрГУ) Элементы сопоставления болгарской и русской системы словообразования в терминах симметрии / асимметрии	142
Головня А.И. (Минск, БГУ) Аффиксация как система	145
Гордей Н.Н. (Гродно, ГрГУ) Вокализация субстантивной основы как особенность языка фузионно-флективного типа (на материале русского и белорусского языков)	149
Григор Григоров (Болгария, Благоевград) Ономастика и мистификация (личните имена в поетичния цикъл "На острова на блажените" от П.П. Славейков от гледна точка на езиковата изомерия на В.А. Карпов)	153
Иванов К.И. (Минск, БГУ) Субъективное и объективное в характеристике фактов болгарского языка. Дилетанты и ученые	155
Калюта А.М. (Беларусь/Турция) Граффити как лингвистический и психологический феномен	159
Погребная Н.А. (Минск, БГУ) Антонимия знаков в пословичной картине мира	165
Севрюк И.Е. (Минск) Когнитивные ключи процесса восприятия	168
Скачкова В.А. (Гомель) Спецыфіка словаспалучальнасці ў справавым маўленні	170
Ян Сяоянь (Китай) Гендерные родственные отношения в паремиях	172

Научное издание

**ТРЕТЬИ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА В. А. КАРПОВА**

Сборник научных статей

(Минск, БГУ, 13–14 марта 2009 г.)

В авторской редакции

Компьютерная верстка *А. К. Карпова*

Дизайн обложки *Я.В. Карпов*

Подписана к печати _____. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. _____. Усл. – изд. л. _____. Тираж 100 экз. Зак.

Белорусский государственный университет
Лицензия ЛВ № 02330/0056804 от 02.03.2004.
220050, Минск, проспект Независимости, 4

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие "Издательской центр Белорусского
государственного университета".
ЛП № 02330/0056850 от 30.04.2004.
220030, Минск, ул. Красноармейская, 6.